

**ВЕСТНИК
ИНСТИТУТА
КЕННАНА
В РОССИИ**

ВЫПУСК

13

Москва 2008

Научно-публицистическое издание
Выходит два раза в год

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Института Кеннана

Главный редактор:

Леокадия Дробижева

Редакционная коллегия:

Юрий Батурин

Эмиль Паин

Екатерина Алексеева (ответственный секретарь)

Над номером работали: Павел Королев, Галина Левина

Верстка: Любовь Алексенко

На обложке: «Экология». Скульптор А.Н. Бурганов. Фото Павла Королева

Адрес редакции:

Москва, ул. Волхонка 14, комн. 527,

РОО «Содействие сотрудничеству Института им. Дж. Кеннана с учеными
в области социальных и гуманитарных наук»

Адрес для корреспонденции:

123001, Москва, а/я 90

Тел./факс: (495) 232-34-96

Электронный адрес:

katya.kennan@gmail.com

ISSN 1998-5800

Мнения, высказанные в опубликованных материалах, могут не совпадать с точкой зрения редакции

При перепечатке материалов

ссылка на «Вестник Института Кеннана в России» обязательна

С о д е р ж а н и е

К читателю 5

Взаимодействие власти и общества: взгляд через электоральное поведение

Владимир Гельман
Эволюция электоральной политики в России:
на пути к недемократической консолидации? 7

Мария Белоусова
Мифологическая реальность избирателя 19

Этнокультурное разнообразие и проблемы интеграции российского общества

Владимир Малахов
Почему в России нет «мультикультурных исследований»? 24

Ольга Вендина
Культурное разнообразие и «побочные» эффекты
этнокультурной политики в Москве 30

Татьяна Иванова
Афганцы в Москве: интеграционный потенциал 53

Виктор Шнирельман
Идентичность, культура и история: провинциальный ракурс 64

От этнической нации к политической – возможно ли это в России?
Материалы дискуссии с участием Эмиля Паина, Льва Гудкова
и Владимира Малахова 79

Комментарий главного редактора журнала 104

Реформирование социальной сферы

Линда Кук
Политика, приватизация и информализация в ходе
реформирования постсоветского социального государства 107

Россия и Америка: к пониманию друг друга

- Юрий Батулин*
Посольство США. Москва. 1944. Секретно...
(Эпизоды дипломатической работы Джорджа Кеннана в СССР) 123

Хроника

- Календарь событий осени – зимы 2007/2008 года 132
- Совет Товарищества 134
- Иван Курилла*
История края как поле конструирования
региональной идентичности 135

Проекты и программы

- Академическая программа Фулбрайт-Кеннан 137

Книги

- Игорь Орлик*
Кто развяжет «балканский узел»? 138
- Александр Алтунян*
Новая книга о модернизации России 143
- Вышли из печати 150
- Summaries* 151
- Приглашаем авторов к сотрудничеству* 154

К читателю

Этот номер «Вестника» выходит после значимых для России событий. Прошедшие парламентские и президентские выборы широко освещались в средствах массовой информации и обсуждались в кругах ученых-обществоведов. Эксперты активно комментировали даже сравнительно незначительные изменения во властных структурах. И это понятно – ведь любая смена власти заставляет вновь и вновь анализировать пройденный страной путь и рождает определенные ожидания и прогнозы относительно ее будущего. В связи с выборами много говорилось и писалось об определяемой властной элитой стратегии развития России в экономической, социальной и внешнеполитической сферах. При этом одним из самых важных вопросов, который со всей отчетливостью обозначили выборы, является вопрос о самостоятельной роли общества в политической системе. Ведь, как отмечают многие исследователи, без общественного участия и контроля любые демократические институты теряют свои рабочие функции, замещаясь сугубо декоративными и символическими.

Поэтому неслучайно, что эту тему так или иначе затрагивает большинство авторов выпуска. Например, В. Гельман рассматривает динамику электоральной политики государства, а М. Белоусова предлагает свою точку зрения на восприятие избирателями этих перемен.

Сегодня становится все более очевидным, что любые проекты модерни-

зации страны невозможно осуществить без интеграции российского общества. На каких основах она может быть достигнута? Можно ли опереться на социокультурные традиции, использовать конструктивный потенциал этнической идентичности? Сумеем ли мы грамотно распорядиться формирующимся в настоящее время капиталом этнокультурного разнообразия, с тем чтобы он способствовал устойчивому социально-экономическому развитию нашей страны? Рассмотрению этих вопросов посвящены статьи В. Малахова, О. Вендиной, Т. Ивановой, В. Шнирельмана и острая полемическая дискуссия, развернувшаяся между Э. Паиным, Л. Гудковым, В. Малаховым и другими участниками «круглого стола», материалы которого мы публикуем.

По-прежнему актуальной остается тема реализации социальной политики. Сегодня российская власть уделяет больше внимания, чем раньше, нуждам социально менее защищенных слоев населения и ресурсных групп работников. В этой связи представляет несомненный интерес сравнительное исследование процессов реформирования социальной сферы в посткоммунистических государствах, проведенное американкой Л. Кук. Ее статья и публикация А. Чириковой в предыдущем номере «Вестника» дают возможность читателям под разными углами зрения взглянуть на социальную политику современной России, в том числе в связи с осуществлением национальных проектов.

И наконец, в нашей постоянной рубрике «Россия и Америка: к пониманию друг друга» вы найдете статью Ю. Батурина, повествующую об интригующих и ранее не известных эпизодах дипломатической работы Дж.Ф. Кеннана в Москве.

Приглашаем всех заинтересованных авторов к обсуждению в следующем номере «Вестника» направлений стратегического развития России на сред-

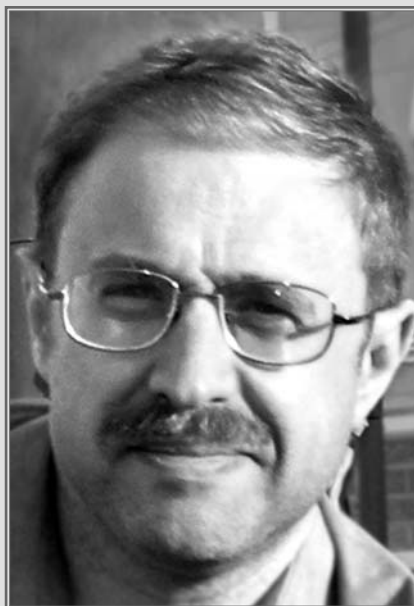
несрочную и долгосрочную перспективу. Нам представляется важным рассмотреть его цели, социально-культурные условия и ограничения, например влияние сложившихся норм и ценностей на модернизацию страны, а также соответствие политического процесса потребностям общественного развития.

Редколлегия

*Эволюция
электоральной
политики в России:
на пути к
недемократической
консолидации?*

**Введение: выборы
и недемократическая
консолидация**

Выборы депутатов Государственной думы 2 декабря 2007 года и выборы президента России 2 марта 2008 года ознаменовали завершение трансформации электоральной политики в России, начатой в 1989 году выборами на Съезд народных депутатов СССР. Результаты этих выборов оказались чрезвычайно благоприятными для правительства. Преемник действующего главы государства в ходе выборов из четырех кандидатов получил свыше 70% голосов, а поддержанная им партия «Единая Россия» победила по федеральному округу среди 11 партий с 64,3% голосов. Благодаря этому «Единая Россия» смогла получить 315 думских мандатов из 450 и в итоге обеспечила в Думе конституционное большинство. Этот исход голосования продемонстрировал не просто закрепление расстановки политических сил в стране, но и отсутствие в российской политике сколько-нибудь значимых акторов, заинтересованных в изменении статус-кво. Электоральный цикл 2007–2008 годов продемонстрировал тенденции консолидации политического режима в России. Под консолидацией режима здесь понимается состояние эквилибриума, то есть отсутствие значимых акторов, заинтересованных в изменении статус-кво¹. Хотя в рамках критикуемой за те-

*Владимир Яковлевич Гельман,
кандидат политических наук,
профессор факультета политических
наук и социологии Европейского
университета в Санкт-Петербурге*

¹ *Knight J. Institutions and Social Conflict. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. P. 37.*

леологизм парадигмы демократического транзита² обычно принято говорить о «демократической консолидации», нынешняя консолидация российского политического режима происходит на основаниях, далеких от нормативных представлений о демократии. Здесь уместен иной термин – «недемократическая консолидация».

Выборы – центральный, хотя и далеко не единственный демократический институт – в 2000-е годы не выполняли функции механизма политической конкуренции в России. Неудивительно, что различные оценки их соответствия демократическим критериям были преимущественно негативными. Еще в 2003–2004 годах представители Миссии ОБСЕ, направлявшей наблюдателей на все федеральные выборы в России, начиная с декабря 1993 года, характеризовали парламентские и президентские выборы как свободные, но несправедливые³. Не менее критичны в своих оценках были эксперты: практически никто из исследователей, независимо от своих теоретических и методологических предпочтений и/или своих политических симпатий, не назвал российские выборы демократическими в каких-либо их проявлениях. Наконец, начиная с 2004 года, американская неправительственная организация Freedom House в своем ежегодном докладе систематически присваивает России рейтинг «несвободной» страны, основываясь в том числе и на оценках качества российских выборов⁴.

Почти два десятилетия электоральной политики в России привели к тому, что

выборы стали неотъемлемым атрибутом политической жизни страны, и их результаты во многом отражали как расстановку сил внутри элиты, так и политические предпочтения масс. Но российские выборы не предполагали демократической неопределенности, то есть такого исхода голосования, который не мог быть предreshен заранее правящей группой в свою пользу⁵. Напротив, основной исход как парламентских, так и особенно президентских выборов был заведомо предопределен: в этом смысле голосование российских избирателей служило лишь оформлением решений, ранее принятых правящими группами. Поскольку победители этих выборов были назначены заранее, постольку на избирательных участках не принималось значимых решений или, по крайней мере, эти решения имели незначительные последствия с точки зрения их воздействия на политический режим. Тем более такие выборы не могли повлиять на политический курс российского правительства. Впрочем, российские избиратели не расценивали выборы в качестве механизма демократической подотчетности задолго до голосований 2007–2008 годов. По данным опроса 2000 российских граждан, проведенного в 2001 году ВЦИОМ в рамках программы «Новый российский барометр», две трети респондентов полагали, что проведение регулярных выборов не заставляет правительство выполнять волю избирателей⁶.

Консолидация политического режима в России, если она будет достигнута на

² См.: Карозерс Т. Конец парадигмы транзита // Политическая наука. 2003. № 2. С. 42–65.

³ Отчет Миссии ОБСЕ/БДИПЧ по наблюдению за выборами в Государственную думу 7 декабря 2003 года. Варшава: ОБСЕ / Бюро по демократическим институтам и правам человека, 27 января 2004 года [www.osce.org/documents/odhr/2004/01/1947_ru.pdf] (доступ 22 сентября 2005 года); Отчет Миссии ОБСЕ/БДИПЧ по наблюдению за выборами Президента 14 марта 2004 года. Варшава: ОБСЕ / Бюро по демократическим институтам и правам человека, 2 июня 2004 года [www.osce.org/documents/odhr/2004/01/3033_ru.pdf] (доступ 22 сентября 2005 года).

⁴ Freedom in the World 2004: The Annual Survey of Political Rights and Civil Liberties. Freedom House, 2004 [<http://www.freedomhouse.org/research/freeworld/2004/index.htm>] (доступ 22 сентября 2005 года).

⁵ Пшеворский А. Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. М.: РОССПЭН, 1999. С. 30–31.

⁶ Rose R., Munro N. Elections without Order: Russia's Challenge to Vladimir Putin. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. P. 227.

таких основаниях, может привести не только к закреплению складывающегося статус-кво в расстановке политических сил независимо от возможных перемен в предпочтениях избирателей. Она ведет и к снижению роли таких важнейших институтов, как политические партии (кроме «партии власти») и legislatures на всех уровнях власти. Вместе с тем выборы остаются неустранимым институтом политической жизни страны, но их роль и функции существенно отличаются не только от демократических стандартов, но и от практики советского периода российской истории. Такого рода эволюция электоральной политики отнюдь не уникальна. Так, недемократическая консолидация в Мексике, достигнутая в конце 1920-х годов и имевшая целью положить конец конфликту элит, привела к установлению однопартийного режима, который вполне успешно адаптировал к своим нуждам механизм неконкурентных выборов⁷. Это обеспечило выживание мексиканского политического режима на протяжении 70 с лишним лет. Параллели между политическим развитием Мексики в 1920–1930-е годы и в России 1990–2000-х годов и сходство механизмов функционирования PRI в Мексике и «Единой России» в этой связи были отмечены наблюдателями⁸.

Как расценить этот результат трансформации электоральной политики в России? Был ли он вызван лишь расстановкой политических сил или стал следствием общей логики эволюции российского политического режима? Каково место свободных, но несправедливых выборов в теоретическом и сравнитель-

ном контексте электоральной политики, и каковы их перспективы в России? Поискам ответов на эти и некоторые другие вопросы и посвящена настоящая статья.

Свободные, но несправедливые выборы: теоретические и сравнительные перспективы

Среди многочисленных определений демократии в современной политической науке наиболее распространенной и наиболее часто критикуемой является формулировка Й. Шумпетера: «институциональное устройство для принятия политических решений, при котором индивиды приобретают власть принимать решения путем конкурентной борьбы за голоса избирателей»⁹. Шумпетерианская модель стала объектом серьезной критики со стороны специалистов, указывавших на «электоралистский просчет» (*electoralist fallacy*), поскольку одни лишь конкурентные выборы сами по себе отнюдь не всегда ведут к становлению демократии, особенно в тех странах, в которых длительное время господствовали недемократические режимы¹⁰. Но шумпетерианская модель уязвима и эмпирически, поскольку она предполагает всего лишь один идеальный тип соревнования элит – свободную электоральную конкуренцию, при которой проигравшая на выборах сторона передает бразды правления победителям¹¹, или, как выразился А. Пшеворский, «демократия – это система, при которой партии проигрывают выборы»¹². Альтернативой свободному соревнованию элит в рамках шумпетерианской модели служит лишь полная

⁷ Knight A. Mexico's «Elite Settlement»: Conjecture and Consequences // Higley J., Gunther R. (eds.) *Elites and Democratic Consolidation in Latin America and Southern Europe*. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. P. 113–145.

⁸ См., напр.: *Ворожейкина Т.* Государство и общество в России и в Латинской Америке // *Общественные науки и современность*. 2001. № 6. С. 5–26.

⁹ Шумпетер Й. *Капитализм, социализм и демократия*. М.: Экономика, 1995. С. 355.

¹⁰ O'Donnell G. Illusions about Consolidation // *Journal of Democracy*. 1996. Vol. 7. No. 2. P. 34–51.

¹¹ Шумпетер Й. Указ. соч. С. 359.

¹² Пшеворский А. Указ. соч. С. 28.

монополия правящей группировки на власть, которая сопровождается неконкурентными «выборами без выбора», как это имело место в Советском Союзе вплоть до конца 1980-х годов.

Познавательные возможности дихотомического подхода к исследованию демократии в принципе довольно ограничены. А при изучении роли выборов в процессе трансформации политических режимов он демонстрирует недостаточную разрешающую способность, не позволяя выявить различия между вариантами политической конкуренции (или же отсутствия таковой). Исследователи уделяли большое внимание «учредительным выборам» как важнейшему механизму перехода от неконкурентных политических режимов и становления «новых демократий»¹³, в том числе и в посткоммунистических странах. Вместе с тем другие варианты развития электоральной политики и политической конкуренции оказались на периферии анализа. Однако, подобно тому, как в экономике рынок не исчерпывается совершенной конкуренцией и полной монополией, так и политический (по крайней мере, электоральный) рынок невозможно свести лишь к совершенной конкуренции по Шумпетеру и полному отсутствию конкуренции как таковой. Это становится все более очевидным по мере того, как в различных странах (в том числе на постсоветском пространстве) происходит консолидация «гибридных режимов»¹⁴, далеких как от демократии, так и от авторитаризма и к тому же различающихся между собой¹⁵. Их обозначение в терминах, подобных «конкурентному авторита-

ризму»¹⁶, лишней раз подчеркивает недостаточную разрешающую способность «черно-белой» дихотомии. Поэтому необходимо изучение различных аспектов ограничения конкуренции на электоральном рынке – от картельного сговора элит до повышения входных барьеров, исключающих аутсайдеров из конкурентной борьбы. Подобные ограничения конкуренции присущи и электоральной политике в России.

Нормативным проявлением совершенной электоральной конкуренции элит традиционно служит критерий свободных и справедливых выборов (free and fair elections), нашедший отражение в международно-правовых документах¹⁷. Но варианты отклонений от этого стандарта многообразны и не могут быть сведены к одному простому показателю (например, факту признания или непризнания результатов выборов со стороны оппозиции). Наиболее глубокий анализ этих аспектов электоральной политики предприняли датские исследователи Й. Элклит и П. Свеннсон¹⁸. На основании опыта международных наблюдателей на выборах в различных странах они разделили условия «свободных» выборов (отсутствие значимых ограничений на участие в них избирателей, партий и кандидатов) и «справедливых» выборов (равноправие доступа участников к предвыборной борьбе, процедура голосования и подсчета голосов не допускает возможности злоупотреблений). Введя 9 критериев свободных и 25 критериев справедливых выборов¹⁹, Элклит и Свеннсон подчеркивали, что важнейшим приоритетом демократизации является обеспечение

¹³ O'Donnell G., Schmitter P. Transitions from Authoritarian Rule: Tentative Conclusions about Uncertain Democracies. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press, 1986. P. 57–64.

¹⁴ Diamond L. Thinking about Hybrid Regimes // Journal of Democracy. 2002. Vol. 13. No. 2. P. 21–36.

¹⁵ Карозерс Т. Конец парадигмы транзита // Политическая наука. 2003. № 2. С. 42–65.

¹⁶ Levitsky S., Way L. The Rise of Competitive Authoritarianism // Journal of Democracy. 2002. Vol. 13. No. 2. P. 51–65.

¹⁷ См., напр.: Заявление Межпарламентского союза о критериях свободных и справедливых выборов // Бюллетень Центральной избирательной комиссии Российской Федерации. 1994. № 4. С. 39–41.

¹⁸ Elklit J., Svendsen P. What Makes Elections Free and Fair? // Journal of Democracy. 1997. Vol. 8. No. 3. P. 32–46.

¹⁹ Ibid. P. 37.

свободных выборов как необходимого (хотя и недостаточного) условия для электоральной конкуренции, в то время как обеспечению справедливости выборов они придавали меньшее значение.

Такой взгляд вполне соответствует логике эволюции электоральной политики в развитых демократиях Запада, где исторически проведение свободных выборов стало предварительным условием для длительного и постепенного достижения критериев справедливых выборов²⁰. В современных посткоммунистических режимах дела обстоят иначе. Выборы в этих странах стали проводиться на конкурентной основе не в силу постепенной эволюции электоральной политики коммунистического периода, а в результате крушения прежних режимов, и сам факт их проведения оказался своеобразным «билетом в один конец». Полный отказ от выборов или явные отклонения от норм свободных выборов (прямой запрет на участие в выборах партий и/или кандидатов, не говоря уже о значимых группах избирателей) в такой ситуации может повлечь за собой слишком высокие издержки для правящих групп. Альтернативой этому подходу для правящих групп в условиях гибридных режимов становится проведение свободных, но несправедливых выборов с заведомо неравными условиями предвыборной борьбы и/или злоупотреблениями при голосовании и подсчете голосов.

Свободные, но несправедливые выборы, как правило, не предполагают явных запретов для участия в них даже оппозиционных партий или кандидатов, но при этом исключают возможность поражения правящих групп и утраты ими власти по итогам выборов. Электо-

ральная конкуренция на несправедливых выборах ограничена (либо она носит заведомо недобросовестный характер), прежде всего благодаря тому, что правящие группы используют ресурсы государства (административные, экономические, кадровые, информационные и др.) для обеспечения односторонних преимуществ в целях удержания власти по итогам выборов. По мнению Э. Уилсона, такое развитие электоральной политики (он обозначает ее термином «виртуальная политика») возможно при наличии четырех ключевых условий: (1) существование «властвующей элиты», которая способна сосредоточить в своих руках контроль над ресурсами; (2) пассивность электората; (3) возможность контроля над информационными потоками; (4) отсутствие международного вмешательства в электоральные процессы²¹. Все эти условия характеризовали электоральные циклы 2003–2004 и 2007–2008 годов в России в гораздо большей мере, нежели предшествующие циклы 1993–1996 и 1999–2000 годов²².

Вместе с тем различные ограничения электоральной конкуренции существенно разнятся в зависимости от их воздействия на электоральную политику. Можно выделить два типа ограничений: (1) «жесткие» – селективное исключение отдельных (как правило, оппозиционных) политических партий или кандидатов из предвыборной борьбы (отказ в регистрации или ее отмена в ходе кампании под тем или иным предлогом) и/или заведомо недостоверный подсчет голосов (то есть фальсификация выборов); (2) «мягкие» – заведомо неравный доступ кандидатов и партий к освещению кампании в средствах массовой информации и к финансированию кампа-

²⁰ Сравнительный анализ см.: *Etzioni-Halevy E. Political Manipulations and Administrative Power*. London: Routledge and Kegan Paul, 1979.

²¹ *Wilson A. Virtual Politics: Faking Democracy in the Post-Soviet World*. New Haven, CT: Yale University Press, 2005. P. 41.

²² См.: *Гельман В., Голосов Г., Мелешкина Е. (ред.) Первый электоральный цикл в России, 1993–1996 гг. М.: Весь мир, 2000; они же. Второй электоральный цикл в России, 1999–2000 гг. М.: Весь мир, 2002; Макфол М., Петров Н., Рябов А. (ред.) Россия в избирательном цикле 1999–2000 годов. М.: Гендальф, 2000.*

ний в сочетании с использованием государственного аппарата для обеспечения победы правящей группы²³. Хотя и в том, и в другом случае выборы носят заведомо несправедливый характер, «жесткие» ограничения гораздо в большей мере отклоняются от нормативных демократических стандартов. Но применение правящей группой «жестких» ограничений электоральной конкуренции – весьма рискованная стратегия, так как при таком развитии событий растут и шансы на подрыв легитимности режима в том случае, если правящей группе не удастся соблюдение описанных выше четырех условий. В случае возникновения массового неконвенционального протеста это грозит перерастанием в полный коллапс режима, если издержки подавления оппозиции (как *ex ante* на стадии подготовки выборов, так и *ex post* после их проведения) окажутся слишком высоки. Массовые фальсификации итогов голосования в Сербии (2000), Грузии (2003), Украине (2004) и Кыргызстане (2005) стали детонатором краха гибридных режимов на фоне массовой мобилизации оппозиции. В то же время «мягкие» ограничения электоральной конкуренции, хотя и требуют от правящей группы существенных издержек в ходе подготовки и проведения избирательных кампаний *ex ante*, позволяют ей *ex post* минимизировать риски делегитимации режимов, не говоря уже о рисках потери власти по итогам выборов. Неудивительно поэтому, что в гибридных режимах правящие группы получают стимулы для того, чтобы проводить свободные, но несправедливые выборы, отдавая при прочих равных условиях предпочтение «мягким» ограничениям электоральной конкуренции перед «жесткими».

Современный российский опыт свидетельствует в пользу именно такой логики эволюции электоральной политики. После проведения первых конкурентных выборов на Съезд народных депутатов СССР в марте 1989 года страна ни разу не столкнулась с отказом правящей группы от проведения выборов, хотя такая угроза в преддверии президентских выборов 1996 года была вполне реальной. Практически все общенациональные выборы, начиная с 1990 года, были вполне свободными. Вместе с тем большинство выборов, как на федеральном, так и в особенности на региональном и местном уровнях, не были справедливыми. В целом «мягкие» ограничения электоральной конкуренции преобладали над «жесткими». После конституционного референдума и парламентских выборов декабря 1993 года, результаты которых не публиковались в полном объеме, высказывались предположения об имевшей место массовой фальсификации их итогов, тем более что избирательные бюллетени были уничтожены через полгода после голосования²⁴. Однако в настоящее время среди аналитиков сложилось вполне устойчивое мнение о том, что систематический заведомо недостоверный подсчет голосов характерен лишь для некоторых регионов России, таких как Приморский край, Саратовская область, Москва, Татарстан, Дагестан, Калмыкия, Башкортостан, не говоря уже об «особом случае» Чечни²⁵. Примечательно, что эти же регионы лидируют и по числу фактов отказа в регистрации (и/или отмены регистрации) кандидатов, оппозиционных по отношению к правящим региональным группам и имевших шансы на победу на региональных и местных выборах,

²³ Сходную типологию см.: Wilson A. Op. cit. P. 71.

²⁴ Собянин А., Суховольский В. Демократия, ограниченная фальсификациями: выборы и референдумы в России в 1991–1993 гг. М.: Проектная группа по правам человека, 1995.

²⁵ Овчинников Б. Парламентские выборы – 1999: статистические аномалии // Петров Н. (ред.) Регионы России в 1999 году. М.: Гендальф, 2001. С. 225–237; Орешкин Д. География электоральной культуры и цельность России // Полис. 2001. № 1. С. 73–93.

хотя после 2000 года ареал и масштаб распространения этих явлений существенно расширились²⁶. Однако за этими весьма значимыми исключениями, по крайней мере пока что, говорить о «жестких» ограничениях электоральной конкуренции как об основной составляющей несправедливости российских выборов не приходится. «Жесткие» ограничения электоральной конкуренции в России пока являются относительно локальными по масштабу своей распространенности, хотя и всеобъемлющими по характеру их использования в электоральном процессе в этих регионах.

Напротив, роль «мягких» ограничений конкуренции на российских выборах, начиная с первого электорального цикла (1993–1996) ко второму (1999–2000), третьему (2003–2004) и четвертому (2007–2008), возрастала как по характеру своего воздействия на электоральный процесс, так и по масштабу их использования правящей группой²⁷. Суммируя критику наблюдателей ОБСЕ, можно отметить наиболее значимые аспекты несправедливых выборов в России, которые обусловлены «мягкими» ограничениями:

- одностороннее освещение избирательных кампаний в средствах массовой информации (прежде всего государственных);
- прямое или (чаще) косвенное финансирование избирательных кампаний проправительственных партий и кандидатов за счет средств государства;
- систематическое использование государственного аппарата в целях кампании правительственных партий и кандидатов и в целях препятствования кампании оппозиционных партий или кандидатов;

- пристрастное рассмотрение споров между участниками выборов в пользу правительственных партий или кандидатов.

Эти аспекты выборов входят в «меню манипуляций», характерное для ряда недемократических выборов во многих странах третьего мира²⁸. Они присущи едва ли не всем избирательным кампаниям в современной России. Их следует рассматривать как неотъемлемый атрибут гибридных политических режимов. Если логически перейти от дихотомии шумпетерианской модели к рассмотрению электорального процесса как континуума (от совершенной конкуренции до полной монополии), свободные, но несправедливые выборы с «мягкими» ограничениями электоральной конкуренции можно считать особым типом электорального процесса. На шкале демократичности выборов этот тип занимает место между совершенной конкуренцией (шумпетерианская демократия) и несправедливыми выборами с «жесткими» ограничениями, в то время как несвободные выборы примыкают к полной монополии (см. таблицу 1).

Определив свободные, но несправедливые выборы в качестве важнейшего института российского политического режима, необходимо проанализировать причины и следствия их возникновения и развития. Следуя определению Шумпетера, можно говорить о том, что «мягкие» ограничения электоральной конкуренции вызваны констелляцией двух факторов: институционального устройства и логики конкуренции элит в борьбе за голоса избирателей. Эти два фактора не изолированы друг от друга: институциональное устройство само по себе является продуктом конкуренции

²⁶ Прибыловский В. Триумфальное шествие башкирской избирательной технологии // Верховский А., Михайловская Е., Прибыловский В. Россия Путина: пристрастный взгляд. М.: Панорама, 2003. С. 159–172; *он же*. Управляемые выборы: деградация института выборов при Путине // Белонучкин Г. (ред.) Россия Путина: история болезни. М.: Панорама, 2004. С. 6–85.

²⁷ Гельман В., Голосов Г., Мелешкина Е. (ред.) Указ. соч.; Макфол М., Петров Н., Рябов А. (ред.) Указ. соч.

²⁸ Schedler A. The Nested Game of Democratization by Elections // International Political Science Review. 2002. Vol. 23. No. 1. P. 104–109.

Таблица 1

Типология выборов по характеру электоральной конкуренции

Тип выборов	Уровень электоральной конкуренции	Основные характеристики электоральной конкуренции	Эмпирические примеры
«Выборы без выбора»	Полная монополия	Электоральная конкуренция запрещена	СССР до конца 1980-х годов
Несвободные и несправедливые выборы	Почти полная монополия	Электоральная конкуренция фактически не допускается	Узбекистан
Свободные, но несправедливые выборы с «жесткими» ограничениями конкуренции	Ограниченная конкуренция	Из электоральной конкуренции систематически исключаются отдельные партии и кандидаты, систематические фальсификации итогов голосования	Беларусь, отдельные регионы России
Свободные, но несправедливые выборы с «мягкими» ограничениями конкуренции	Ограниченная конкуренция	Заведомо неравные условия электоральной конкуренции, систематическое создание преимуществ в пользу проправительственных партий и кандидатов за счет ресурсов государства	Россия
Свободные и справедливые выборы	Совершенная конкуренция (шумпетерианская модель)	Равноправная электоральная конкуренция различных партий и кандидатов	Большинство современных западных демократий

элит, которым присущ определенный набор предпочтений²⁹. Данные тенденции проявились и в процессе институционального строительства в российской электоральной политике³⁰. Конкуренция элит, в свою очередь, обусловлена элементами элитной структуры: интеграцией элит (способностью элит к сотрудничеству в процес-

се принятия решений) и дифференциацией элит (организационным и функциональным разделением различных сегментов элит и их относительной автономией по отношению друг к другу и к государству)³¹. Рассмотрим динамику воздействия этих параметров на электоральную политику в современной России.

²⁹ См., напр.: Knight J. Op. cit.; Geddes B. *Paradigms and Sand Castles: Theory Building and Research Design in Comparative Politics*. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press, 2003; Пшеворский А. Указ. соч.

³⁰ Гельман В. Институциональное строительство и неформальные институты в современной российской политике // Полис. 2003. № 4. С. 6–25.

³¹ Higley J., Bayulgen O., George J. *Political Elite Integration and Differentiation in Russia* // Steen A., Gel'man V. (eds.) *Elites and Democratic Development in Russia*. London: Routledge, 2003. P. 12.

Конкуренция элит и электоральная политика в России: политическая динамика 1989–2008 годов

Развитие электоральной политики в России, начиная с первых частично конкурентных выборов на Съезд народных депутатов СССР в марте 1989 года, проходило под влиянием двух обозначенных выше взаимосвязанных тенденций – изменений элитной структуры и во многом обусловленной ими политики институционального строительства. Сам по себе переход от полной монополии советского периода к ограниченной электоральной конкуренции в 1989–1990 годах и затем к практически свободной конкуренции на президентских выборах 1991 года стал возможен благодаря нарастанию дифференциации и снижению интеграции советской элиты. Следствием этого стало становление конкуренции между различными политическими лагерями, нашедшее свое отражение на уровне электорального процесса.

В течение 1989–1991 годов препятствия на пути электоральной конкуренции были сняты как на уровне избирательных законов, так и фактически. Однако после августа 1991 года, когда российские власти ввели мораторий на проведение выборов, институциональное строительство в сфере электоральной политики оказалось «заморожено» вплоть до октября 1993 года. В то же время элитная структура оказалась разделенной в силу жесткого противоборства двух политических лагерей, соответственно символизируемых президентом и Съездом народных депутатов России³². Исход этого конфликта, который завершился победой президентской стороны по принципу «игры с нулевой суммой», оказал решающее воздействие на ход институционального строитель-

ства в России (не только в сфере электоральной политики).

Теоретики рационального выбора подчеркивают определяющий характер соотношения сил акторов и их перспективных ожиданий в процессе «торга» при выборе институтов³³. При этом ситуативно более слабая сторона обычно стремится к тому, чтобы использовать выбор формальных институтов как важнейшее орудие в борьбе за собственное выживание. В такой ситуации обусловленный институциональный компромисс элит становится основанием для становления электоральной конкуренции в духе шумпетерианской модели. Россия после 1993 года демонстрировала принципиально иной вариант политики институционального строительства: «правила игры» в стране были навязаны победителями конфликта односторонне, в целях закрепления статус-кво и на основе ретроспективных оценок (примером чему может служить распределение власти между президентом, правительством и парламентом).

Применительно к электоральной политике при такой констелляции акторов интересы правящей группы предполагали ограничение конкуренции на выборах, что позволило бы ей сохранить власть при любых предпочтениях избирателей. Однако такие способы ограничения электоральной конкуренции, как проведение несвободных выборов, а тем более отказ от их проведения, предполагали слишком высокие издержки *ex ante*, в то время как «мягкие» ограничения сулили правящей группе выгоды сохранения власти *ex post*, превышавшие высокие издержки проведения несправедливых выборов. Исход борьбы группировок Коржакова и Чубайса в окружении Ельцина в ходе президентской кампании 1996 года (первая ради сохранения статус-кво была готова пойти на срыв выборов, вторая стремилась до-

³² См.: Шевцова Л. Режим Бориса Ельцина. М.: РОССПЭН, 1999. С. 87–165; McFaul M. Russia's Unfinished Revolution: Political Change from Gorbachev to Putin. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2001. P. 121–204;

³³ Пшеворский А. Указ. соч. С. 122–132.

биться победы за счет ограничения конкуренции на несправедливых выборах) в полной мере демонстрирует эту логику³⁴.

Неудивительно, что в этих условиях задача правящей группы в процессе институционального строительства в сфере электоральной политики сводилась к выработке формальных и неформальных правил, позволяющих ограничивать конкуренцию на выборах, а также к внедрению механизма их селективного применения. Решение этой задачи оказалось вполне успешным: универсализм формальных норм избирательного законодательства служил фасадом партикуляристских неформальных правил ограничения политической конкуренции в части освещения выборов в средствах массовой информации, политического финансирования и разрешения электоральных споров.

Казалось бы, такого рода институциональное устройство заведомо обрекало Россию на ограничение электоральной конкуренции. Между тем как первый, так и второй электоральный циклы на федеральном уровне (не говоря уже о региональных и местных выборах в большинстве регионов) демонстрировали обратное. Электоральная конкуренция на федеральных выборах (пожалуй, кроме президентских выборов 1996 года) была более или менее свободной, а представители правящих групп в ряде случаев терпели поражение на выборах. Однако такое развитие электоральных процессов в России стало возможным лишь в силу изменений, которые претерпела элитная структура. После элитных конфликтов 1991 и 1993 годов лагерь «победителей» и «побежденных» претерпели аннигиляцию, распавшись на множество группировок и клик. Фрагментация элит имела одним из своих следствий и электоральную кон-

куренцию различных элитных группировок в борьбе за статус «партии власти», что проявилось на думских выборах 1993 года (в меньшей мере – 1995 года), но в особенности на думских выборах 1999 года. Этот весьма интенсивный и продолжительный конфликт элит также способствовал созданию благоприятной структуры политических возможностей и для оппозиции. За счет фрагментации элит создавалось определенное равновесие сил акторов. Если бы оно оказалось неустраиваемо устойчивым, дальнейшее развитие событий могло привести к постепенному изменению применяемых на практике «правил игры» в пользу преобладания формальных институтов. Иначе говоря, неустраиваемый конфликт элит по мере укоренения норм электоральной конкуренции может привести к трансформации электоральной политики от олигархии к плюрализму, подобно эволюции, которую претерпел ряд стран Запада³⁵. Но электоральная конкуренция в России вплоть до начала 2000-х годов поддерживалась не благодаря институциональному устройству, а вопреки ему – исключительно в силу (временной) фрагментации элит.

Ситуация кардинально изменилась в 2000-е годы, когда правящая группа смогла успешно навязать всем иным политическим акторам страны (парламент, партии, крупный бизнес, средства массовой информации, региональные элиты) новые «правила игры». Они вынуждены были либо отказаться от своей политической автономии и от любых претензий на конкуренцию с правящей группой, либо лишиться ресурсов, необходимых для полноценной конкуренции. Подобный «навязанный консенсус» российских элит³⁶ имел своим следствием резкое ограничение электоральной конкуренции. Оппозиционные

³⁴ Шевцова Л. Указ. соч. С. 261–290; McFaul M. Op. cit. P. 292–295, 300–304.

³⁵ Etzioni-Halevy E. Op. cit. См. также: Dahl R. Who Governs? Democracy and Power in an American City. New Haven, CT: Yale University Press, 1961. P. 11–86.

³⁶ Гельман В., Голосов Г., Мелешкина Е. (ред.) Второй электоральный цикл в России, 1999–2000 гг. С. 30–36.

партии и кандидаты оказались не в состоянии вести борьбу за голоса избирателей, лишившись доступа к средствам массовой информации и отчасти финансовым ресурсам и не имея возможности противостоять государственному аппарату, поставленному на службу «партии власти». Результатом такого развития событий стало резкое усиление позиций «партии власти», которая получила «сверхбольшинство» в Думе по итогам выборов 2003 и 2007 годов.

В наиболее откровенной форме новый взгляд российских элит на роль выборов в России представили окол Кремлевские политтехнологи: «Все противоречия между элитными группировками должны решаться кулуарно, внутри партии, а публичные выборы призваны стать просто красивым шоу для широких масс»³⁷. Поскольку институциональное устройство в России не препятствовало такому развитию событий, постольку характер выборов и их итоги оказались вполне закономерными – они отразили и подтвердили тенденции консолидации политического режима, складывавшиеся в России после 1993 и особенно после 2000 года. То, что было ранее скрыто за конфликтами российских элит, оставлявшими место для электоральной (в том числе межпартийной) конкуренции, после исчерпания этих конфликтов стало явным по итогам голосований.

Вызовы и перспективы

Тенденции электоральной политики в России 2000-х годов, обозначенные В. Прибыловским как «деградация института выборов»³⁸, отнюдь не являются уникальными в сравнительной перспективе: сходные явления исследователи отмечали и во многих других поставотарных странах³⁹. Однако в рамках

постсоветских государств российский опыт уникален: систематическое проведение несправедливых выборов в России не привело ни к крушению политического режима (как в случаях «цветных» революций), ни – по крайней мере пока – к исчезновению электоральной конкуренции. Это состояние электоральной политики в России рассматривалось как эквilibrium⁴⁰; в 2000-е годы основания для подобных оценок укрепились⁴¹.

Эквилибриум свободных, но несправедливых выборов в России стал следствием констелляции отмеченных выше политических и институциональных факторов. На сегодняшний день нет оснований полагать, что достигнутая таким способом недемократическая консолидация окажется лишь временным и/или переходным состоянием гибридного политического режима в России. Говорить о значимых внутривполитических факторах, которые в обозримом будущем могут нарушить этот эквilibrium, пока не приходится. Хотя, как демонстрирует недавний опыт Украины, гибридные режимы весьма уязвимы с точки зрения перспектив преемственности власти, российский политический режим вполне в состоянии успешно обезопасить себя от подобных угроз. Высоко интегрированные и низко дифференцированные российские элиты способны избежать угрозы открытых электоральных конфликтов, создавших основания для «цветных» революций. Если же правящая группа целенаправленно будет преследовать стратегию усиления элитной интеграции посредством «партии власти», это может привести к дальнейшему укреплению российского режима: в сравнительной перспективе однопартийные режимы демонстрируют большую длительность

³⁷ Федоров В., Цуладзе А. Эпоха Путина. Тайны и загадки «кремлевского двора». М.: Эксмо, 2003. С. 364.

³⁸ Прибыловский В. Управляемые выборы: деградация института выборов при Путине.

³⁹ Levitsky S., Way L. Op. cit.; Schedler A. Op. cit.

⁴⁰ См.: Rose R., Munro N. Op. cit.

⁴¹ См.: McFaul M., Petrov N. What the Elections Tell Us // Journal of Democracy. 2004. Vol. 15. No. 3. P. 20–31.

существования по сравнению с персоналистскими и военными режимами⁴².

Поэтому в обозримом будущем можно ожидать закрепления статус-кво и в отношении политической конкуренции в России в целом и в электоральной политике в частности. Это означает, что «мягкие» ограничения электоральной конкуренции, обеспечиваемые путем контроля правящей группы над основными информационными потоками и политическим финансированием и путем систематического использования государственного аппарата в ходе избирательных кампаний, останутся принципиальными характеристиками российских выборов. В то время как односторонний отказ правящей группировки от этих ограничений, создающий угрозы потери власти по итогам выборов, едва ли возможен, обращение к «жестким» ограничениям электоральной конкуренции, а тем более проведение в России несвободных «выборов без выбора» также маловероятно.

Несправедливые выборы с ограниченной электоральной конкуренцией могут быть полезны недемократически консолидированному режиму с нескольких позиций. Во-первых, они выполняют функцию политической легитимации статус-кво, подобно президентским выборам 2008 года. Во-вторых, они также позволяют правящей группе легитимно проводить любой политический курс независимо от предпочтений избирателей. В-третьих, наконец, они могут служить механизмом частичной смены политических элит, хотя и не на основе свободной конкуренции, а на основе назначения победителей будущих выборов еще до

голосования (подобно президентским выборам 2004 и 2008 годов). Такие выборы, отличаясь как от «выборов без выбора» советского периода, так и от демократических свободных и справедливых выборов, могут обслуживать политический режим настолько долго, насколько российские элиты будут сохранять единство, а политические институты поддерживать несправедливый характер выборов. Пока эти условия остаются благоприятными для успеха подобного «сценария стабилизации».

В целом третий электоральный цикл в России обозначил не просто частичный отказ от демократических завоеваний, связанных с конкурентными выборами, но сужение рамок электоральной политики в стране и снижение ее значимости в рамках политического режима. Такое развитие событий описывается словами околоремлевских политтехнологов: «Стратегия укрепления вертикали власти» в принципе исключает такой элемент политической системы, как выборы... Поскольку главным проводником политики Кремля является «вертикаль», *институт выборов становится внесистемным элементом*⁴³ (курсив в оригинале. – В.Г.). Используя метафору «волн демократизации», можно говорить о том, что в 2000-е годы в России отмечается подъем начавшейся еще после 1993 года «попятной волны», или «откат» процесса демократизации⁴⁴. Но пока неясно, насколько длительной будет эта волна, какие политические силы окажутся на ее гребне и/или выброшены ей на берег и где находится тот предел, за которым она будет остановлена или пойдет на спад.

⁴² Geddes B. Op. cit. P. 47–88.

⁴³ Федоров В., Цуладзе А. Указ. соч. С. 364.

⁴⁴ Хантингтон С. Третья волна: Демократизация в конце XX века. М.: РОССПЭН, 2003. С. 23–37.

Мифологическая реальность избирателя

Активность политтехнологов привела к тому, что исследователи электорального поведения выявляют и описывают результаты их деятельности – избиратели объясняют свои действия, повторяя навязанные штампы, выловленные из своей подавленной памяти. Люди объясняют свое участие в выборах тем, что они – «выполняют свой конституционный долг»; «реализуют свое избирательное право»; «осуществляют гражданскую обязанность» и т.п. Но объяснимы ли эти словосочетания, имеют ли они какой-либо смысл для произносящих? И если это абстракции, то что тогда движет людьми, приходящими на выборы? Вопрос, на который я пытаюсь найти ответы: почему сегодня избиратели участвуют в выборах?

Итоги общенациональных выборов стали предсказуемыми. При выборах в Государственную думу лидер был предрешен, неясность касалась только конкретной цифры рейтинга «Единой России». Кто победит на президентских выборах было очевидно и для населения, и для экспертов, и для политического руководства. ВЦИОМ прогнозировал, что Д. Медведев на выборах 2 марта получит 72,9% голосов¹, другие социологические компании публиковали сопоставимые данные, а главное – подтверждали несомненное лидерство этого кандидата. Аналитики выражают логически оправданное недоумение: почему в ситуации, когда результат выборов очевиден, явка совсем не является

Мария Павловна Белоусова,
кандидат социологических наук,
старший научный сотрудник
Социологического института РАН
(Санкт-Петербург),
Former Kennan Institute Galina
Starovoitova Fellow

¹ [<http://wciom.ru/novosti/press-vypuski/press-vypusk/single/9694.html>]

низкой?² В выборах депутатов Госдумы, по данным ЦИК РФ, приняли участие 63,78% избирателей. В. Чуров прогнозировал увеличение явки избирателей на президентских выборах по сравнению с прошедшими декабрьскими – он предсказывал, что 2 марта она может составить от 67 до 72%³. Согласно результатам исследования ФОМ, 84% из числа опрошенных утверждали, что примут участие в выборах⁴. По данным ВЦИОМ, намерение участвовать в выборах с долей сомнения выражали 83,6%, а его руководитель В. Федоров прогнозировал, что явка составит чуть больше 68%⁵. Выборы состоялись, явка составила 69,78%. Прогнозы о явке и рейтингах оказались слишком точны, что заставило представителей социологической общественности покраснеть. Причем, одни краснели от гордости – из-за *немыслимой* точности прогнозов, которых в мире социологических исследований пока никто не достигал, а другие – из-за *немыслимости такой точности*⁶.

Конечно, существуют многочисленные сведения об использовании административного ресурса, но, по мнению экспертов, это дает возможность приписать 8–12% нужному кандидату⁷. И высокую явку нельзя полностью списывать на этот источник влияния.

Высокая явка при отсутствии интриги выборов заставляет задуматься в поисках объяснений. Д. Волков, научный сотрудник Левада-Центра, полагает, что люди идут на выборы, потому что считают, что это их долг, и смысл своего участия они видят в том, чтобы «одобрить решение властей»⁸. Д. Бадовский,

заместитель директора НИИ социальных систем, объясняет интерес к президентским выборам тем, что они воспринимаются как главные, а также удачным использованием политической риторики о будущем, которая сопровождает предвыборную кампанию. Но это объясняет высокую явку на выборы именно 2 марта, еще один аргумент может быть применен и для объяснения явки на выборы в Госдуму: по мнению аналитика, интрига касается вопроса – кто займет второе или третье место⁹.

Сотрудники Левада-Центра задали в своем исследовании интересный вопрос: «Как Вы считаете, на выборах президента 2 марта этого года будет происходить реальная борьба кандидатов или лишь имитация этой борьбы, а распределение голосов на этих выборах будет определено по решению властей?» По мнению 32% респондентов, на выборах 2 марта «будет происходить реальная борьба кандидатов», а 55% считают, что это будет лишь «имитация борьбы кандидатов, а распределение голосов на этих выборах будет определено по решению властей»¹⁰. Цифра в 55% выглядит внушительно, особенно учитывая двусмысленность этого варианта ответа: или более половины опрошенных полагают, что власти повлияют на ход выборов, или, если буквально следовать словам вопроса, власти «определят», то есть сядут и решат, какими должны быть и будут итоговые результаты. Эта вторая трактовка вполне реальна, а иначе как еще люди смогли себе объяснить известные нереальные показатели явки

² Рубин М. Медведеву предсказали явку [http://www.strana.ru/doc.html?id=89831].

³ [http://www.rian.ru/politics/20080225/99978505.html]

⁴ [http://bd.fom.ru]

⁵ Рубин М. Указ. соч.

⁶ Михайлов В. Выборы прошли, да здравствуют выборы! (Нужно ли обижаться на рейтинг «Фридом Хауз»?) [http://www.liberal.ru/libcom.asp?Num=447].

⁷ [http://elections.rbc.ru/elections2007/03/03/2008/146560.shtml]

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ [http://www.levada.ru/vybory20080.html]

и результатов голосования на предыдущих выборах в Чечне, где «Единая Россия» получила 99,4% голосов при явке 99,5% избирателей¹¹. Еще более интересные данные можно почерпнуть из исследования структурного подразделения РАГС при президенте РФ «Социологический центр». В сентябре 2007 года они получили ответы на вопрос «По Вашему прошлому опыту или опыту Ваших знакомых, честным ли будет подсчет результатов голосования на выборах Госдумы?» В «честности» уверено 11,3%; в том, что подсчет будет «нечестным», – 18,9% респондентов, и еще 53,3% утверждают, что «полной уверенности в этом нет»¹².

В отчетах Левада-Центра находим вопрос «Почему Вы не собираетесь участвовать в выборах президента России или сомневаетесь относительно своего участия в выборах?» Наибольшей популярностью пользуются варианты ответов, которые свидетельствуют о понимании отвечающих собственной отчужденности от выборов и их результатов, о нецелесообразности причастности к этому действу: «не верю никому из нынешних политиков» – 24%; «все равно на выборах победит тот, кого назовет Путин» – 20%; «результаты выборов никак не будут зависеть от моего участия и голосования» – 18%¹³. Граждане охотно соглашались с высказываниями «Участие в выборах – обязанность гражданина» и «Участие в выборах – долг каждого патриота России» – около 85% согласны и с первым, и со вторым. Впрочем, кто же поспорит с конституционным утверждением и уверенностью, что «патриоты», но не обязательно сам отвечающий, имеют такой долг? А вот такое высказывание, как «Участие в выборах дает гражданам возможность влиять на судьбу страны», вызывает сомнение у респондентов. Ко-

нечно, безотносительность формулировки не дает нам возможности для уверенной интерпретации, но все же именно этому утверждению свое твердое несогласие выразили 31,3% респондентов, а уверенно с ним согласились 16,1%¹⁴. Те же результаты исследования показали, что люди совсем не считают, что их участие в выборах представитель органов власти дает возможность влиять на их деятельность (73,7%). *Итак, по мнению населения, итоги выборов предрешены, выборы только имитируют борьбу, нет уверенности в честности подсчетов результатов голосования, выборы – это чей-то долг и обязанность, а способом влияния избирателей на действия органов власти выборы не являются.* И, несмотря на все это, большинство принимает участие в голосовании?

Я не претендую в своих рассуждениях на объяснение поведения «всех», люди совершенно разные и руководствуются разными основаниями. Количественные исследования показывают лишь общие контуры, иногда грубо, но все-таки демонстрируют некоторые ценные для анализа происходящего тенденции. В своем эссе я предлагаю к рассмотрению гипотезу, которая может быть использована в дальнейших исследованиях и интерпретациях данных.

Полагаю, что для людей возможность собственного влияния через выборы является абстракцией вследствие невозможности установить очевидную связь между итогами выборов и последующими событиями в стране, между своим выбором и изменениями в собственной жизни. «Да ни на что выборы не влияют», «да мы ни на что не влияем» – расхожие бытовые утверждения, а выборы воспринимаются как вставка среди повседневных забот и событий. И в то же время люди демонстрируют стремление

¹¹ См., в частности, об этом текст С. Ковалева [<http://hro1.org/node/1293>].

¹² [<http://www.rags.ru/?q=node/1065>]

¹³ [<http://www.levada.ru/vybory20084.html>]

¹⁴ [<http://www.rags.ru/?q=node/1065>]

обосновать как-то это нерациональное действие (потратить воскресное время!) остатками надежд, иллюзий – «что-то изменить, как-то повлиять, попытаться сделать хоть что-то». Это можно назвать скептическим романтизмом... Хождение на выборы – традиция, которая соблюдается десятилетиями, в ней нет ничего опасного, она носит мирный регулярный характер. Раньше выборы в большей степени проектировались как праздник – там были свадебноподобные столы с пирожками и прочей снедью, а еще творческие коллективы пионеров и пенсионеров пели близкие сердцу песни. Не зря именно «продуктовые пайки» стали ходовой обменной валютой для покупки голосов в последние годы. Выполняя ритуал хождения на выборы сегодня, люди поддерживают миф о стабильном, узнаваемом мире. Коллективное соглашение с мифом выступает как форма договора и солидарности.

Избирательное право, а точнее та его часть, которая касается права голосовать, обладает демонстрационными свойствами. Регулярное проведение выборов – обязательный элемент картины стабильной демократической страны и для мирового сообщества, и для российского общества. А сами выборы – ритуал, служащий этому мифу. Конечно, в последнее время в словах и действиях российских политиков можно увидеть пренебрежение к важности «сохранения демократического лица». Но иногда все же проскальзывает их желание доказать типичность российских выборов. Например, по выражению В. Чурова, явка избирателей не ниже 60% – своеобразный «джентльменский уровень в европейских странах», где явка не является обязательной. «Поскольку мы приличная европейская страна, мы, наверное, должны держать эту планку», – сказал он¹⁵.

Термин «миф» давно перерос античную интерпретацию, исследователи придали ему новое звучание, в XIX–XX веках он стал употребляться в сочетании с анализом идеологии, механизмов ее воздействия и последствий на представления в обществе. Миф становился употребляемым понятием в исследованиях политического влияния. Шопенгауэр и Ницше, Парето и Манхейм, Соркин и Сорель пытались объяснить наличие неразумного и необъяснимого с точки зрения здравого смысла в поведении людей. Не вдаваясь в описание дискуссии и многочисленных вариантов ответов, отмечу признанное: не только разум движет человеком в его поступках; власть не чурается возможности воздействовать на людей, используя социальные мифы; «жизнь» социальных мифов поддерживается социальными механизмами, гораздо более сложными, чем активность творцов идеологий.

Специфическая особенность политических мифов состоит в том, что они не появляются спонтанно, а создаются искусственно, сознательно и целенаправленно. По выражению Э. Кассирера, мифы производятся, изобретаются, подобно пулеметам и боевым самолетам¹⁶. Мифы устойчивы, потому что искусно вплетены в ткань потребностей и представлений людей и поддерживаются самими людьми как неотъемлемая составляющая социальной реальности. Люди не способны обнаружить мифологический характер политики. Уверенность в собственном трезвом мышлении не допускает возможности представить, что все мы живем в мире иллюзий, которые производим и поддерживаем, чтобы мир был узнаваем. «Мифы способны поддерживать нормальное функционирование общества. Избегать серьезных социальных взрывов, решать проблемы без насилия»¹⁷.

¹⁵ [<http://www.rian.ru/politics/20080225/99978505.html>]

¹⁶ Цит. по: Чудинова И.М. Политические мифы // Социально-политический журнал. 1996. № 6. С. 122.

¹⁷ Там же. С. 127.

Миф – это ритуалы, священные писания, обряды и таинства, жертвоприношения, мавзолей, собрания (съезды?), боги и пророки (вожди?), спаситель. В мифе есть теоретический и практический уровень, и именно практический слой мифа реализуется в ритуале. Выборы как ритуал нуждаются в порядке, и мы его находим в процедуре голосования, где есть сценарий, реквизит, участники. Совершаемое жертвоприношение голоса оправдывает смысл происходящего. Невидимый подсчет голосов придает ритуалу священность и таинственность. «Появление новых информационных технологий лишь повлияло на способы и форму массовой трансляции мифологических установок. Но содержание осталось такое же, как и в первобытном мифе: человек остается заклинателем природы, предсказателем судьбы, творцом социальных систем»¹⁸. Ритуал голосования позволяет почувствовать себя человеком действующим, не влияющим, но хотя бы причастным творцом социального. «Мы пойдем, мы сделаем это, и поэтому завтра будет хорошая погода и урожай! Мы не сделаем этим хуже, лишним не будет. А если в будущем и случится что-то плохое, так это из-за злых сил. И тогда мы их будем искать – где они и кто это», – таким может быть текст неозвучиваемого гимна этого мифа.

Согласно теории, мифологическое не абсолютно, не совершенно и не вечно. Это лишь некоторые архаические элементы культуры в любом обществе. Их отличительными чертами являются: отсутствие ощущения границ возможнос-

тей человека, стремление к абсолютным результатам и надежда на героя, который избавит людей от нынешнего нетерпимого положения, связанного с эксплуатацией, ограничениями и нестабильностью существования¹⁹. И для политической сферы эти характеристики подходят как нельзя кстати. Никакие претензии к чистоте проведения «думских» выборов, высказанные российскими интеллектуалами и правозащитниками, представителями партий и общественных движений, не отразились на выборах президентских. Объяснимо, что сформирован высокий уровень недоверия к оценкам международных экспертов. Но без внимания остались и многочисленные свидетельства самих рядовых участников выборов о техниках открепительного голосования, о наказах руководителей организаций и прочих нарушениях – их описание широко представлено в Интернете. Размещенное на официальном сайте Центральной избирательной комиссии России «Особое мнение» члена ЦИК Е. Колюшина²⁰, в котором описаны нарушения принципа свободных выборов в декабре 2007 года, тоже не стало сенсацией. Какие можно дать объяснения этой преемственности в равнодушии к нарушениям избирательного права? Группа интеллектуалов может объяснить себе все с помощью политологического анализа. А широкая публика в объяснениях уже не нуждается, ведь миф, как и сказка, не заканчивается и все происходящее вокруг удачно названо *стабильностью*, а какие вопросы может вызывать неизменность?

¹⁸ Щербakov А.Е. Место мифа в политической идеологии // Политические исследования. 2003. № 4. С. 175.

¹⁹ Современная политическая мифология: содержание и механизмы функционирования. С. 17.

²⁰ [http://www.cikrf.ru/elect_duma/results/index.jsp]

Владимир Сергеевич Малахов,
доктор политических наук, ведущий
научный сотрудник Института фило-
софии РАН, профессор Московской
высшей школы социальных и экономи-
ческих наук (МВШСЭН)

Почему в России нет «мультикультурных исследований»?

Вопрос, вынесенный в заголовок этой статьи, далеко не праздный. Российская Федерация, согласно Конституции и позиционированию на международной сцене, является «многонациональной страной». Тем не менее проблематика культурного разнообразия российского общества почти не затрагивается в публичных дискуссиях и остается маргинальной для академических дебатов¹. Резонно предположить, что существуют причины, блокирующие подобную проблематизацию. Ниже мы попытаемся выявить эти причины.

Травма распада государства

Общественное сознание на рубеже 1980–1990-х годов не противилось перспективе отпадения территорий, которые воспринимались как чужие. Но оно противилось перспективе отпадения от России территорий, которые переживались как свои. Одно дело – Балтия, Средняя

¹ Авторам, привлекающих внимание к культурной неоднородности российского общества, как будто не так уж мало. Ограничиваясь лишь наиболее известными именами, назовем В. Тишкова, С. Арутюнова, Э. Паина, Л. Дробижеву, М. Губогло, В. Амелина, В. Мукомеля. Однако их работы (как правило, малотиражные) вряд ли способны изменить господствующую парадигму, не говоря уже об институционализации такого направления исследования, как «российское культурное разнообразие» или «российский мультикультурализм». Из относительно недавних публикаций, которые могли бы лечь в такое русло, см.: Щедрина О.В. Возможна ли мультикультурная модель интеграции мигрантов в России? // Социологические исследования. 2004. № 11. С. 67–75; Мартынова М.Ю. Поликультурное пространство России и проблемы образования // Этнографическое обозрение. 2004. № 1. С. 37–51; Арутюнян Ю.В. О тенденциях межнациональной идентификации // Жизнь национальностей. 2005. № 1. С. 24–30; Редакция [И. Герасимов, С. Глебов, А. Каплуновский, М. Могильнер, А. Семенов]. Империя как «заявка», нация как «резолуция»? Языки описания общности и различия в мультикультурной среде // Ab imperio. 2005. № 3.

Азия и Закавказье, к политической независимости которых большая часть населения относилась нейтрально, и совсем другое дело – Севастополь, Харьков, Луганск, Гомель, Павлодар и Семипалатинск. Поэтому совпадение границ новой России с административными границами РСФСР стало шоком для общества.

В травму, о которой идет речь, внесли свой вклад и размах центробежных сил в начале 1990-х, и потоки беженцев, перебивавшихся вглубь страны, как из нового зарубежья, так и с юга самой Российской Федерации. На этом фоне интеллектуальный жест в духе *postcolonial studies*, сделавшийся признаком хорошего тона в западных университетах последней четверти века, был у нас практически невероятным.

История, как известно, не терпит солагательного наклонения. И все же, если представить себе, что СССР не распался (а такая опция до 19 августа 1991 года была открытой), дискуссии на тему «колониализма» и «постколониализма» непременно бы возникли. Предтечей подобных дискуссий можно считать споры, спровоцированные в 1970-е годы книгой О. Сулейменова «Аз и Я».

Специфика этнической политики коммунистического руководства и ее долгосрочные эффекты

Парадокс этой политики сформулировал В. Воронков, назвав СССР страной победившего мультикультурализма². Советская «национальная политика»,

будучи, с одной стороны, направлена на формирование новой исторической общности, с другой стороны, систематически поддерживала, институционализировала и спонсировала этнонации³. Формирование этнических культурных элит и этнических культурных институтов шло не только на уровне союзных республик, но и на уровне национальных автономий внутри РСФСР⁴. В некоторых случаях такая институционализация велась чуть ли не с чистого листа – например, создание Союзов писателей у прежде бесписьменных народов. Создавались университеты, издательства, творческие союзы, щедро финансировалась деятельность официально одобренных художественных коллективов. Внушительными тиражами издавалась художественная и научная литература на языках народов СССР, причем, еще раз подчеркну, сюда включались и языки этнических групп, входивших в состав РСФСР.

Институты этнической государственности обнаружили действенность в эпоху ослабления центральной власти. Многие «национально-территориальные объединения» заявили в начале 1990-х годов о своем суверенитете. И хотя этот суверенитет оказался чисто декларативным и был вскоре дезавуирован⁵, произошедшее не осталось без последствий. В языковой, кадровой и символической политике, которую проводили руководители этих объединений (причем в основном не *de jure*, а *de facto*), просматривались явные пре-

² Впервые эта характеристика прозвучала в 1999 году на конференции о мультикультурализме в Московском центре Карнеги. Текст доклада опубликован с большим опозданием. См.: Воронков В. Мультикультурализм и деконструкция этнических границ // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / Под ред. В.С. Малахова и В.А. Тишкова. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2002. С. 38–47.

³ См.: Martin T. The Affirmative Action Empire. Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Ithaca; London: Cornell University Press, 2001; Brubaker R. Nationhood and the National Question in the Soviet Union and its Successor States: An Institutional Account // Brubaker R. Nationalism Reframed: Nationhood and the National Question in the New Europe. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. P. 23–54.

⁴ Нет нужды оговариваться, что эти элиты периодически подвергались ротациям (а в сталинское время – репрессиям). Понятно также, что условием сохранения статуса их отдельных членов была политическая и идеологическая лояльность центру. Тем не менее это были именно национальные и национально (а по мере ослабления хватки центральной власти и националистически) настроенные элиты.

⁵ См.: Дробизева Л.М. Завоевания демократии и этнонациональные проблемы России (что может и чего не может дать демократия) // Общественные науки и современность. 2005. № 2. С. 16–28.

ференции для представителей титульных национальностей⁶.

Это обстоятельство, без сомнения, чрезвычайно важно для понимания специфики российской ситуации, причем не только в историко-политическом и социально-психологическом, но и в эпистемологическом аспекте. В российском случае обсуждение таких проблем, как культурная гегемония, аккультурация, ассимиляция и т.д., – если бы оно состоялось – протекало бы в ином контексте, чем контекст «внутреннего колониализма».

Наиболее значимой для наших целей следствие советской «национальной политики» заключается в *непрестижности бытия-меньшинством*. Слово «нацмен» неслучайно приобрело в свое время устойчиво негативные коннотации. Дело здесь, на мой взгляд, не в культурном шовинизме русского или русифицированного большинства. Дело в *неудовлетворительности процедур признания*, характерных для советской эпохи. Поскольку этнические категории служили инструментом власти (а именно средством деления населения, когда принадлежность разным группам определяла различие в доступе к социальным благам), постольку этническая идентичность не была результатом индивидуального выбора. Люди оказывались принадлежащими той или иной этнической группе в силу административных решений. Вопрос о членстве в том или ином этническом коллективе не был вопросом культурного самосознания. Это членство было предопределено – записью в паспорте, фактом проживания на территории «национальной республики» и т.д. Иными словами, идентификация индивида с некоторой этнической группой не была добровольной. Она была внешне предписана, причем иногда предельно жестко (например, в форме депортации). Это первый момент, касающийся процедур признания, практиковавшихся советской властью.

Второй момент. За полвека – с 1930-х до 1980-х – в стране установилась гегемония городской культуры. Это *этнически индифферентная* культура. В городах сформировалось коммуникационное пространство, которое не имело этнических характеристик (кроме одной – русскоязычной основы). Это пространство по определению *анонимное*: оно предполагало похожесть каждого на каждого и, соответственно, независимость социальных взаимодействий от индивидуальных культурных особенностей. Индивид, которому была адресована эта культура – и который конструировался этой культурой, – был «советским человеком». По умолчанию советскость означала две вещи – русскоязычность и лишенность этнических свойств.

Отсюда третий момент. Страна представляла себя – репрезентировала себя и вовне и вовнутрь – как многонациональная (современным языком говоря, как многокультурная). Но это была показная и управляемая многокультурность. Люди видели искусственность, «сдиржированность» того культурного многообразия, которое поощрялось властью. Официально поддерживаемая «советская культура» («национальная по форме, социалистическая по содержанию») не предполагала самоактивности, спонтанности, низовой креативности. Поэтому большинство граждан ориентировалось на те культурные образцы, которые сформировались в анонимной, этнически нейтральной городской среде. Правда, в союзных республиках шло тихое противоборство национальных элит с «русским» центром. Но внутри РСФСР господству русскоязычной культуры к 1970-м годам практически не мог быть брошен вызов.

Итак, (а) этничность как объект управления, а не результат выбора, (б) молчаливое отождествление советского с русским, и наоборот, и (в) симуляционный

⁶ Вытеснение русских преподавателей из университетов и, шире, русскоязычных специалистов – из образовательной сферы под предлогом незнания ими «государственного языка», возведение буддизма в ранг официальной религии в Калмыкии, «исламизация» символической сферы в северокавказских республиках и т.д.

характер советской многокультурности – вот основные моменты процедур признания (или, если угодно, непризнания), которые определили специфику восприятия – и самовосприятия – меньшинств в постсоветской России.

Отсюда и проистекает непристязность бытия нацменом. В сегодняшней России никто не хочет называться меньшинством. Симптоматично название федерального закона, призванного защищать культурные права этнических меньшинств. Он называется «О национально-культурной автономии». Предложенная ранее формулировка «О защите национальных меньшинств» не прошла – по той простой причине, что термин «нацменьшинство» рассматривался членами самих меньшинств как унижительный.

Особенности политики идентичности последнего времени

В 2002 году митрополит Кирилл высказался в том смысле, что считать Россию многоконфессиональной страной неверно; Россия – «православная страна с религиозными меньшинствами». Принимая во внимание место, занимаемое митрополитом Кириллом в иерархии РПЦ, его заявление можно рассматривать как цезуру между символической политикой, которую вела российская власть в 1990-е, и символической политикой «эпохи Путина». Я бы не стал преувеличивать продуманность и последовательность этой политики. В официальной риторике периодически встречаются ритуальные упоминания о «многонациональности» страны, в президентских речах мелькает термин «российская нация», а в массмедиа – слово «россияне»⁷, в Кремль по-прежнему иногда приглашают, наряду с патриархом, лидеров трех других «тра-

диционных конфессий». Однако нельзя не заметить того обстоятельства, что «русский проект» набирает силу. Этот проект заключается:

(1) в редукции культурного разнообразия российской жизни к некоему канону; его содержание остается (и, похоже, будет оставаться) расплывчатым, однако контуры его довольно четкие; их можно описать как «православно-державнические»;

(2) в попытке семантической перезагрузки слова «русский»; ему надлежит вернуть сверхэтническое значение, которое оно, как предполагается, имело в империи Романовых.

За упорным стремлением вытеснить допускающее разнообразие понятие «российский» понятием «русский» сквозит некая ассимиляционистская одержимость. «Русские машины», «Русские автобусные линии», «Русский алюминий», «Русский кредит», «Русский мир». И, разумеется, «русская культура».

Протагонисты «русского проекта» иногда проявляют готовность терпеть слово «российский» применительно к явлениям, лежащим вне культурной плоскости. Например, квалифицировать в качестве такового государство. Но назвать сложившуюся на данный момент в России знаково-символическую целостность «российской культурой» они категорически не согласны⁸.

На мой взгляд, попытки вытеснить из публичного употребления выражения, включающие в себя термин «российский» (и выражение «российская культура», в частности) контрпродуктивны. Во-первых, термин «русский» слишком долго использовался именно как этническая категория. При коммунистах он служил обозначением этнического, а не гражданского сообщества. Не исключено, что вероятность деэтнизации этого

⁷ На «Радио России» в 2007 году даже запущен одноименный проект, который ставит своей целью рассказывать публике о гармоничном сосуществовании в нашей стране людей разной национальности.

⁸ Солженицын А.И. «Русский вопрос» к концу XX века // он же. Публицистика. Т. 1. М., 1995. С. 616–702; Соколов М. Как уйти из грамматической ловушки // Эксперт. 2006. 13 ноября. № 42 (536); Миллер А. Нация как рамка политической жизни // Pro et Contra. 2007. Май-июнь. № 3 (37). С. 6–20.

термина и существовала в период демонтажа советского режима, но она была упущена. Я имею в виду две чеченские войны и дальнейшие события на Северном Кавказе. После того, что происходило здесь после ноября 1994 года, полагать, что жители этого региона согласятся считать себя русскими в каком бы то ни было смысле этого слова, – иллюзия. Равным образом иллюзорны и надежды на то, что с такой их характеристикой согласятся жители центральных регионов страны, которые уже привыкли считать выходцев с юга России «лицами кавказской национальности»⁹.

Во-вторых, сегодняшняя российская культура, будучи сверхэтничной, не является абсолютно однородным единством. Это единство собрано из разных элементов, в том числе из таких, этническое лицо которых довольно четко просматривается. И оно – нерусское.

Разве у строки «виноградную косточку в теплую землю зарю» русские истоки? Разве мелодия «Семь сорок» русская? Разве такие блюда, как лаваш, плов, бастурма, русские? А такие приспособления для приготовления пищи, как казан и мангал?¹⁰ А лезгинка? А горловое пение? А образность фильмов Параджанова? А аллюзии, закодированные в прозе Ф. Искандера, Ш. Алейхема, Ч. Айтматова?

Навязчивое стремление считать эту культуру русской мне кажется не чем иным, как проявлением той позиции сознания, которую наши западные коллеги именуют культурным империализмом.

Культурная повседневность versus официальные репрезентации

Если сравнить образ страны, конструируемый государственными СМИ, с реальными социокультурными практиками, то контраст получается разительный. С одной стороны – «российская цивили-

зация», «держава, духовность, Победа», «евразийская цивилизация» и тому подобные символы самодостаточного символического универсума. С другой стороны – книжные лотки, заваленные пособиями по фэн-шуй и практической йоге, раскупаемые огромными тиражами романы Х. Мураками и повести о Гарри Потере, танцевальные студии, обучающие «латино» и танцу живота, ежедневно перекачиваемые гигабайты видеопродукции западного (а в последнее время также южно-корейского и китайского происхождения), множасьи закусовые, предлагающие шаурму, пиццу и суши. Я намеренно смешиваю материальное и символическое измерение культуры, уровень потребления и уровень производства смыслов. Эта грань размыта. Адепты хип-хопа часто не только потребители, но и производители этого нехитрого искусства. Едва ли не в каждой школе (и уж точно в каждом университете) есть самодеятельные команды, не просто сочиняющие музыку и тексты в каком-нибудь прогрессивном стиле, но и норовящие записать «демоверсию». В Москве, начиная с самого начала 1990-х, регулярно проходит празднование дня Святого Патрика, с каждым годом все более массовое. Медленно, но неуклонно растет популярность «этнической музыки»: распространяются записи, увеличивается количество площадок, на которых выступают исполнители фолк-рока и этноджаза, растет посещаемость соответствующих фестивалей¹¹.

Чем более плюралистичным и пестрым становится общество на уровне культурной повседневности, тем более однородным и скучным оно предстает на уровне официальных репрезентаций. Реальное общество включено в глобальный культурный контекст. В симулятивном мире, продуцируемом властью, оно существует изолированно.

⁹ Симптоматично, что в массовом сознании распространено представление о Чечне и Дагестане и прочих республиках Северного Кавказа как о загранице.

¹⁰ Кстати, книга С. Ханкашиева «Казан, мангал и другие мужские удовольствия» стала лидером продаж 2007 года.

¹¹ См. об этом подробнее: Малахов В. Этничность в большом городе // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. 2007. № 1 (51). С. 185–196.

Запрос на самобытность, исходящий от власти, был с энтузиазмом воспринят в интеллектуальных кругах. Я не хочу тем самым сказать, что все авторы, возделывающие сегодня ниву православно-державнической самобытности, делают это по заказу. Многие занимались этим независимо от сигналов, исходящих сверху. Скорее речь следует вести о встречном движении бюрократии и интеллектуального сословия. Именно их взаимной подпиткой и объясняется устойчивость воспроизводства фантазма по имени «остров Россия»¹².

Заключение

Как мы попытались показать, существует как минимум три группы причин, блокирующих проблематизацию культурного плюрализма в современной России. Это (1) неизжитая травма распада государства, (2) последствия этнической политики советского руководства (прежде всего неудовлетворительность процедур признания, практиковавшихся в советский период) и (3) особенности политики идентичности, проводимой российскими элитами в последние годы.

Прогнозы – дело неблагодарное. И все же выскажем несколько предположений относительно возможного развития ситуации. В краткосрочной и среднесрочной перспективе она вряд ли изменится. Драйв нациостроительства, понимаемого как культурная гомогенизация, слишком сильно захватил воображение и руководства страны, и большей части интеллектуальных элит. Однако в долгосрочной перспективе движение в сторону осознания – и, как следствие,

проблематизации – культурного плюрализма неизбежно. К этому будет объективно подталкивать, во-первых, иммиграционный приток населения, культурная отличность которого от принимающего сообщества постепенно становится все более ощутимой. Если выходцы из стран так называемого «ближнего зарубежья» в первое постсоветское десятилетие – это бывшие советские люди, то со временем они будут замещаться молодежью, социализировавшейся в других условиях. Появление новых культурных сообществ (в частности, образуемых иммигрантами) приведет к реконфигурации социокультурного пространства, к размыванию тех линий напряжения и конфликта, которые характеризовали общество до их появления¹³.

Во-вторых, по мере того, как набирают силу глобализационные процессы, возрастает запрос на различие. Те этнические меньшинства, которые не были ассимилированы в период индустриализма/модерна, вряд ли подвергнутся ассимиляции с наступлением эпохи постиндустриализма/постмодерна. Современные информационные технологии, с одной стороны, и глобальный интерес к разнообразию (если угодно – глобальная мода на разнообразие), с другой стороны, способствуют формированию транснациональных сообществ идентичности (в том числе основанных на этнической и/или конфессиональной общности). В этих условиях продолжение той политики идентичности, которую проводят российские элиты сегодня, станет контрпродуктивным.

¹² См.: Российская цивилизация: этнокультурные и духовные аспекты. К 70-летию М.П. Мчедлова. М., 1998; Назаров М. Тайна России. М., 1999; Чеснокова В. Тесным путем: процесс воцерковления населения России в конце XX века. М., 2000; Панарин А. Православная цивилизация в глобальном мире. М., 2002; Дугин А.Г. Эволюция национальной идеи Руси (России) // Отечественные записки. 2002. № 3 (4). С. 125–140; Нарочницкая Н.А. Россия и русские в мировой истории. М., 2003; Российская цивилизация: учебное пособие для вузов / Под общей редакцией М.П. Мчедлова. М., 2003. Что касается автора самой формулы «остров Россия» (это В. Цымбурский, опубликовавший в начале 1990-х статью, а в 2007 году книгу под таким названием), то его аргументация в пользу российского изоляционизма носит не историко-культурный, а геополитический характер.

¹³ Анализ подобной реконфигурации на примере сегодняшнего Киева (а также Монреаля и Вашингтона) см.: Ruble B.A. Creating Diversity Capital: Transnational Migrants in Montreal, Washington and Kyiv. Washington, D.C., Baltimore, 2005. См. также: Рубль Б. Социальный капитал разнообразия: к вопросу о креативности разделенных городов // Вестник Института Кеннана в России. Вып. 10. М., 2006. С. 7–19.

Ольга Ивановна Вендина,
кандидат географических наук,
ведущий научный сотрудник
Центра геополитических исследований
Института географии РАН

Культурное разнообразие и «побочные» эффекты этнокультурной политики в Москве

*Работа выполнена в рамках проекта
«Социоэкономическая жизнь и культурный
ландшафт Москвы под влиянием этнических
миграций», осуществленного Центром
миграционных исследований при поддержке
Института Кеннана.*

Этнокультурная самоидентификация – одна из важнейших характеристик человека, определяющая для него многие ориентиры в окружающем мире. У людей чувство общности так долго ассоциировалось с родным языком, культурой, национальными корнями и родом, что теперь очень трудно приспособить эту унаследованную идентичность к новым реалиям, когда под давлением миграции стремительно меняется структура населения российских городов и уходит в прошлое привычная этнокультурная однородность. Возникающее новое городское сообщество объединяет множество индивидов с самыми разными этническими корнями и происхождением. Космополитизм, присущий ранее лишь немногим крупнейшим городам мира, становится нормой жизни, индикатором успешности и развитости, включенности города в мировые процессы. О значимости и культурной продуктивности города судят по разнообразию этнической структуры его населения, свободе и легкости этнического самовыражения, частоте и активности культурных репрезентаций, широте спектра возможностей для реализации разных типов поведения и образов жизни.

Обратной стороной стремительного роста разнообразия стало усиление

тенденций к культурному и социальному размежеванию ради сохранения устоявшейся системы социальных ориентиров и привычной картины мира. Вызов, брошенный большинству, и переживаемый им кризис утраты культурного доминирования породили трудно разрешимую конфликтную ситуацию. Дело здесь не в низком уровне толерантности, агрессивности или жесткости людей, а в глубинных принципах существования демократического общества, в необходимости установления баланса между соблюдением «гражданских прав» и выполнением «гражданских обязанностей». Как подчеркивает А. Этциони, естественные требования соблюдения прав дискриминированных или ощущающих себя дискриминированными групп способны выродиться в борьбу за групповые привилегии. Современный «трайбализм» акцентирует различия, существующие в обществе, размывая основы социальной солидарности и приводя к внутренним трениям, противостояниям и фобиям. Учитывая, что именно общество как целое обеспечивает соблюдение прав каждого, поддержание его устойчивого развития требует сосредоточения не столько на правах, сколько на соблюдении взаимных обязательств, поддержании общих ценностей, социальных институтов и политики в интересах всех¹.

Именно стремление к соблюдению общих интересов делает особенно важным изучение взаимодействия большинства и меньшинств в ситуации их наиболее тесного соприкосновения – в городах. Если тесные межкультурные контакты не приводят к возникновению нового культурного целого, то город рискует постепенно превратиться в скопище людей и источник конфликтов, порождаемых сегрегацией, взаимонепониманием, неприязнью и подозрительностью.

Москва поддерживает культурное разнообразие, но не его «носителей»

В течение последних 15 лет московские власти пытаются выработать политику гармонизации национальных отношений, которая учитывала бы этнокультурные различия и противоречия их проявлений. Главной чертой этой политики является ее непоследовательность, сочетание дискриминационных мер в отношении мигрантов, что придает расовый оттенок социальным проблемам, с мерами, направленными на укрепление этнокультурных институтов и толерантности, что поддерживает и укрепляет существующее разнообразие. *Этническая культура (хорошая) отделяется от ее носителей (плохих)*, и это происходит на всех уровнях общества. Первая поддерживается, а вторые рассматриваются как неизбежное зло, с которым приходится в лучшем случае мириться.

Противоречивость политики сказывается и на толковании складывающейся в городе ситуации. Нередко одни и те же слова наполняются разными смыслами, а понятия смешиваются. Этническая самоидентификация путается с этнической принадлежностью, а последняя интерпретируется как объективная и неизменная данность. В интервью «Независимой газете» А. Александров, глава Комитета межрегиональных связей и национальной политики Москвы, говорит: *«В Москве проживают не этносы, а москвичи различных национальностей. У нас нет особых национальных категорий, нет привилегий по национальному признаку. Конечно же, при этом никто не может упрекнуть московскую власть в попытках лишить человека его национального самосознания»*².

Понятия «национальный» и «этнический» до сих пор не разведены на смыс-

¹ Etzioni A. The Community of Communities: A Communitarian Position Paper, 1995 [http://www.gwu.edu/~ccps/Comofcom.html].

² В Москве проживают не этносы, а москвичи // Независимая газета. 2007. 15 марта.

ловом уровне и неспециалистами используются как синонимы. Это рождает не только двусмысленность и непонимание, но и политические спекуляции, оставляя свободу для реализации деструктивных проектов в рамках известного постулата о «праве наций на самоопределение». В. Тишков, а вслед за ним и многие другие специалисты неоднократно указывали на необходимость использования более научного и политически более рационального определения российского общества как «многоэтничного» или «многокультурного», отказавшись от политически и эмоционально нагруженной «многонациональности»³. Его аргументы, конечно, услышаны, но не восприняты. «Многонациональность» конституирована и закреплена множеством формулировок – от опросов общественного мнения и газетных публикаций до государственных программ и управленческих решений.

Еще сложнее обстоит дело с «мультикультурализмом». Концепция как имеющая ограниченное применение в российских условиях была жестко раскритикована⁴. Основные выводы авторов сводятся к тому, что использование опыта мультикультурализма способствует не столько интеграции, сколько дальнейшему размежеванию российского общества. Культурная риторика маскирует проблемы социального неравенства и бедности, а ее использование эффективно в очень ограниченных пределах. Мультикультурализм выполняет компенсаторные функции, подчеркивая культурную значимость дискриминируемой части общества, но недостаточно влияя на изменение ее реального положения. Наиболее ценным достижением мульти-

культурализма является развитие представлений о культурном плюрализме, который не сводится к этнокультурному разнообразию и является наиболее продуктивной формой существования современных обществ, имеющих сложную социальную и этническую структуру.

К сожалению, из конструктивной и аргументированной критики на управленческом уровне было воспринято лишь то, что мультикультурализм – это отжившая доктрина, непригодная для российского потребления, что укрепило позиции «многонациональности» как российского *noy-hau*. В 2000-х годах «мультикультурализм» как идеология и дискурс практически ушли из административного обихода, заместившись «поликультурностью» в смысле повседневной практики и естественного следствия многонациональности. Поликультурность в свою очередь стала связываться с системой образования, превратившись в школьную программу, признающую необходимость знакомить учащихся с многообразием культур страны⁵.

Не меньшие трансформации произошли и с понятиями «мигрант» и «миграция», они дегуманизировались и стали все чаще адресоваться безликому человеческому потоку, протекающему через город и оставляющему на его лице зыбкий след, смываемый последующими миграционными волнами или городской жизнью. С одной стороны, это вроде бы означает, что мигранты, оседающие в городе, а тем более их дети, рассматриваются как полноценные москвичи, но с другой – без ответа остаются ключевые вопросы о способах интеграции и степени интегрированности вчерашних мигрантов в московский социум.

³ Тишков В.А. После многонациональности // Знамя. 2003. № 3. С. 179–194.

⁴ Малахов В. Зачем России мультикультурализм? // Малахов В.С., Тишков В.А. (отв. ред.) Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ. М., 2002. С. 48–60; Дерябина С. Россия и опыт мультикультурализма: за и против // Этнопанорама. 2005. № 1–2. С. 14–18; Дробижнева Л.М. Завоевания демократии и этнонациональные проблемы России. Что может и чего не может дать демократизация // Общественные науки и современность. 2005. № 2. С. 16–28.

⁵ Концепции демографической политики Правительства Москвы, 2005 [http://demoscope.ru/weekly/knigi/konceptiya/mos_konceptiya.html].

Рис. 1 Уличный плакат, рекламирующий культурное разнообразие Москвы

Возьмем для примера безобидный рекламный плакат, встречающийся в метро и на улицах города и декларирующий этнокультурное разнообразие как необходимое условие существования города (рис. 1). Город – это сад, в котором каждому цветку (культуре, социальной практике) найдется свое место. Очевидный *message* плаката – призыв к толерантности и оценка культурного разнообразия как позитивной характеристики жизни в мегаполисе. Однако он содержит и не столь очевидные смыслы, вскрывающие неоднозначное отношение к этническим меньшинствам и этническим культурам, предопределяющее противоречия проводимой политики.

Во-первых, почему на плакате изображены цветы, а не люди? Все же речь идет о городе и его жителях. Необходимость привлекать аллегории указывает на табуированность темы социальных или межэтнических различий, невозможность поместить на одном плакате представителей разных народов, имеющих ярко выраженные физиономические черты. Сразу оговорюсь, социальная реклама, изображающая представителей разных этнических групп все-таки есть, но она призывает не к толерантности, а к дисциплинированности, указывая, что мигранты, работающие в Москве не должны забывать об обязательности регистрации. Другой квазиэтнический плакат еще красноречивее: на нем мигранты, так нужные Москве, изображены в виде безликой цветной массы, лишенной всякой индивидуаль-

Рис. 2 Уличная реклама в Москве, пропагандирующая «терпимое отношение» к мигрантам

ности, одинаковых разноцветных пуговиц с дырочками вместо глаз (рис. 2). Все это свидетельствует о неблагополучии московского сообщества и о попытках московских властей романтическим «цветочным» или «пуговичным» способом смягчить существующее напряжение.

Согласно многочисленным и регулярно проводимым опросам, московское сообщество расколото на два сравнимых лагеря. У большинства москвичей (53–60% в зависимости от опроса) рост этнического разнообразия вызывает устойчивую негативную реакцию. Оппозиционный лагерь, ратующий за большую толерантность, объединяет 34–43% горожан. Власти при этом справедливо видят угрозу потенциальных конфликтов не столько в этнической несовместимости, сколько в кризисе московской идентичности и маргинализации части населения.

Москвичей на протяжении уже многих десятилетий объединяет не общность интересов, а гипертрофированное чувство кастовости, привилегирован-

ности и исключительности своего положения. Москва рассматривается как высокостатусный экономический, социальный и культурный ресурс, правом использования которого обладают только москвичи. Точка зрения, что Москва – это открытый город, характерна для незначительного меньшинства населения (5%)⁶. Понятно, что в такой ситуации изображение на плакате людей вместо невинных цветов подтолкнет скорее к проявлению агрессии, нежели толерантности.

Во-вторых, соотнесение каждой из этнических или социальных групп с отдельным цветком заставляет воспринимать их как некую объективную данность, которую не может изменить даже культурная гибридизация. Такое объективированное представление о различиях рождает и представление о мозаичности культур, каждая из которых существует сама по себе. *Разобщенность и фрагментарность доминируют над идеей единого, хотя и гетерогенного культурного пространства.*

Возникает вопрос, как могут сосуществовать в городе различные этнические или социальные группы, если они являются носителями собственных самостоятельных культур? Ведь в этом случае должны быть выстроены и различные системы социализации и коммуникации, отвечающие их запросам. Прежде всего, различающиеся системы образования. Однако образовательная система, которая работает в этническом режиме, ведет к самоизоляции, а в условиях крупнейших городов – к оформлению диаспор и дезинтеграции городского сообщества. Этому способствуют и личные интересы лидеров диаспор, стремящихся сохранить свой статус и позиции, слабеющие по мере интеграционных процессов.

Конечно, в знании родного языка и национальной культуры нет ничего плохого или опасного, более того, очень

важно, чтобы у людей была такая возможность. Но не стоит преувеличивать их роль в интеграционных процессах, особенно если представление о культуре жестко связывается с представлением об этносе. Подчеркивание этнической специфики и культурных различий способствует закреплению и легитимации внутренних барьеров в обществе, а не наоборот.

Представление о культурном разнообразии как социальном капитале предполагает не только теоретическое знакомство или изучение других культур, не только их автономное и параллельное существование, как цветов на плакате, но и тесное взаимодействие. Это взаимодействие не должно застревать на стадии «культурного диалога» или поиска культурных «компромиссов», поскольку всякий диалог или компромисс асимметричен и влечет за собой не только позитивную, но и негативную ответную реакцию. Целью межкультурного взаимодействия должна стать выработка и совместное продвижение общих ценностей. *Проблема этнокультурного разнообразия как залога стабильности и процветания общества не может быть решена только этнокультурными средствами.*

Чтобы желаемое стало реальным, необходимо рост социальной мобильности населения, столь актуальной для недавних мигрантов; поиск механизмов, мотивирующих людей к овладению русским языком; перестройка системы школьного и вузовского образования, пройдя через которую дети мигрантов (а через детей и их родители) смогут получить прививку общегражданской культуры; укрепление московской идентичности, чувства сопричастности людей к жизни в столице. Другими словами, *нужно признать не только равноправие культур, но и равноправие их носителей.* Все это легче сказать, чем сделать. На сегодня в Москве нет ни по-

⁶ Борусяк Л. Патриотизм как ксенофобия (результаты опроса молодых москвичей) // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2004. № 6 (74). С. 58–70.

литической воли для реализации столь масштабного и затратного социального проекта, ни кадров, которые могли бы его осуществить.

Наконец, *в-третьих*, несмотря на попытку дать объективный образ разнообразия, его реальные черты на цветочном плакате даже смутно не угадываются. Этнические сообщества в Москве еще недостаточно изучены. И если вопросы статистического учета мигрантов, условий их жизни, социально-демографического состава и влияния на столичный рынок труда систематически привлекают к себе внимание в силу остроты проблемы, то анализа изменений идентичности людей, сдвигов в их понимании самих себя и своего места в динамичном потоке городской жизни, практически нет. Однако именно способность к таким изменениям и определяет, в конечном счете, возможность перехода от ситуации противоречивого сосуществования многих культур, разделенных по этническим или религиозным основаниям, к ситуации культурного плюрализма, основанного на признании общих интересов.

Репрезентация этничности как реакция на вызовы жизни в столице

Этническая саморепрезентация – это заявление о себе индивида или социальной общности, базирующееся на совокупности символов, идей, традиций, привычек и обычаев, имеющих этническую природу. Этнические саморепрезентации позволяют носителям разных культур (включая и русское большинство) создавать собственный значимый мир, выводить его за рамки частной жизни и встраивать в городской порядок.

Московская жизнь соткана из множества повседневных соприкосновений с проявлениями этничности, визуализированными в городском пространстве.

Даже если мы не выходим из дома и физически не контактируем с представителями иных культурных традиций, опосредованно через СМИ, рекламу и потребляемые товары мы все равно включены в межкультурные обмены.

Мода на этничность, прежде всего ориентализм, пришла в Москву с Запада как один из признаков мирового города, культурного перекрестка. Но если в Европе или Америке она стала следствием длительного периода выстраивания межэтнических взаимоотношений, изменивших в лучшую сторону представления об этнических культурах и их носителях, то в Москве это было формальным заимствованием. «Свои» этнические маркеры городской среды – рестораны, кафе и магазины, кроме существовавших с советского времени как дань «дружбе народов» и символ присутствия национальных республик в столице СССР, появились позже многих экзотических. Исключение составляли, пожалуй, лишь рестораны грузинской кухни, столь популярной в России, что она давно воспринимается как часть русской жизни.

Мода на этничность в Москве опережала ее осознание как средства заявления о себе и своих правах. Т. Гузенкова, исследовавшая в середине 1990-х годов особенности идентичности гуманитарной интеллигенции нерусской национальности в Москве, констатировала привязанность этничности к частной или общинной жизни, ограниченность ее публичных проявлений⁷.

Во второй половине 90-х ситуация постепенно меняется. Первым на этническую моду как средство самовыражения отреагировало русское большинство, обозначив русскость Москвы засильем псевдорусской архитектуры, «Русским бистро» и «Елками-палками». До этого массовые рестораны российской (не обязательно русской) этнической кухни, конечно, были, но все они вели впол-

⁷ Гузенкова Т. Гуманитарная интеллигенция нерусской национальности в Москве: проблема идентичности // Мир России. 1998. № 1–2. С. 199–226.

не укромную жизнь, довольствуясь полуподвалами или «стекляшками». Вслед за русскими появились и другие «свои» национальные рестораны⁸ как дань кулинарным привычкам и предпочтениям. Характерный пример – история создания украинской корчмы «Тарас Бульба», рассказанная Александром Орловым, владельцем этнических ресторанов «Желтое море», «Гоа», «Лос Бандитос», «Старый Токио», «Тануки»: «*Был офис. В этом офисе была девушка украинка, и она готовила обеды. ... Обеды были настолько вкусные, что приглашались какие-то знакомые туда, ели, облизывали пальцы, говорили – “нереально”. Возникла идея – на почве всей этой истории сделать ресторан, где можно кормить. Не было даже цели зарабатывать какие-то деньги*».

В 2000-х годах российская «этничность» окончательно вышла из сферы быта и этнографических музеев на улицы Москвы, а ее визуальное воспроизводство стало самым доступным и распространенным способом репрезентации этничности. Вслед за ресторанами и интерьерами этнический колорит распространился на одежду. Татарские и узбекские мотивы оказались не менее популярными, чем индийские или китайские. Сегодня разнообразные культурные знаки и символы рассеяны по всему городу, нередко создавая причудливое совмещение несовместимого, вроде китайских драконов, прилепленных к фасаду хрущевской пятиэтажки, римских портиков при входе в старомосковский приземистый купеческий дом, грузинских дворишков на Садовом кольце, Остоженке или Новом Арбате.

Декоративная сторона этничности повлекла за собой и более серьезные формы саморепрезентации. Мода на этничность из подражания визуальному ряду городской жизни Запада превратилась в одну из форм этнокультурного само-

утверждения. Это требует ответа на вопрос, что стоит за этнической саморепрезентацией, какие формы она принимает и какие цели преследует? Из бесед и интервью с представителями этнических меньшинств проявилось, как минимум, четыре ключевые формы публичного проявления этничности. Они выражают попытки интеграции этнических меньшинств в московскую среду, их «одомашнивания» и одновременно дистанцирования от культуры большинства для сохранения или переосмысления своей прежней, домосковской идентичности и придания ей новых жизненных импульсов.

I. Этническая традиция как способ видения окружающего мира и система знаний о себе

Условно это направление этнической саморепрезентации разделяется на два течения. Мэйнстрим представляет «*фольклорная*» традиция, сведение саморепрезентации к народному творчеству, обычаям и национальным или религиозным праздникам. Ответвления представляет «*нонконформизм*», усматривающий в культуре своего народа истоки миропонимания как концепции собственной жизни и отношений с другими.

Фольклорная традиция – самое очевидное и понятное направление визуализации этнокультурного разнообразия, настолько освоенное в советские годы, что представление о «национальных по форме, но социалистических по содержанию» культурах практически заместило знание о них. Наслаждение яркой формой и удовлетворение потребности в необычном, собственно, и стало восприниматься как культурное разнообразие и культурное богатство.

Поддержание угасающих в городских условиях народных обычаев является самым простым, позитивным и понятным способом этнической саморепре-

⁸ Рестораны европейской кухни не стоит принимать в расчет, поскольку их возникновение было символом вестернизации, обозначавшим стремление к новому образу жизни, ее новому качеству и новым стандартам, а не этническим традициям.

зентации. Данью такому подходу стало не только проведение многочисленных фестивалей, праздников, концертов и выставок, воспринимаемых с разной долей интереса, но и создание Московского дома национальностей в 1998 году в качестве места, где свободно могут реализовывать свои национально-культурные потребности представители всех национальностей Москвы. Предполагалось, что Дом будет площадкой межэтнических контактов и открытого диалога большинства и меньшинств, но практика оказалась гораздо уже поставленных задач. Дом не стал инструментом развития гражданского общества и согласования интересов разных групп населения. Туда нельзя прийти «с улицы» со своими проблемами, рассчитывая на юридическую, гражданскую или экономическую поддержку. Он скорее выполняет функцию легитимации деятельности этнических элит, сотрудничающих с городскими властями, а также служит местом проведения разного рода культурных мероприятий, семинаров и «круглых столов», не имеющих широкого резонанса ни в структурах власти, ни в обществе.

Если говорить о визуализации фольклорной традиции и ее значимости для представления культурного разнообразия в Москве, то следует признать, что этнические символы русской культуры доминируют и в количественном, и в качественном отношении. С одной стороны, русские составляют более 80% населения города, и было бы странно, если бы их преобладание не находило выражения в его визуальной палитре. С другой – русская культура давно завоевала свое место среди мировых культур, имеет универсальное значение и не нуждается в самоутверждении через широкое тиражирование этнических символов.

Самым фантастическим местом в Москве по выразительности фольклорной саморепрезентации является Измайлово, где в одну точку сходятся Вернисаж, оформленный в пряничном стиле «царства славного Салтана» и на-

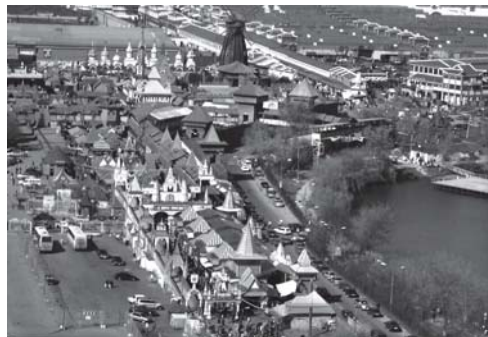

Рис. 3 Измайловский «Вернисаж» и Черкизовский рынок

зываемый в отчетах мэрии «Русским подворьем», и китайские рынки с их китайской торговлей и китайскими павильонами (рис. 3). Визуальное «склеивание» этнических образов двух культур обретает здесь метафорическое значение и геополитический смысл соседства и противостояния двух миров. Такое можно увидеть только на берегах Амра, разделяющего китайский Хэйхэ и российский Благовещенск. Помимо воли московских властей, следующих в фарватере рыночной самоорганизации, возник образ, репрезентирующий страну в целом.

Нонконформистское направление визуализации народной традиции отличается от официально фольклорного прежде всего своей самостоятельностью, авангардистской направленностью, использованием новых художественных средств, обращением к современному переосмыслению прошлого, к существенной интерпретации этнического самосознания. Формальной, декоративной стороне национальной культуры также отводится важная роль, но образцы выбираются хотя и узнаваемые, но не затертые до дыр. Здесь существует свое массовое и индивидуалистическое течение.

Массовое связано с реальным публичным празднованием народных праздников. Потребность в таком участии испытывает лишь незначительная часть населения, большинство довольствуется театрализованными представлениями, возможностью воспользоваться «ус-

Рис. 4 Празднование Масленицы. Подмосковье, 2006 год

лугой» по поддержанию обычаев. Например, Масленица, которая все шире отмечается в Москве. Русский антураж, русские красавицы, песни и балалайки, роли расписаны за актерами, а население выступает в качестве зрителей и потребителей, выстаиваясь в длинные очереди за блинами. В отличие от официальной Масленицы, ее неофициальная сестра отправляется за город, где подготовка к празднику начинается задолго до назначенной даты. Ежегодно в таких самодеятельных действиях участвует по несколько тысяч человек (рис. 4). Также отмечается и Курбан-байрам.

Индивидуалистическое направление этнической репрезентации связано с публичным самовыражением артистических натур, организацией перформансов, выставок, созданием фильмов, не имеющих проката, но запускаемых в интеллектуальный оборот культурной жизни столицы.

Нара Золян – армянская художница, работающая в Москве. *«Мои работы – это история Армении после блокадного периода, когда шла война, не было света, не было газа, вырубались деревья и т.д. Вот эта вся история была представлена в письменности, текст и одновременно глиняные фигуры, из которых можно выкладывать целые предложения и таким образом вовлекать русского зрителя в иноязычную, инокультурную проблематику. ... В Москве – это способ не быть чужим, разделить свои проблемы с другими, стать им более родным».*

Сергей Братков – один из признанных фотохудожников России, перебрался в Москву с Украины в 2001 году. Для него этническая саморепрезентация – это сохранение аналитического духа русского искусства, а не национальные костюмы или православие. С его точки зрения, Москва – это не сердце Святой Руси, а *«памятник сталинской архитектуры. ВДНХ – квинтэссенция ее духа, самое мощное энергетическое место, помимо Красной площади – усыпальницы».* И Зураб Церетели, грузин по национальности, лучше других воплотил русскую традицию постсоветского времени, особенно его скульптуры в Зоопарке, *«нелепые и китчевые, где гора зверей и звери похожи на людей».* То ли звери как люди, то ли люди как звери.

II. Конструирование этничности

Конструирование этничности – это своеобразная реакция на запрос глобализирующегося мира, способ выделиться из общего ряда, определить свою индивидуальность. Оно далеко не всегда зависит от этнической принадлежности и начинается с осознания, что багаж специфических этнических знаний может быть использован как дополнительный козырь в саморазвитии, карьерном росте или продвижении бизнеса. Этническая еда, одежда, манера поведения и прочее инструментализируются и становятся средством достижения социальных, а не этнических целей.

Этническая кухня – одна из важнейших составляющих традиции и одновременно источник вдохновения кулинарного творчества, рассматриваемого как искусство жить. Москва подхватила вирус моды на этническую кухню в самом ее разгаре. По данным Федерации рестораторов и отельеров, среди 3,5 тыс. московских ресторанов более половины имеет выраженный этнический акцент. В меню большинства московских ресторанов входят этнические блюда, иногда в самых парадоксальных сочетаниях. Среди наиболее популярных москов-

ских ресторанов лидируют итальянские – 18,5% посетителей, русские – 15,7, японские – 10,8, китайские – 9,2 и французские – 9,2%⁹.

Однако востребованность этнической кухни в российской столице сталкивается с отсутствием «национальных кадров», необходимых для создания аутентичных заведений. Поэтому московские этнические рестораны не вырастают из этнического бизнеса, а конструируются их хозяевами в соответствии с личными вкусами и конъюнктурой рынка, а этнический выбор нередко подвержен влиянию случайных факторов. Так, маленькая империя Аркадия Новикова включает в себя 45 ресторанов, представляющих 18 разных национальных кухонь, а русская, французская, японская и узбекская кухня являются сетевыми проектами (рестораны «Елки-палки», «Делис-кафе», «Япона-мама», «Суши весла», «Киш-миш»). Олег Шейхаметов, владелец сети ресторанов «Якитория», последовательно открывал рестораны «Фудзи», «Навруз» (узбекская кухня), «Кармель» (еврейская кухня).

Хотя львиная доля этнических заведений в Москве, обставленных со скрупулезностью этнографического музея, – это скорее визуализация мирового культурного многообразия, чем этническая саморепрезентация, они успешно выполняют репрезентативные функции. Мотивом, приводящим людей в этнический ресторан, является не только желание поесть, но и любопытство.

Аутентичные этнические рестораны в Москве тоже есть, но они скромны и совсем не выделяются дизайном. Так, среди 250 китайских ресторанов порядка 30 действительно соответствуют канонам китайской кухни, среди множества японских – два. Настоящие китайские, узбекские или азербайджанские харчевни можно найти на рынках в укромных павильонах или забегаловках вблизи метро. Армянские и грузинские

рестораны гораздо лучше приспособлены к московской жизни, они представляют определенную смесь декоративного подхода и настоящей кухни. И все же, выходя из узкой сферы обслуживания «своих» и расширяя бизнес, этнические рестораны и магазины вынуждены заниматься рекламой, основанной на саморепрезентации. Это самый легкий способ стать узнаваемым и выделиться из окружения. К этому нехитрому приему прибегают даже те, кто и не связывал свой жизненный путь с этнической идентичностью и стремился ее преодолеть.

Например, Джива Поннучами, владелец магазинов «Индийские специи», закончил Университет дружбы народов. Еще во время учебы он искал возможность начать свой бизнес в России и вместе с друзьями открыл обычный продовольственный киоск в одном из корпусов университета, где торговал товарами повседневного спроса. Спустя год после окончания учебы Джива поехал в Лондон навестить родственников, где был поражен обилием магазинов, торговавших всем необходимым для национальной кухни. Поняв, что на этом можно неплохо зарабатывать, он стал строить свой бизнес на этническом базисе.

Реанимация этнической составляющей самосознания под влиянием обстоятельств жизни в Москве происходит и с артистическими личностями. Этническая часть их души, «спавшая» до поры до времени, была пробуждена вызовом социальной конкуренции, необходимостью доказывать свою состоятельность и потребностью в признании.

Алиса Хусаинова – юная татарская певица, исполняющая на ломаном татарском языке своеобразные композиции, замешанные на татарской фольклорной музыке и рэпе. *«Я родилась и выросла в Казани, но никогда не интересовалась ничем татарским, просто это было у ме-*

⁹ Рейтинг популярных ресторанов Москвы, ноябрь 2007 года
[<http://www.restorate.ru/?pkey1=000020004300001&yr=112007&cuisine=7#rest>].

ня «в крови». Конечно, я читала вывески магазинов на татарском языке, слушала музыку, но я даже язык татарский толком не знала. ... я никогда этим не увлекалась, не интересовалась, и все это было мне чуждо. Потом, в декабре 2002, я случайно познакомилась со своим мужем, а он москвич и жил всегда в Москве. Он, наоборот, из-за того, что он жил в отрыве от татарской культуры, ему мама прививала любовь к татарскому. Когда мы с ним познакомились, я сразу в него влюбилась, прямо тут же, в тот же день, и, чтобы он в меня тоже влюбился, я решила быстренько стать «татарской принцессой». Чтобы он не мог совсем устоять. ...первое, что я сделала, я перевела старую песню на татарский язык. Я позвонила своей маме в Казань. Она программист, но у нее такой менталитет, что она может так трогательно писать наивные стихи. Мне мама написала текст. Я ей говорила тему и лексику, чтобы там были слова-аффиксы. Ну, чтобы корень был понятен и татарские аффиксы. Например, рубльлар, татарский суффикс «лар», мне очень нравится такое слияние. В общем, какого-то понятного слова, технического, с татарским окончанием. Это прямо-таки по-новому звучит».

Анжела Арсикей: «В Москве одна из первых моих работ – по удмуртскому национальному мифу. ... Несмотря на то, что я удмуртка и знаю удмуртский язык, я очень плохо знаю удмуртскую культуру. В советское время нам не преподавали ее, никакой литературы, никакой культуры. Даже просто в городе говорить по-удмуртски было стыдно, признаваться в том, что я удмуртка было очень сложно, просто невозможно в школьные и даже студенческие годы. Уже здесь, в Москве, я стала сознавать, что это что-то важное, что у меня есть, что это подлинное. Что нужно изучать это, а не стесняться или закрываться от этого».

Визуальная репрезентация сконструированной или открытой в себе этничности может иметь демонстративный характер. Наиболее безобидные формы связаны с желанием привлечь к себе внимание, выделиться из общего ряда. Элементы этнического костюма или декора, восточные или западные ткани, украшения, особый макияж дают прекрасную возможность для выражения своей особенности и индивидуальности. Однако демонстративная этничность может иметь и более драматический характер, принимать форму протеста, разрыва с культурой общества, группы или семьи, утверждения права на собственный выбор. Это особенно проявляется в случае обращения девушек в ислам и ношения ими принятой в исламской традиции одежды, что приравнивается к подвигу ради веры¹⁰.

Несмотря на то, что сконструированная этничность несет на себе печать искусственности, ее вклад в выстраивание межкультурного диалога огромен, думается, что много больше, чем надежной и проверенной временем этнической традиции. Возникающий новый этнический продукт современен, вызывает большой интерес, выходит за рамки набивших оскомину традиционных культурных стереотипов. Конструирование этничности отражает социальный процесс, который можно определить как этнический дрейф, ставящий социальную суть человека впереди его этнической принадлежности.

III. Институализация этничности

Данное направление этнической саморепрезентации связано с привнесением моральных норм, заложенных в этнической традиции, в различные социальные практики, с формированием собственных социальных институтов, касающихся воспитания и образования, заключения брачных союзов, соблюдения обрядовости, традиционной медициной,

¹⁰ Сабирова Г. Как стать и остаться мусульманкой: опыт разных поколений. Устная история и биография. Женский взгляд. Ред. Е.Ю. Мещеркина. М.: Невский простор, 2004. С. 191–220.

питанием, гражданской и политической жизнью, системой информационных и финансовых обменов, общинной поддержкой и благотворительностью.

Важнейшим этническим институтом является диаспора. Сегодня этот термин употребляется чрезвычайно широко, став жаргонным и практически отождествляясь с представлением об этнической группе. Известный российский политолог Р. Туровский пишет: «Обычно о диаспоре говорят применительно к народам, происходящим из зарубежных государств. В России расширили это понятие. Мы, например, говорим о чеченской диаспоре, хотя Чечня – это часть России. Если использовать это допущение, можно говорить обо всех народах, проживающих в Москве, кроме русских, как о диаспорах»¹¹.

Использовать такое допущение можно, поскольку важна не формальная сторона вопроса, а самоощущения людей, их вера в то, что они «чужаки» и никогда не будут приняты местным социумом. Но стоит уточнить, диаспора – это довольно структурированное сообщество¹², важнейшими признаками которого являются, во-первых, наличие миссии и скрепляющей группу идентичности, способность к ее устойчивому воспроизводству. Во-вторых, развитая система социальных и экономических связей, включая обмены информацией, капиталом, авторитетом, идеями, кадрами и прочее. В-третьих, сохранение отношений с «родиной» – постоянным источником поддержания и укрепления идентичности, материальным подтверждением мифов коллективной памяти; лоббирование интересов «своей» нации и поддержка реализуемых «дома» проектов.

Во второй половине XX века диаспоры стали почти исчезающим феноменом, тем не менее процессы экономической глобализации и резкая

интенсификация миграций воскресили их. Во многих отношениях диаспора как организационная структура оказалась устойчивей, чем государство. С точки зрения идентичности она способна конкурировать с нацией, но в отличие от последней не имеет жесткой территориальной привязки, опираясь на социальные и экономические сети. До определенной степени это объясняет кризис государств, раскалывающихся на составные части, и возрождение диаспор в условиях глобализации, предполагающей доминирование сетевых отношений. Однако это не значит, что маятник не может качнуться в другую сторону и что государство не способно к изменчивости и саморазвитию.

Не стоит также ставить знак равенства между диаспорой и этническим анклавом. Сетевой принцип организации диаспоры препятствует анклавизации и выстраиванию жесткой иерархии. Диаспора предполагает ячеистую территориальную структуру с множеством центров культурной, экономической или общественной жизни, часто не совпадающих и иерархически независимых. Конечно, отдельные этнические сообщества, замыкающиеся в территориальные общины, могут входить в диаспору, но диаспора будет содействовать росту социальной и территориальной мобильности членов оукленной группы и, в конечном итоге, ее разрушению. В целом, «диаспора» и «мобильность» – это две стороны одной медали. Но и этнические анклавы демонстрируют способность к выживанию за счет притока новых мигрантов.

Как всякий сложный социальный организм диаспоры имеют свои позитивные и негативные проявления. Они вносят огромный вклад в накопление капитала культурного разнообразия, без эффективной политической и финансовой поддержки со стороны диа-

¹¹ Туровский Р. Принесенные ветром // Политический журнал. 2005. 12 сентября. № 80.

¹² Тшиков В.А. Теория и политика диаспоры / Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. Гл. XIII. М.: Наука, 2003. С. 435–490.

спор многие социальные и культурные проекты не были бы никогда реализованы. В то же время создаваемые диаспорой сети используются не только в благих, но и в криминальных целях. Организованная преступность также находит себе место под ее сенью и жертвует значительные средства на благотворительность¹³.

И все же диаспора – это не Коза Ностра и не Аль-Каида. Основная цель диаспоры – не обогащение и не борьба с политическими режимами, а сохранение и развитие своего народа, подготовка его культурного и политического возрождения, повышение мировой значимости и, в конечном итоге, служение покинутой родине. Такая высокая миссия и позволяет интегрировать всех членов диаспоры независимо от их происхождения, материального положения и межгрупповых противоречий.

Диаспору нельзя смешивать и с институтами гражданского общества, которые действуют от лица группы, но в интересах всех. Диаспора действует только в своих интересах, которые могут как совпадать, так и расходиться с интересами общества в целом. Главным критерием оценки социальных и политических событий с точки зрения диаспоры является то, как они отразятся на ее жизни или на жизни исторической родины.

Диаспора заинтересована в интеграции с принимающим сообществом, поскольку это дает дополнительные возможности саморазвития, в том числе и за счет коррумпирования власти, но не в ассимиляции. Это предопределяет непростые отношения между диаспорой и властными структурами на всех уровнях, требующие постоянного согласования различающихся интересов, в том числе и в сфере этнокультурной политики.

Несмотря на широкое использование и даже демонизацию термина «диаспо-

ра» в применении к Москве, диаспор в столице пока нет, за исключением представительств старых мировых диаспор – китайской, еврейской, армянской, а также остатков испанской и греческой. Подтверждением этому служит развитость системы еврейских и армянских благотворительных организаций, ориентированных непосредственно на помощь людям, и практическое их отсутствие в случае других меньшинств. Большинство этнических благотворительных фондов, функционирующих в Москве, являются целевыми и служат для реализации конкретных проектов – строительство мечети, поддержание школы и пр.

Ближе всех к оформлению диаспоры стоят чеченцы, консолидированные в результате войны и сохраняющие надежду на обретение собственной государственности. Однако сложившейся сегодня чеченской общине еще нужно продемонстрировать свою способность противостоять интеграционным процессам, преодолев разногласия между сторонниками и противниками идеи чеченской независимости. Мобилизованное в результате катаклизма чеченское сообщество может оказаться не слишком устойчивым.

Наиболее многочисленные украинская и татарская «диаспоры» диаспорами в принципе не являются и могут в них превратиться только в результате каких-то невероятных насильственных действий в отношении украинцев или татар. Эти меньшинства являются такими же «коренными», как и русские москвичи, особенно если вспомнить, что Московия выросла из русско-татарского симбиоза. Рост интереса к этническим и религиозным традициям или раскол СССР вовсе не превращает украинцев и татар в диаспоры. Живя в Москве, они ощущают себя частью московского социума, а не народами,

¹³ К сожалению, данные об этнической преступности в Москве «закрыты» для квалифицированного анализа. Об этом много говорится, на попадающих в СМИ и некритично воспринятых цифрах строятся угрожающие прогнозы. В то же время эксперты указывают на то, что этническая составляющая преступности соответствует представленности этнических групп в населении. Трудно сказать, к какой точке зрения ближе истина. Все это требует детальных исследований.

оторванными от основной территории проживания, – диаспорой Украины или Татарстана.

В целом этнические группы в Москве не являются ни структурированными, ни хорошо организованными сообществами. В городе действует порядка сотни национальных общин, землячеств и культурных ассоциаций, но они слабо взаимодействуют и могут даже не знать друг о друге. По разным оценкам, реальное участие в их деятельности принимает не более 10–15% представителей этнических меньшинств, но это самые активные и заинтересованные люди, способные влиять на свое окружение.

Сложившаяся ситуация не означает, что в Москве не могут возникнуть «представительства» других диаспор или новые диаспоры. *Во-первых*, в столице функционально оформилась «диаспора гастарбайтеров»¹⁴ со своими отношениями, рекрутинговыми компаниями, «культурными центрами», местами решения проблем, оказания медицинских услуг, обучения детей, авторитетами и связями. Второе поколение, дети сегодняшних трудовых мигрантов, частично будут ассимилированы, а частично, по мере обретения средств для саморазвития и компенсации пережитого унижения, вполне могут вдохнуть жизнь в этническую диаспору. Не стоит забывать, что диаспора – это продукт элит, а не нижних страт мигрантских сообществ. *Во-вторых*, трудности вхождения в московское сообщество, высокомерие, отбраковывающее немосквичей от москвичей и нерусских от русских, рождает ответное высокомерие и утроенное желание этнического самоутверждения и реабилитации. *В-третьих*, в этнической среде достаточно образованных, энергичных и обеспеченных людей, способных стать авторитетными лидерами, выдвиг-

гающими новые инициативы и организующими социальную жизнь вокруг идей этнокультурного возрождения.

Сегодня в Москве можно наблюдать постепенную привязку этничности к социальным институтам, что также способствует формированию диаспор. В столице действует пять детских садов и 46 школ с этнокультурным компонентом (татарская, азербайджанская, грузинская, армянская, корейская, еврейская, таджикская, литовская и др.), финансируемых из городского бюджета, еще в 84 школах введены различные этнокультурные программы. Как правило, школы с этнокультурным компонентом поддерживаются представительствами соответствующих стран или субъектов РФ, обеспечивают языковыми пособиями, преподавателями – носителями языка, шефскими программами, экскурсионными поездками, компьютерами и оборудованием. За счет спонсорской поддержки их бюджетная обеспеченность выше, чем в обычных городских школах. Лучшие выпускники, как в случае корейской, еврейской и литовской школ, имеют возможность поступления в университеты соответствующих стран. Кроме этого, в Москве действуют международные школы – британская, англо-американская, французская, итальянская, турецкая, израильская, норвежская, немецкая, где преподавание ведется на иностранном языке в соответствии с образовательными стандартами этих стран. В международных школах могут учиться и российские дети, но на платной основе.

Создание этнокультурных школ в Москве – явление не новое. Перед войной в столице насчитывалось пять татарских средних школ, одна немецкая и пять неполных средних – еврейская, мордовская, латышская, английская и польская. Восемь из них были самостоятельными,

¹⁴ Дж. Армстронг обратил внимание на расплывчатость термина «диаспора» при описании форм этнической коллективности иммигрантов, на отсутствие таких важнейших параметров жизненной ситуации, как недостаточная грамотность, дистанция между «пролетариатом» диаспоры и мобилизованными этническими элитами, которые хотя и не имеют статусных привилегий, но зато могут пользоваться многими материальными и культурными преимуществами. Он же предложил ввести понятие «диаспора пролетариата» (*Armsrtong J. Mobilized and Proletarian Diaspora's // American Political Science Review. 1976. Vol. 70. № 2. С. 393–408.*)

а три – отделениями при русских школах. Кроме того, имелось девять отдельных классов при русских школах: ассирийские, цыганские, татарские. Все это было данью росту национального самосознания, ликвидации безграмотности и проводимой национальной политики. Целью этих школ было не сохранение национальных языков и культур, а обучение русскому. Во время войны национальные школы в Москве были закрыты и после уже не открывались.

Новая волна создания национальных школ начала подниматься в конце 1980-х годов. Первой ласточкой стала мини-школа для ста армянских детей, проходивших реабилитацию в Москве после Спитакского землетрясения в 1988–1989 годах. Потом дети разъехались, а структура осталась и первое время функционировала как армянская воскресная школа. Стремление к сохранению заставило трансформировать армянский центр в «поликультурный». Представители любого народа, живущие в Москве, имели возможность организовать здесь свои курсы. В 1989 году была открыта грузинская гимназия. Ее основатель академик Ш. Амонашвили полагал, что, «предоставляя разным национальностям возможность сохранять свою культуру, в частности язык, в том числе на уровне школы, власти снимают межэтническое напряжение. В противном случае неизбежны конфликты». После распада СССР в 1991 году началась цепная реакция создания национальных школ, ядра которых были заложены в поликультурном центре, а сам центр преобразовался в государственную экспериментальную школу с углубленным изучением языков, истории и культуры разных народов. Оформившиеся в 1991–1994 годах

этнокультурные школы были поддержаны ЮНЕСКО в рамках программы «Развитие национальной школы», что резко повысило их статус.

По словам Л. Кезиной, до недавнего прошлого руководителя Департамента образования правительства Москвы, «это школы не национальные, а имеющие этнокультурный компонент. Открывает их департамент образования по просьбе различных национальных общин или культурных центров. Дети 120 национальностей, которые в них учатся, родились и живут в Москве. Мы обязаны дать им возможность учить свой родной язык. При этом часто дети, изучающие родной язык, начинали потом учить ему и своих родителей. Это уникальное явление»¹⁵. Положим, это явление совсем не уникальное, образование детей в образовании родителей играет огромную роль, поскольку родители заново «поступают» в школу со своими детьми, но гораздо ответственней относятся к изучаемым предметам. Да и употребление эвфемизма «этнокультурный компонент» затушевывает процесс межэтнического размежевания на ранних этапах социализации детей. Проблема эта пока слабо осознана на уровне лиц, принимающих решения. Об этом свидетельствует тот факт, что в Москве среди школ с этнокультурным компонентом 23 – русские! «Сделали мы это потому, что наши ребята не знают своих традиций, плохо ориентируются в вопросах культуры, православной религии», – говорит Л. Кезина¹⁶.

Этнокультурные школы позиционируются как русско-этнические и по идее теоретиков школьного образования должны способствовать формированию «бикультурной личности»¹⁷. Предполагается, что учеба в таких школах

¹⁵ Как по-татарски «мама»? // Труд. 2006. 12 мая. № 83.

¹⁶ Могут ли дети разных народов учиться в Москве на родном языке. Совет экспертов // Российская газета. 2005. 28 июня. № 3806.

¹⁷ Согласно Концепции национальной образовательной политики РФ, «бикультурность – это состояние одновременного и полноценного владения двумя культурами. Возникает в социокультурном, образовательном пространстве России как результат взаимодействия родной и неродной культур (русской и культуры другого этноса), может включать в себя двуязычие (билингвизм)».

позволяет лучше узнавать «другую» культуру, сравнивать и критически осмысливать ценности каждой из культур и в итоге формировать свою собственную культурную идентичность.

Однако «бикультурный», «билингвальный» или «поликультурный» подход «с использованием принципов диалога культур» – не более чем красивые формулы на бумаге, поскольку они оставляют без ответа вопрос об интеграции различающихся культурных смыслов и ценностей в процессе школьного образования. Надежды на их автоматическое «срастание» в результате совместного обучения вряд ли оправданы. По сути, этнокультурные школы предлагают подросткам раздвоенную модель мира, с одними правилами в московской русскоязычной среде и с другими – в семье и своей этнической группе. Первое требует значительной модернизации и пересмотра системы взглядов. Дети начинают стыдиться своих недостаточно современных родителей. Второе предполагает следование традиции. Очевидно, что возникает раздвоение личности, провоцирующее кризис идентичности, который подталкивает человека не к бикультурности, а к определенности и выбору одной из составляющей.

«Двойные» школы довольно быстро утрачивают свой смешанный характер, дрейфуя в сторону этнической составляющей. В большинстве бикультурных школ не решен ключевой вопрос, касающийся иерархической структуры формирующейся системы ценностей. Однако он не решен и на уровне Концепции национальной образовательной политики РФ (2006). В документе можно прочесть, что «к приоритетам такой политики принадлежат – удовлетворение этнокультурных и языковых образовательных потребностей народов России в сопряжении с сохранением единства федерального культурного, образовательного и духовного пространства, консолидация многонационального народа России в единую политическую нацию, формирование

в корреляции с этнической самоидентификацией общероссийского гражданского сознания». Думается, что все должно быть наоборот: если мы заботимся о целостности страны, то приоритетом такой политики должно быть сохранение «единства федерального культурного, образовательного и духовного пространства, консолидация многонационального народа России в единую политическую нацию», сохраняя и расширяя при этом «возможности удовлетворения этнокультурных и языковых образовательных потребностей».

В результате бикультурная школа рассматривается как завоевание этнического меньшинства, как его выделенное социальное пространство, своя территория. Поэтому крайне тяжело, несмотря на все декларации, добиться, чтобы ученики признали приоритет общих интересов над интересами своей этнической группы. Одно дело, когда школа учит детей языкам и культурам разных народов, поскольку это соответствует интересам страны и среди ее граждан есть люди, которые по культурным причинам мотивированы к их изучению, и совсем другое дело, когда обучение ставит человека перед выбором: какой язык является для него основным и что важнее – гражданская или этническая принадлежность?

В итоге право основных этнических меньшинств в Москве учить своих детей родному языку реализовано. Этнические школы функционируют наравне с обычными. При этом цели их деятельности сформулированы с позиции этнических меньшинства, а последствия формирования «бикультурных личностей» не ясны. В национальных школах, сумевших завоевать себе репутацию, учатся дети второго, а то и третьего поколения этнических меньшинств, живущих в Москве. Это значит, что школы работают прежде всего на воспроизводство этнических элит и обслуживают интересы существующих или будущих диаспор.

IV. Фундаментализация этничности

Укрепление фундамента этничности происходит благодаря апелляции к религии или к какому-либо обширному культурному миру как к базису этнической общности. Это переводит стрелки межэтнических отношений на уровень цивилизационного выбора.

Реконструкция фундамента этничности может работать как «механизм включения», способствующий расширению узких рамок этнической принадлежности, и как «механизм исключения», позволяющий «делить овец на черных и белых», истинных и случайных представителей группы, фактически трансформируясь в фундаментализм. Хотя понятие фундаментализма срослось с исламом, это явление можно наблюдать в самых разных сферах жизни, далеких не только от ислама, но и от религии. Суть фундаментализма состоит в категоричном отказе от плюрализма, признании единственно верным только своего видения мира и способа жизни, отказе признавать изменения других и меняться самим. Оба механизма могут работать как в среде принимающего сообщества, так и в среде меньшинств.

Причин фундаментализации этничности довольно много, и они противоречивы. Прежде всего, современные сообщества мигрантов, нацеленные на модернизацию и изменение своего социального положения, все хуже отзываются на этнические аргументы как архаичные. Призывы к служению родине, которую они добровольно покинули в поисках заработков или лучшей доли, тоже не вызывают энтузиазма. Да и само понятие «родины» уже во втором поколении утрачивает свой первоначальный смысл, превращаясь в далекую и малознакомую «землю предков». Изменившиеся реалии отняли у этнических лидеров такой мощный мобилизационный стимул, как «изгнание». В подавляющем большинстве случаев мигранты не только сами выбирают, куда им «бежать», но и имеют возможность вернуться домой и убедиться, что

репатрироваться им не хочется. Скорее возникает проблема «неприкаянности», когда люди не ощущают себя ни достаточно интегрированными в новое сообщество, ни достаточно связанными со старым. И вот здесь на помощь приходит религия, культурная или территориальная общность, ощущение себя православным, мусульманином, евразийцем, европейцем, африканцем, латиноамериканцем, русским, как все эмигранты из бывшего СССР, или кем-нибудь еще. Через религию или «свой» культурный мир представители этнической группы «включаются» в важнейшие мировые процессы, как в прошлом, так и в настоящем. Выход за узкие рамки этнической принадлежности позволяет легче выстраивать стратегии личного успеха и адаптироваться в разных жизненных ситуациях, опираясь на более широкий фронт поддержки, не только моральной, но и материальной, обращаясь в различные благотворительные фонды.

Иные причины привязки этничности к религии связаны со стремлением защитить себя от давления глобализации. Архаизация этничности, возврат к отжившим социальным практикам позволяют спрятаться за традицию как единственно возможный и оправданный многими поколениями способ жизни, предопределяющий свой особый путь и свое особое место в истории. Религия, в первую очередь такая, как ислам или иудаизм, расписывающая правила жизни человека, становится законом, соблюдение которого жестко требуется от представителей группы, если они хотят сохраниться как народ. Но и в христианстве крайне сильны интенции к морализаторству и фундаментализму, позволяющие использовать религиозные заповеди как этико-моральный код современной жизни. Между этносом и вероисповеданием ставится знак равенства, исключая иной выбор, вроде «православие – основа формирования русской нации». Такая постановка вопроса приводит к резкому сужению гра-

ниц этноса, поскольку его членам надо обладать чистотой этнической принадлежности, веры и помыслов.

Третья причина фундаментализации этничности – это стремление дистанцироваться от «включающей» общности, что требует легитимных оснований. Эту функцию лучше всего выполняют культурные аргументы, доказывающие принадлежность этнической группы к иному культурному миру. Положение насильно удерживаемого позволяет выдвигать разного рода требования – от получения отдельных привилегий до создания собственной государственности.

Репрезентация этничности через религиозные символы, идеи и традиции как масштабный проект реализовалась в Москве только в случае демонстрации единства русской нации и православия. Русской православной церкви отведена роль высшего морального арбитра, ее авторитет используется для создания позитивного образа власти, разделяющей христианские ценности. Первые лица государства публично демонстрируют свое религиозное усердие, телевидение транслирует встречи президента с иерархами Церкви, и все эти образы как бы ненавязчиво подтверждают значимость религии как фундамента «русской идеи» и «русскость» российской власти – правопреемницы российской государственности.

Стремясь к объединению общества на религиозной платформе, государство прибегает к наиболее эффективным инструментам воздействия – телевидению и школьному образованию. На протяжении всех 2000-х годов в столице ведется активная дискуссия о необходимости преподавания в общедоступной школе предмета, связанного с религией. Конкурируют две основные формы представления знаний. Первая – «Основы православной религии» – ориентирована на большинство и обретает в силу этого этнический характер, хотя «право-

славные» и не обязательно «русские». Предполагается, что предмет будет способствовать морализации общества и претендует на воспитание патриотических чувств у молодого поколения. Вторая концепция – просветительская и связана с изучением «Истории мировых религий». Она имеет светский характер, не несет «воспитательной» функции, поэтому менее популярна у идеологов «русской идеи» как интегрирующей платформы государства.

Несмотря на то, что население города в целом разделяет идею введения «Основ православной культуры» в качестве факультативного предмета в школе и даже полагает, что лучшими учителями будут священники, московские власти не торопятся с ее реализацией¹⁸. «Основы православия» были введены только в школах с русским этнокомпонентом. Дискуссия, развернувшаяся в обществе вокруг этого спорного предмета, вызвала не только острую критику со стороны представителей других российских конфессий и лидеров этнических республик в составе РФ, но и симметричный ответ – разработку школьного курса «Основы мусульманской культуры».

Фундаментализация этничности выразилась и в фактическом наложении запрета на критику Церкви. Проявлением этого стал скандал вокруг выставки «Осторожно, религия», проходившей в Москве в январе 2003 года. Целью организаторов выставки было привлечь внимание к коммерциализации Церкви, ее альянсу с властью и нередко лицемерию. Выставка была разгромлена, ее организаторы обвинены в разжигании межнациональной розни, а участники погрома оправданы как защитники России и православия. В искусствоведческой экспертизе выставленных экспонатов, проведенной по требованию суда, подчеркивалось, что «Русская православная церковь является исторической

¹⁸ Основы православной культуры введены в учебные программы в 20 регионах страны, а в двух – Белгородской и Брянской областях – являются обязательным предметом.

и социальной реальией, имеющей фундаментальное нациообразующее, социообразующее и государствообразующее значение на всей огромной территории Российского государства на протяжении всей истории его существования. Поэтому негативные и уничижительные характеристики, высказываемые по отношению к ней, входят в конфликтное противодействие со всей совокупностью традиционных и сакральных устоев, на которых созидалась история Российского государства, формировалось национальное самосознание русских и других православных народов России»¹⁹.

Несмотря на доминирование в городе русской репрезентации через православие, наибольшее внимание к себе со стороны общества и СМИ привлекает ислам. В Москве проживает порядка миллиона человек, являющихся представителями 22 народов, исповедующих ислам. Верующими мусульманами считают себя 4% населения города, что втрое меньше потенциально возможной исламской общины Москвы, исходя из численности населения. Но и среди тех, кто считает себя верующим, действительно практикующих не более 10%. Следовательно, в случае ислама, как и в случае православия, религиозные предписания воспринимаются как часть этнокультурной традиции, а не как образ жизни.

В Москве действуют сегодня четыре основные мечети: Московская Соборная мечеть на Проспекте Мира, Историческая мечеть на Большой Татарской улице, Мемориальная мечеть на Поклонной горе и мечеть «Ярдан» в Отрадном, объединяющая суннитский и шиитский храмовые комплексы²⁰, и порядка 40 религиозных общин. Помимо мечетных институтов в Москве представлены и другие конфессиональ-

ные, этнокультурные и исследовательские структуры, открылись мусульманский роддом и стоматология, салоны красоты, магазины женской одежды, кафе и рестораны, где не подают свинину и алкоголь. Халяльная (приготовленная в соответствии с мусульманскими нормами) продукция продается в киосках при мечетях, в двух крупных сетях супермаркетов и 30 торговых точках. В 2008 году должна начать функционировать сеть из 40 халяльных мини-маркетов. Однако исламские нормы далеко не всегда строго соблюдаются, а прилагательное «халяльный» используется в маркетинговых целях. По распоряжению Совета муфтиев в начале января 2008 года была проведена проверка полусотни халяльных кафе и ресторанов, которая показала, что там, также как и везде, курят и подают спиртное, к тому же и мясо частенько бывает «неизвестного происхождения». Кроме магазинов и сетей питания, в Москве работают турфирмы, обеспечивающие отправку мусульман в Мекку, открыты кадровые, брачные и ритуальные агентства, адвокатские бюро, издательства, правозащитные организации.

В отличие от православия, апеллирующего к истокам русской нации и этническим корням, ислам в Москве позиционирует себя как умеренное, публичное и современное религиозное течение, нацеленное в будущее. Яркий пример Бутово, где Марат Алимов, уроженец Москвы, имеющий высшее образование и закончивший уже в постсоветское время исламский институт в Катаре, организовал исламскую общину «Милость». Он мечтает объединить этнически пестрое и разрозненное сообщество мусульман. *«Я знаю, что у вас сейчас на уме. Но я не говорю о традиционном исламе, не надо об этом писать. Потому что традиционный ислам – это эпоха*

¹⁹ Заключение экспертов по уголовному делу № 4616. Музей и общественный центр «Прогресс и права человека» им. А.Д. Сахарова, 2003 [<http://www.sakharov-center.ru/news/2003/>].

²⁰ Религиозный центр в Отрадном задуман и реализован как комплекс мировых религий. В одном месте собраны православный храм с часовней, две мечети и синагога. В 2008 году начнется строительство буддистского храма, совмещенного с культурным центром.

первобытного человека. А у нас умеренный ислам, мы обычные люди, такие же, как все. ... Цель нашей организации – не только детские сады. Мы помогаем не только мусульманам. Собираем помощь для приютов, для интернатов – одежду, старые компьютеры. Мы не пиаримся. Вот это можно записать. Мечтаем культурный центр в Бутове построить. ... Культурный центр должен вмещать под одну крышу мечеть, воскресную школу, халяль-магазин без спиртных напитков, но с низкими ценами. ... Там будет и досуговый центр, и Интернет, и ресторан халяльный. ... Также должен быть свой кинотеатр для мусульман, театр мусульманский, конференц-зал и мусульманская гостиница – хорошая, пятизвездочная, где могли бы располагаться SPA-салоны, салоны красоты. Отдельно для женщин и отдельно для мужчин. Фитнес – только для женщин. Бассейн – только для женщин и только для мужчин. И обязательно медресе, среднее религиозное образование, воскресная школа и филиал московского исламского университета. Со своим общежитием, со своим пансионом»²¹.

Такая масштабная программа деятельности может и толковаться, и использоваться по-разному. С одной стороны, ислам привлекается как способ преодоления этнической ограниченности, форма интеграции этнических мусульман в московский социум, но с сохранением своих отличительных особенностей. С другой стороны, явно просматриваются черты ядра будущей диаспоральной структуры.

Третья мировая религия – иудаизм – также имеет свою длительную историю в Москве. Наиболее известная московская хоральная синагога в Большом Спасоглинищевском переулке была открыта еще в 1891 году. Кроме нее действуют Мемориальная синагога на Поклонной горе, где открыт Музей холокоста, общинный центр Хабада, включающий синагогу, и историческая

синагога на Большой Бронной. Для еврейской общины вопрос фундаментализации этничности не стоит, поскольку иудаизм изначально является основной чертой еврейской самоидентификации. Московские евреи, численность которых втрое сократилась за постсоветские годы, находятся «под патронажем» еврейской диаспоры и сами активно принимают участие в ее деятельности. Московские раввины, популяризирующие еврейские праздники и традиции (так, Ханука отмечается в Кремле), в то же время пропагандируют основные ценности демократического общества и поддерживают правозащитников.

Есть в Москве и свои язычники. В поисках краеугольного камня фундамента этнической идентичности они ушли в дохристианскую глубь веков, где, видимо, и нашли самые незамутненные источники русской традиции. Свою веру неоязычники называют «язычеством», «ведической верой», «родянством», «родноверием», «исконной традицией», «поконом», «природной верой», «родовой верой». Практически во всех московских лесопарковых зонах существуют свои капища. Если по Битцевскому лесопарку, Лосиному острову или Царицыно прогуляться после летнего Ивана Купалы (7 июля) или зимней Коляды (25 декабря), то в глаза бросятся свежие кострища, разноцветные ленточки на деревьях, зерна пшеницы и цветы, принесенные в жертву духам леса. Хотя язычники почти не занимаются миссионерством, на их красочные праздники-представления собираются тысячи. Язычники, как и представители официальных церквей, считают своих последователей миллионами, включая в их число всех тех, кто наряжает елки, оставляет водку и хлеб на могилах, гадает, стучит по дереву или плюет через правое плечо.

Судя по публикациям, лидеры язычников разделяют консервативные и ретроградные позиции примордиализма,

²¹ В Москве появились исламские кварталы // Комсомольская правда. 2007. 15 ноября.

не мысля этнос в отсутствии единства Земли и Крови. Будучи людьми образованными, неоязычники организовали в Москве шесть общин. Наиболее известные из них – «Круг языческих традиций», выступающий против расизма и национализма в языческом движении, и «Союз славянских общин Славянской родной веры», имеющий выраженную расистскую направленность.

Хотя неоязыческие объединения не особенно нуждаются в признании со стороны власти, активисты «Круга языческих традиций» сочли необходимым обратиться к президенту для легитимации своего статуса и к мэру Москвы для официального выделения места в городе для отправления религиозных нужд. Городские власти не рассматривают неоязычников как реальную силу, РПЦ также воспринимает их как маргинальное течение, хотя время от времени милиция совершает рейды, разрушая деревянных идолов и постройки на языческих капищах.

Неоязыческие союзы и властью, и населением воспринимаются скорее как игра, несмотря на откровенно националистическую риторику, и становятся все более популярными. Они впитывают в себя все самые модные социальные направления и движения – от экологических до социокультурных: феминизма, идей хиппи и свободной любви, музыки в стиле «этно», этнофутуризма, нью эйдж (new age), буддизма, индуизма, кришнаитства, ролевых игр и других. Язычество смыкается с фольклорной традицией, завершая круг этнических саморепрезентаций.

Культурное разнообразие versus этническое самоутверждение

Современная этнокультурная политика Москвы строится одновременно под влиянием устаревших советских представлений об объективном характере этничности и вполне современных страхов перед этнокультурным разнообразием, которое в любой момент может обер-

нуться этническими анклавами или конфликтами, с которыми не понятно, что делать. Поэтому принимаемые решения, имеющие далеко идущие последствия, находятся в русле удовлетворения этнических запросов меньшинств и актуализации этничности большинства в духе раздачи «всем сестрам по серьгам». Этнокультурные традиции сильно романтизированы и рассматриваются как жизнеспособная альтернатива глобализации. При этом этнокультурная деятельность направлена на подчеркивание самобытности и своеобразия, но никак не на сходство культур.

Побочным эффектом такой политики становится производство этнических элит в Москве и абсолютизация этнокультурных различий. Культурное равноправие трансформируется в равное право на этническое самоутверждение (этноцентризм), даже в тех случаях, когда для этого нет объективных предпосылок. Например, целенаправленные усилия по формированию татарской диаспоры в Москве являются явным политическим проектом, в реализации которого заинтересован Татарстан и группа националистически настроенных московских татарских элит, но никак не московские татары или Москва в целом. Этнокультурное размежевание усиливается социальным расслоением и имущественной сегрегацией, что неизбежно выливается в ослабление московской идентичности, которая могла бы смягчить существующие межэтнические противоречия и способствовать консолидации населения города.

Это серьезный вызов развитию Москвы, поскольку требует тонкой политики согласования интересов и взвешенных решений, направленных на интеграцию общества. Опыт управления культурным разнообразием, накопленный в предыдущий советский период развития и основанный на идеях многонациональности, становится малоприменимым, а имеющихся средств (инструментов, ресурсов) недостаточно для разрешения накопившихся противоречий.

Хотя мэр Москвы Ю. Лужков не устает повторять, что «многонациональность – это не проблема, а наше богатство», невольно возникает вопрос, а чего стоит это богатство, если мы не знаем, как им распорядиться? Если СМИ и общество рассматривают его как пороховую бочку, способную взорваться в любое время и полыхнуть, как в пригородах Парижа?

Сегодня все чаще высказывается точка зрения, что Москва – это русский город. Мигранты, если они ориентированы на долгосрочное пребывание в столице, «должны приспособиться к условиям жизни русского города, ... отказавшись от многих этнических и культурных атрибутов, дабы не выделяться среди жителей Москвы и не вызывать недоумения и недовольства»²².

Хотелось бы оспорить этот тезис. Москва – город космополитичный, претендующий на мировой статус, в котором русские составляют большинство населения. То, насколько российская столица сумеет реализовать свои претензии, зависит от русского большинства, от того, насколько оно будет способно оценить значительность аутсайдерских усилий меньшинств в создании новой оригинальной версии российской культуры. Этот путь от культуры меньшинства к признанной культуре большинства уже прошли совсем другие, не этнические меньшинства, а художественный, музыкальный и театральный андеграунд, который очень долго исключался из основного потока культурной жизни в советское время. (Можно привести и массу других примеров, но этот еще жив в памяти.) Потребовались серьезные изменения мировоззрения большинства, а не только правящих элит, чтобы андеграунд превратился в символ эпохи, доказывающий культурную продуктивность советского общества. Также и этнические меньшинства являются лакмусовой бу-

мажкой, выявляющей нашу сегодняшнюю способность к плюралистическому мировоззрению и саморазвитию.

Космополитичная природа Москвы и ее дрейф в открытое мировое пространство требуют изменчивости ото всех и по всем параметрам. Нужно не приспособливаться друг к другу – это задача минимум, – а стремиться к соответствию критериям современного гуманистического общества, хотя это и звучит как утопия. Другими словами, нужно отказаться от видения представителей иных народов через призму «потенциальной враждебности», изменить ракурс и перестать искажать реальность. Этнические группы и даже этнические меньшинства в Москве не представляют угрозы для большинства. Москва продолжает работать как огромный «плавильный котел» не потому, что это русский город (как раз акцентирование русскости затрудняет «плавку»), а в силу ассимилирующей роли городской культуры, меняющей и русских, и нерусских. Действенной в случае Москвы остается и модель мультикультурализма, оставляющая «воздух» традиционным культурам, собственную жизненную нишу и допускающая параллельное существование современного и архаичного миров. Важно только, чтобы архаичные представления и предрассудки не начали играть первую скрипку в обществе. В этом направлении и должна была бы работать этнокультурная политика, акцентирующая идеи культурного плюрализма. Подчеркну, что плюрализм означает не только то, что всего много, но и то, что все – вместе.

Капитал культурного разнообразия – это не эвфемизм или политкорректная форма признания неспособности справиться с активными миграционными процессами, это реальность современного мира, без которой немислимо дальнейшее успешное развитие горо-

²² Остепенко Л.В., Субботина И.А. Москва многонациональная. Старожилы и мигранты: вместе или рядом? М.: Российский университет дружбы народов, 2007. С. 351.

дов. Несколько утрируя, можно сказать, что сегодня оно опирается не на оседлый и добропорядочный средний класс, как было на протяжении всего послевоенного времени, а на миграцию, как это было в эпоху бурной урбанизации. Экономика всех нас вынуждает становиться в той или иной мере «мигрантами», разница между «мобильностью» и «миграцией» все больше стирается.

Наше будущее зависит от того, как мы сумеем распорядиться капиталом этнокультурного разнообразия, формирующимся сегодня. Думаю, что политика города должна быть направлена на выстраивание единой системы социализации молодых поколений и расширение доступности социальных лифтов, укрепление московской идентичности как основы общности людей, демонстрацию разветвленности и сцепления корней, питающих разные культуры, цикличности процессов этнокультурного развития и взаимодополнительности культур. Другими словами, вознакопившихся межэтнических и этнокультурных проблем сдвинет с места лишь

социальный привод, приводящий в действие механизм выработки общих интересов.

К сожалению, современная миграционная политика и практика поддержания этнокультурного разнообразия не предполагают плюрализма, наследуя советской управленческой традиции. Мы по-прежнему не в состоянии адекватно отвечать на вызовы все более усложняющегося общества, как и раньше, сильно желание остаться в рамках упрощенных управленческих схем, понятных и четких нормативов, чрезвычайно низкой остается восприимчивость к новым культурным практикам. Поэтому сохраняется высокий риск того, что незапланированные эффекты управленческих решений окажутся значимее предпринимаемых мер. Наблюдаемые сегодня позитивные процессы накопления капитала этнокультурного разнообразия связаны с самоорганизацией населения, а не с проводимой политикой, освоение инокультурных практик происходит не через школу и систему образования, а через повседневную жизнь и активизацию этнических саморепрезентаций.

Афганцы в Москве: интеграционный потенциал

Коротко об истории вопроса
Афганцы в России – одна из наиболее многочисленных и проблемных групп вынужденных мигрантов не из стран СНГ и Балтии. Приток афганцев в Россию начался практически сразу после вывода советских войск из Афганистана (февраль 1989 года). Массовый характер, по данным наших опросов, он приобрел после падения просоветского режима Наджибуллы (апрель 1992 года) и продолжался еще в 1994 году.

Первая и вторая волна афганской иммиграции – это в основном люди, близкие к свергнутому режиму, над которыми нависла смертельная опасность с приходом к власти талибов. Из интервью: *«Мы свою страну потеряли и вынуждены были ее покинуть, потому что мы вместе воевали и нас считали русскими»*. Они приезжали в Россию, надеясь получить здесь защиту и убежище.

Масштабы

Официального учета прибывающих в Россию афганцев не велось. Поэтому масштабы их присутствия можно оценить лишь приблизительно. По оценкам экспертов и лидеров афганских общин, это более 100 тыс. человек, из них в Москве – не менее 50 тыс. По данным МВД России, 80–100 тыс. человек. На встрече президента России с правозащитниками в декабре 2002 года говорилось о присутствии в России 150 тыс. «наших» афганцев¹. Данные последнего

*Татьяна Дмитриевна Иванова,
кандидат экономических наук,
старший научный сотрудник
Института народнохозяйственного
прогнозирования РАН*

¹ Встреча с президентом России Комиссии по правам человека (Стенографическая запись рассказа С.А. Ганнушкиной сделана по свежим впечатлениям 10.12.2002) // Вестник Форума. Москва, 2003. № 1–2, январь-февраль. С. 9.

экспертного опроса (2007 год) показали, что их численность на территории Российской Федерации снизилась до 50 тыс., из которых 15–20 тыс. проживают в Москве.

Эксперты отмечают, что *«в последнее время афганцы в Россию практически не приезжают, а если и приезжают, то их очень мало – это в основном экономические беженцы, так как социально-экономическая ситуация в Афганистане очень сложная и, к сожалению, не улучшается. В целом же большой волны афганской иммиграции в Россию нет»*. Эту тенденцию отметили и сами афганцы: *«Если сейчас афганцы и едут в Россию, то их очень мало, так как они знают, что здесь сложно, а практически невозможно получить правовой статус. И большинство из тех, кто решил покинуть свою страну, любыми способами стремятся перебраться на Запад»*.

Кто же они – афганцы?

Наши исследования, проведенные в разные годы, показали, что афганцы, бежавшие в Россию, – это элита, интеллектуальный слой афганского общества, многие окончили гражданские и военные вузы в СССР. Среди них немало врачей, учителей, юристов, экономистов, преподавателей вузов, бывших офицеров, инженерно-технических работников, деятелей науки и культуры (по разным опросам, от 45 до 70%).

Значительную часть афганской диаспоры составляют дети (от трети до половины). Многие из них родились уже в России, получили здесь образование. Среди взрослых основную часть составляют лица активных трудоспособных возрастов. Лиц предпенсионного и пенсионного возраста очень мало². По раз-

ным опросам, от трети до половины афганцев имеют высшее и незаконченное высшее образование³.

Большинство афганцев, проживающих в России, достаточно хорошо владеют русским языком, особенно среднее и молодое поколение. Хорошо знают и свободно владеют русским языком дети, которые учатся или уже окончили наши школы, колледжи и вузы. Многие из тех, кто не знал русского языка, за время проживания в России успели его выучить.

Демографический и трудовой потенциал присутствующих на территории России афганцев весьма высок. Поэтому нет никаких резонов игнорировать его, тем более что он уже адаптирован к условиям страны. Ведь вскоре «труд станет одним из самых дефицитных, если не самым дефицитным ресурсом»⁴.

Законодательство и правоприменительные практики

Россия, безусловно, несет политическую ответственность за судьбу афганских беженцев. Она не только косвенно признала это, в свое время беспрепятственно впуслав их на свою территорию, но и официально подтвердила свою приверженность международным принципам по защите лиц, ищущих убежище.

Как известно, в 1992 году Россия присоединилась к Конвенции ООН 1951 года о статусе беженцев и Протоколу к ней 1967 года в полном объеме. В 1993 году был принят Закон РФ «О беженцах», который впоследствии был переработан и в 1997 году принят в новой редакции. Рамки этого закона расширили возможности афганцев урегулировать свое правовое положение в России, так как в нем была прописана новая норма – «временное убежище».

² Иванова Т. Есть ли будущее в России у афганских беженцев // Отечественные записки. 2004. № 5 (20). С. 309; она же. Незаконные мигранты из Афганистана на территории России // Проблема незаконной миграции в России: реалии и поиск решений. Международная организация по миграции, Бюро МОМ в России. М.: Гендальф, 2004. С. 414–415.

³ Иванова Т.Д. Адаптация и расселение на территории России иностранных граждан и лиц без гражданства, получивших и претендующих на статус беженца // Миграционная ситуация в странах СНГ. Под ред. Ж.А. Зайончковской. М.: Центр изучения проблем вынужденной миграции в СНГ, 1999. С. 213; она же. Незаконные мигранты из Афганистана на территории России. С. 414.

⁴ Зайончковская Ж. Трудовая миграция // Отечественные записки. 2003. № 3. С. 178.

Несмотря на это и на многолетний стаж проживания в России, правовое положение подавляющего большинства афганских беженцев до сих пор не урегулировано. Не легализованы также их дети, родившиеся в России. Как отметила Ж. Зайончковская, «урегулирование правового статуса афганских беженцев – не одна из, а самая застарелая миграционная проблема России, которая тянется с 1989 года, момента вывода из Афганистана Советской Армии»⁵.

С 1997 года по состоянию на 1 мая 2007 года за получением статуса беженца обращались около 11 тыс. афганцев. Учитывались только те, кому удалось получить доступ к процедуре определения статуса беженца.

По данным ФМС России, с 1997 года на 1 мая 2007 года статус беженца получили всего 862 человека. При этом количество получивших статус беженца из года в год уменьшается: 195 человек в 1999 году (это был пик) и только 30 человек в 2006 году⁶. Для сравнения, на Украине статус беженца получили 2357 афганцев⁷.

Кроме того, в России ежегодно снижается общая численность афганских беженцев. Так, если в 1999 году состояло на учете 709 человек (это был пик), то на середину 2007 года – всего 236 человек⁸. Численность беженцев уменьшается в первую очередь за счет утраты статуса. В соответствии с п. 9 ст. 7 Федерального закона о беженцах статус предоставляется на три года и по истечении этого срока его действие чаще всего не продлевается. При этом указанная норма закона дает возможность такого продления, если сохраняются условия,

которые послужили причиной предоставления статуса. Однако афганцы, как правило, не знают об этом и покорно принимают решения миграционных органов.

Другая возможность состоит в получении права на временное убежище. Ст. 12 Закона о беженцах предлагает устойчивую правовую основу для этой практики. Институт временного убежища, на который афганцы возлагали большие надежды, в нашей стране не нашел должного использования. Так, с просьбой о предоставлении временного убежища с 2001 года на 1 мая 2007 года обратились 4738 человек, его получили 2244 человека, остались на учете всего 989 человек⁹.

Основное несоответствие практики действующему законодательству заключается в необоснованных устных отказах в процедуре определения статуса беженца. Другим нарушением является выдача «пререгистрационных номеров», которая довольно широко распространена в московском регионе. Это всего лишь номер очереди на интервью, от которого зависит, поставят мигрантов на процедуру или нет. Как показал опрос, в Москве афганцам приходится ждать по 2–3 года, и они в течение всего этого времени находятся вне правового поля под угрозой депортации или административных штрафов за незаконное пребывание. Процедуры, предусмотренные законодательством, не содержат положений о выдаче «пререгистрационного номера» либо организации каких бы то ни было очередей ожидания.

Представлялось, что Федеральный закон о правовом положении иностран-

⁵ Зайончковская Ж.А. Урегулирование правового положения афганских беженцев: пробный камень российской миграционной политики [<http://migrocenter.ru/science/science010.php>].

⁶ Статистические данные о предоставлении убежища иностранным гражданам и лицам без гражданства в Российской Федерации по состоянию на 01.05.2007 года // Федеральная миграционная служба, Управление по вопросам гражданства. Москва, 2007. С. 6.

⁷ Правовые и социальные условия для лиц, ищущих убежище, и беженцев в центрально- и восточноевропейских странах. Ред. Фабрис Лебо. Копенгаген: Датский совет по беженцам, 1999. С. 241.

⁸ Статистические данные о предоставлении убежища иностранным гражданам и лицам без гражданства в Российской Федерации по состоянию на 01.05.2007 года. С. 9.

⁹ Там же. С. 12, 14, 16.

ных граждан в РФ 2002 года, действующий в редакции 2006 года, позволил урегулировать правовой статус тех афганцев, которым отказано в праве на убежище. Однако процедуры, предусмотренные этим законом, оказались неприемлемы для большей части вынужденных мигрантов. Согласно нормам действующего иммиграционного законодательства, чтобы легализоваться в России, сначала надо выехать на родину, получить российскую визу, вернуться обратно, заполнив при возвращении миграционную карту, а затем уже хлопотать о выдаче разрешения на временное пребывание. В случае положительного решения через год можно ходатайствовать о предоставлении вида на жительство (ст. 8 указанного закона).

Многие афганцы уже прожили в России более 10 лет. Требование поездки домой для подавляющей части из них невыполнимо из-за опасности возвращения в свою страну. Таким образом, законодательно обозначенные способы легализации совершенно не соответствуют реальной ситуации, в которой оказались эти люди. Напомним, что большинство из них представлено беженцами по политическим причинам.

В результате в 2005 году имели разрешение на временное проживание всего 307 и вид на жительство – 484 гражданина Афганистана¹⁰.

Российское гражданство на начало 2006 года смогли получить 3349 граждан Афганистана, которые имели статус беженца или находились в браке с россиянами.

В целом упорядочили свое правовое положение около 7 тыс. человек, составляющие 5% от максимальной и 14% от минимальной оценки общего количества афганцев. Остальные живут примерно так: *«Милиция постоянно задерживает,*

приходится откупаться штрафами. На оплату штрафов уходит больше денег, чем остается на жизнь. Везде плачу – соержу не только свою семью, но и милицию, а у меня жена и четверо детей, младшие сын и дочь родились в России».

Неурегулированное положение большинства афганцев находится в вопиющем противоречии с задачей осуществления активной иммиграционной политики, которую ясно поставил президент РФ в своем выступлении на Совете безопасности в марте 2005 года.

Другой частью проблемы становится вопрос: в интересах ли России в условиях демографического кризиса избавляться от людей, уже достаточно адаптированных к нашему обществу? Очевидно, что это подрывает доверие к нашей стране и заставляет сомневаться, что при таком подходе к уже имеющемуся трудовому потенциалу мы сможем привлечь в Россию необходимое количество рабочей силы. У России пока еще есть шанс принять политическое решение по легализации афганцев, наших бывших союзников.

Исходя из того, что такое решение будет принято и большинство афганцев останется в России, очень важна оценка их интеграционного потенциала. Для этого было проведено целевое исследование, в котором использовались качественные методы анализа¹¹.

Интеграционный потенциал

Оценка интеграционного потенциала афганцев в местный социум проводилась на примере двух дифференцированных по возрасту фокус-групп с привлечением материалов экспертных углубленных интервью с государственными чиновниками, представителями общественных организаций, учеными

¹⁰ Сборник информационных материалов для проведения экспертного исследования по определению масштабов незаконной иммиграции на территории Российской Федерации. М.: Федеральная миграционная служба, 2006.

¹¹ Исследование проведено при поддержке Института Кеннана в рамках проекта «Социальноэкономическая жизнь и культурный ландшафт Москвы под влиянием этнических миграций» (2007). Руководитель проекта к.г.н. Ж.А. Зайончковская.

(4 эксперта) и неструктурированных интервью с афганцами («жизненные истории» – 2).

Участниками первой фокус-группы были 8 мужчин в возрасте от 45 лет, которые приехали в Россию после вывода советских войск из Афганистана и падения режима Наджибулы.

Вторая фокус-группа состояла из 8 молодых афганцев в возрасте до 23 лет, родившихся или выросших в Москве.

Молодежная группа в основном была представлена девушками, что не характерно для старшей группы, где участие женщин полностью исключено.

Участники обеих групп проживали в Москве примерно одинаковое количество лет с той разницей, что для молодежной группы это был период базовой, ранней социализации, а для старшей группы – период адаптации к новым условиям в результате вынужденной миграции.

Это прежде всего отражается в знании русского языка: афганцы старшего возраста говорят на нем без особых затруднений, но относительно неправильно и с заметным акцентом, несмотря на то, что многие из них учились в советских гражданских и военных учебных заведениях. Для афганской молодежи, судя по грамотности и чистоте речи, русский язык является родным.

Для того чтобы определить интеграционный потенциал афганцев в российский социум и обозначить точки торможения этого процесса как для менее, так и для более адаптированных выходцев из Афганистана, экспертам и участникам фокус-групп для обсуждения предлагались следующие сюжеты:

1. Какая самая большая трудность, с которой сталкиваются афганцы в Москве?

2. Как к ним относятся простые москвичи и власти?

3. Можно ли в Москве соблюдать свои обычаи и традиции?

4. Как бы они предпочли жить, если бы имели возможность выбирать: среди своих земляков или среди коренных жителей?

5. Как они относятся к межнациональным бракам?

6. Хотели бы они остаться в Москве, может ли она стать для них родным домом, есть ли у них будущее в России?

Социальный статус, социальная защищенность

Представители старшего поколения афганцев в качестве одной из трудностей своей жизни в Москве отмечают резкие изменения в их статусе и отношении к ним властей после развала Советского Союза: *«Если ранее власти нам уделяли определенное внимание, то в последнее десятилетие мы оказались предоставлены сами себе, без определенного статуса, нормального жилья и средств социальной поддержки»*. В их высказываниях заметна обида на Россию (СССР), которой они служили и которая их бросила на произвол судьбы: *«Мы свою страну потеряли именно благодаря дружбе с Советским Союзом. Подход к афганцам должен быть совсем другой. Мы не азербайджанцы или армяне, которые в любую минуту могут вернуться домой. Мы вынуждены были покинуть страну, потому что нас считали русскими... Вы каждый день теряете своих друзей. Сами бросаете нас в объятия Запада, а потом говорите: “Что Запад делает...” Вы теряете свои стратегические позиции в Афганистане, одним словом»*.

Основной сферой занятости для многих афганцев старшего поколения, их детей и жен (по утверждению представителей старшего поколения) является торговля на рынке: *«80% афганцев работают на рынке. В связи с новыми правилами торговли на рынках, как дальше жить тем афганцам, которые не имеют документов? Это надо исправить, необходимо выдать им документы, чтобы они спокойно ходили на работу, чтобы их не задерживали и не штрафовали»*.

Другая, связанная с этим трудность проживания в Москве представителей старшего поколения состоит в том, что *«в силу своего возраста»* многие из них *«уже не в состоянии работать на рынке,*

а социальная пенсия, которую удается оформить немногим, не превышает размера минимальной оплаты труда. У нас большие семьи, и на такие деньги не проживешь».

Надо отметить, что ряд трудностей, которые афганцы старшего поколения считают специфическими для них, являются проблемами, с которыми сталкивается большинство жителей России. Это необходимость неформальной платы за медицинские услуги, за образование детей, за устройство на конкурентные рабочие места, особенно в высокооплачиваемых сферах, невозможность улучшить свои жилищные условия.

Кроме того, у представителей старшего поколения прослеживается определенная потребность в том, чтобы власти рассматривали их не просто как граждан России, но как группу, нуждающуюся в особом социальном пакете: *«Лично я получил статус беженца в Москве и потом гражданство. В связи с этим я получил страховой полис и паспорт. Больше никакой социальной поддержки от государства нет: жилье, пенсия и льготы для учебы детей в школе и вузе я не получаю. А мы же являемся политическими беженцами. В других странах на политических беженцев есть отдельные пособия. В Законе РФ нет таких вещей, хотя он очень цивилизованный, на все вопросы можно найти ответ. Но нам очень трудно убедить тех, кто над этим работает, чтобы они обратили внимание и дали нам какое-то удовлетворение. Это самое главное для тех, кто болеет и уходит на пенсию».*

По данным экспертного опроса, *«основная и главная трудность – отсутствие правового статуса у большинства афганцев. Это провоцирует массу других проблем: трудоустройство по специальности – практически недостижимая цель; очень сложно прокормить семью; трудно найти жилье, аренда очень дорогая, и в ней часто отказывают; постоянные поборы милиции; медицинское обслуживание; трудоустройство детей, получивших специальное*

среднее и высшее образование уже в России».

Для представителей афганской молодежи, большинство из которых учится в школах (старшеклассники), колледжах и вузах, указанные выше проблемы пока не знакомы. Общими со старшим поколением являются трудности, связанные с отсутствием гражданского статуса, которое многие из них унаследовали от своих родителей. В качестве временной трудности молодежь указывает на преодоление стереотипного отношения к ним их ровесников-москвичей при знакомстве: *«Первое время было очень сложно. Приходилось объяснять, откуда ты, зачем сюда приехал? Со временем к тебе привыкают и относятся хорошо».* Очень редко указывается на пристрастное отношение к ним со стороны преподавательского состава. Типичное высказывание: *«Отношение преподавателей было хорошее, и многие из них нам помогли, проводили дополнительные занятия, чтобы подтянуть нас. Если у кого-то и были какие-то проблемы с преподавателями, то только в начале обучения».*

Представления афганцев о дискриминации и отношении к ним принимающего сообщества

Практически все претензии представителей старшего поколения афганцев связаны с явной или скрытой дискриминацией по отношению к ним со стороны властей разного уровня, как при оформлении документов, так и при приеме на работу, независимо от гражданского статуса.

«Вот, например, если завтра закроют то место, где я работаю, мне придется искать работу не как гражданину России, а как гражданину Афганистана. Чтобы приняли по лицу, мне надо иметь крупные деньги в кармане или влиятельных русских друзей».

Кроме того, афганцы старшего поколения склонны рассматривать обычные

случаи вымогательства при оказании медицинских услуг, при устройстве детей в школу или при взаимодействии с контролирующими органами как дискриминацию по национальному признаку: *«Наличия страхового полиса недостаточно. Когда обращаемся за медицинской помощью, то практически всегда платим сами, а некоторые болезни нам приходится лечить полностью за свои деньги. Не хватает ни пенсии, ни дохода... Только, как уже сказали, нас по лицу принимают».*

По мнению большинства экспертов, *«московские власти проблему знают, присутствие афганцев в столице их раздражает, они стараются их не замечать, а правоохранительные органы стригут с них купоны».* А вот отдельное мнение эксперта – представителя ФМС: *«Решение афганской проблемы московские власти возлагают на федеральные органы. К афганцам относятся доброжелательно, либерально, и то, что большинство афганцев долгое время живут в столице без правового статуса, является ярким подтверждением этому. Московские власти считают их своими».* Довольно странную позицию занимают московские власти: *«считают их своими»*, но при этом ничего не делают для «своих». По всей вероятности, московским властям в лице правоохранительных органов гораздо выгоднее получать с афганцев деньги за незаконное проживание в столице, чем тратить бюджетные средства на их легализацию.

Эксперты также отметили, что *«в последнее время для афганцев актуальной стала проблема дискриминации и безопасности. В Москве достаточно много случаев, когда афганцы сталкиваются с актами агрессии, насилия со стороны криминальных структур, недобросовестных сотрудников правоохранительных органов. Они перед ними беззащитны и вынуждены от них откупаться, так как из-за отсутствия правового статуса они особенно уязвимы. Особенно афганцам достается от милиции».*

Как уже было сказано выше, афганская молодежь частично еще не сталкивалась с подобными проблемами, а частично, будучи социализирована в российском контексте, воспринимает многие трудности бюрократического характера как данность для всех, а не как дискриминацию именно их.

Представители старшего поколения и афганская молодежь отмечали вполне нормальное отношение к ним москвичей, у многих афганцев есть среди них хорошие друзья. Это подтвердили и эксперты: *«Большая часть москвичей относится к афганцам доброжелательно, так как считает, что они воевали вместе с нами. Правда, есть москвичи, которые к ним относятся безразлично и даже негативно, но они в меньшинстве».*

Культурные традиции

Афганцы старшего поколения при обсуждении этого сюжета не акцентировали внимание на возможности или невозможности поддержания своих традиционных культурных стандартов и практик. Сохранение своего культурного наследия, обычаев и традиций для них свято. Но они указывали, что их дети, как в России, так и в западных странах, быстро переходят на язык окружающей среды даже в общении между собой: *«Когда мы приехали, наши дети говорили между собой на родном языке. По прошествии определенного времени стали между собой общаться по-русски, и даже матом ругаются... Сейчас, сколько бы я их ни ругал, все равно разговаривают между собой только по-русски... И пушту, и персидский язык знают, но разговаривают плохо. В Германии у моего родного брата дети разговаривают только на немецком языке. Среда их воспитывает».*

Напротив, в молодежной фокус-группе тема необходимости поддержания своих культурных традиций вызвала большее оживление и упоминалась по разным поводам: *«Мы другие, у нас своя культура, религия, обычаи, от которых*

мы не хотим отказываться. Однако мы не хотим изолироваться от русской культуры, традиций, а иначе мы в России будем всегда чужими». Или: «Да, мы другие, но мы живем в Москве, и поэтому нам надо учиться жить и соблюдать обычаи этой страны, не забывая свои». Это молодежь демонстрирует на концертах, посвященных национальному празднику Навруз, исполняя не только свои национальные песни и танцы, но и русские народные танцы и эстрадные песни из репертуара наших известных певцов.

Более того, молодые люди указали на ряд особенностей жизни в российском культурном контексте, которые они считают позитивными, хотя и противоречащими афганской традиции. В частности, в обсуждении подчеркивалась возможность свободного взаимодействия мальчиков и девочек с самого раннего возраста, что, особенно по мнению девушек, способствует осознанию гендерного равноправия и взаимного уважения полов: *«Мне нравится в вашей культуре свободное общение между мальчиками и девочками, они вместе учатся, ходят в кино, театры, кафе. У нас на родине такое общение возможно только в семье между братьями и сестрами, а вот с соседскими мальчиками исключено. В Афганистане мальчики и девочки учатся отдельно. Из вашей культуры мы взяли свободное общение не только с русскими, но и со своими ребятами. Мы сейчас здесь все вместе и свободно высказываем свое мнение. В моей стране такая беседа была бы просто невозможна».* Многие из участвовавших в фокус-дискуссии девушек считают абсолютно неприемлемой для себя традицию закрывать лицо.

В то же время молодые афганцы указали на ряд культурных особенностей московской молодежи, которые для них неприемлемы: употребление спиртного и наркотиков, неуважение к старшим, свобода добрых сексуальных отношений. Кроме того, им не нравится в нашей культуре плохое отношение роди-

телей к своим детям: *«Родители издеваются над своими детьми, бросают их, очень много беспризорных детей. У нас невозможно, чтобы родители бросили своих детей. Они могут взять чужих детей, если с их родителями что-то случилось».* Отмечалось и то, что *«у молодежи нет самостоятельности, они рассчитывают только на родителей: по блату или за деньги их устроят в институт, потом на работу, а потом по блату женят или выдадут замуж».*

По мнению экспертов, *«к русской культуре афганцы относятся нормально, хорошо и воспринимают ее, особенно молодежь, но живут по своим традициям. Может быть, единицы и посещают театры, выставки, музеи и др., но для основной части афганцев это удовольствие слишком дорогое».* Кроме того, эксперты отметили: *«Большинство афганцев, особенно представители старшего поколения, чаще общаются, контактируют со своими земляками. Афганцы, которые имеют российское гражданство и свой налаженный бизнес чаще общаются с москвичами, но их немного».*

Расселение и предпочтения

По мнению экспертов, *«афганцы живут по всей Москве. Для них характерно дисперсное расселение. Многие стараются жить поближе к работе – Черкизовский рынок и гостиница “Севастополь”. Правда, там очень дорогая аренда жилья и немногие могут себе это позволить».*

Представители старшего поколения афганцев предпочитают жить среди своих земляков в рамках своей национальной общины, по крайней мере сетевой. Афганская же молодежь высказала определенное предпочтение жить вне общины, среди москвичей, но с обязательной и неременной возможностью поддерживать контакты с представителями своей культурной общины (включая сохранение и поддержание языковых навыков) и возможности реализации своих этнокультурных потребностей: *«Лучше жить в среде москвичей*

и других, но сохранять свои обычаи и не терять связь с афганцами, которые живут в Москве» или «Сохранять свою культуру, но жить среди всех, чтобы нас не называли чужаками». Это говорит о слабой внутригрупповой солидарности афганской молодежи и их высоком интеграционном потенциале, но при этом они не отказываются и хотят сохранить культурные традиции своего народа.

Эксперты считают, что «большинство афганцев, особенно старшее поколение, предпочитает жить среди своей диаспоры, своих земляков, так как это облегчает им проблему коммуникации, передвижения и первичной адаптации к условиям другого государства через свою собственную среду. Однако есть афганцы, которые предпочитают жить или уже живут среди русских, чтобы рядом не было своих; есть и такие, которым это все равно».

Межнациональные браки

Что касается образования межнациональных семей, то представители старшего поколения в целом не очень охотно обсуждали этот сюжет. Они указывали на почти полное отсутствие такой практики среди афганцев, проживающих не только в России, но и в странах Запада. Хотя есть определенные знакомые, на наш взгляд, различия между российской и западной средой: «На Западе афганцы заключают браки, как правило, между собой. С местными очень редко, если и есть такие браки, то о них не говорят и даже скрывают. В Москве такие браки заключаются. На русских могут жениться только мужчины и молодые люди. Для женщин и девушек межнациональные браки запрещены, и о случаях таких браков мы не знаем и не слышали».

Опираясь на приведенное выше высказывание, можно сформулировать вполне вероятное предположение о том, что московская среда в большей степени, чем европейская, стимулирует размытие межкультурных границ.

Это косвенно подтверждается более оживленной реакцией на данный сюжет в молодежной группе афганцев. В частности, ни одна из участвовавших в работе фокус-группы девушек не отвергла принципиальной возможности выйти замуж за представителя иной национальности: «Я могла бы выйти замуж за русского, что выходит за рамки наших культурных традиций и религии» или «Мне нравятся русские ребята, у меня есть хорошие друзья, и я хотела бы выйти замуж за русского парня». Однако большинство девушек ссылались на конфессиональные ограничения. У юношей таким ограничением служило необязательное отношение москвичек к ведению домашнего хозяйства.

По мнению экспертов, «афганцы вполне нормально относятся к смешанным бракам мужской части, как с русскими, так и с лицами любой другой национальности, но для женской части такие браки исключены. В Москве достаточно много случаев таких браков, как правило, они распространены среди молодежи – детей-сирот, которые выросли в России». Кроме того, эксперты считают, что «раньше было много случаев фиктивных браков с россиянками, которые гарантировали афганцам получение гражданства РФ. Сейчас нет, так как изменилось законодательство, и необходимость в таких браках у них отпала».

Перспективы пребывания и миграционные намерения

Большинство афганцев старшего поколения весьма скептически оценивают свои перспективы жизни в России, в частности в Москве. Они постоянно сравнивают свое положение в России с положением соотечественников в странах Западной Европы не в пользу России и в связи с этим хотели бы уехать на Запад: «Сейчас мало хорошей работы. Каждый день думаем, что завтра будет... Я давно работаю среди афганцев и могу сказать, что все хотят отсюда уехать. Я не видел других... Здесь нет бу-

дущего. Я недавно был в Европе, и видел разницу. Здесь афганцы даже не хотят строиться. А там, в Европе, приезжают и очень хорошо устраиваются. Купят себе машину, землю... Здесь такая возможность редко появляется. Потому что очень дорого для человека, который стоит на рынке, у которого нет жилья, чтобы он платил 5–6 тысяч только за учебу... На Западе до сих пор пособия были, бесплатно дети учатся». Среди представителей старшего поколения есть и те, кто свои перспективы связывает с Россией: «Власти нас просто не замечают, мы для них нелегалы, попрошайки и лишние люди. По всей вероятности, они надеются на то, что мы уедем из России, а куда нам ехать? Да, мы просим, но только одного – дайте нам правовой статус, мы сами в состоянии обеспечить свои семьи, платить налоги государству, поднимать экономику России».

Такой подход к оценке российской ситуации практически не характерен для афганской молодежи, которая строит свои биографические проекты преимущественно в рамках российского социума. Типичное высказывание: «Мы в Москву приехали маленькими детьми, многие родились уже здесь, выросли, получили образование, прекрасно знаем русский язык, вашу культуру, у нас много друзей среди москвичей, нам здесь хорошо, и мы не хотим уезжать». Единственным препятствием в этих проектах является отсутствие определенного гражданского статуса.

Кроме того, перспективы переезда в другую страну рассматриваются афганской молодежью на данном этапе их жизни исключительно в связи с жестко понимаемой и признаваемой ими традиционной обязанностью быть рядом и заботиться о своих родителях. Из интервью: «Жизнь в Москве у нас несладкая – нет статуса, нет своего жилья, больной отец. Отец прошел все инстанции, чтобы легализоваться в Москве, но у него ничего не получилось. У родителей нет денег, чтобы заплатить за легализацию. Отец пытается попасть в Про-

грамму по переселению афганцев. Если получится, то мы вместе с родителями вынуждены будем уехать на Запад. Хотя мне, моим братьям и сестре уезжать не хочется, мы здесь выросли, получили образование, у нас много русских друзей, а там надо будет начинать все сначала».

По мнению экспертов, «о какой перспективе можно говорить, если Россия не выполняет не только свои международные обязательства, но и свой Закон “О беженцах”. Поэтому реальная перспектива для большинства афганцев – добровольное переселение на родину или в третьи страны, так как в Москве (России) они не могут выйти из ситуации бесправного положения».

Эксперты отметили два возможных сценария развития событий: «Если перед афганцами встанет вопрос, уехать на Запад или остаться в Москве (России), то 99% предпочтут Запад, так как там, получив статус беженца, они будут иметь сильную социальную поддержку. Несмотря на то, что психологически им Москва (Россия) нравится больше, чем Запад. Но если встанет вопрос, вернуться на родину или остаться, то предпочтут Москву, так как они уже здесь адаптировались и у них большой интеграционный потенциал».

Есть частное мнение эксперта – представителя ФМС: «У нас потребности в афганцах нет, так как среди них нет таких специалистов, в которых заинтересована Россия. Нужна ли нам мощная, закрытая афганская диаспора? Своих безработных 5 миллионов, нужны ли нам еще и иностранные безработные? Объективно без афганцев мы проживем».

По нашим исследованиям, репатриация из указанных намерений афганцами исключается; первый сценарий для большинства малореализуем, так как «Запад всех не заберет». Поэтому объем вероятной миграции из Москвы (России) будет гораздо скромнее миграционных намерений афганцев и большинство останется здесь.

***

Особенности пребывания афганцев в Москве связаны с отсутствием у большинства из них правового статуса и достаточно высокой степенью их интеграции в российскую социальную среду.

Представители старшего поколения афганцев жаловались на плохое отношение, на явную или скрытую дискриминацию со стороны московских властей разного уровня при приеме на работу, оформлении документов и социальных пенсий, и т.д.

Афганская молодежь, будучи социализирована в московской среде, воспринимает многие трудности бюрократического характера не как дискриминацию именно их, а как данность для всех москвичей (россиян).

Большинство представителей старшего поколения, не сумев за долгие годы реализовать свое право на убежище и защиту государства, весьма скептически оценивают свои перспективы жизни в Москве и хотели бы уехать на Запад.

Афганская молодежь строит свои биографические проекты преимущественно в рамках московского социума. Единственным препятствием в этих проектах является отсутствие правового статуса. Перспективы же переезда в другую страну рассматриваются исключительно в связи с жесткими обычаями и традициями быть рядом и заботиться о своих родителях.

Позиция афганской молодежи относительно своих предпочтений жить вне общины и сохранения своего культурного наследия свидетельствует об устойчивой направленности на интеграцию в российский культурный контекст и модернизацию традиционного образа жизни, практикуемого преимущественно их родителями.

Главным препятствием в нормализации жизни российского афганского сообщества является неопределенность их гражданского статуса в России, уже давно не соответствующая ни потребностям самих афганцев, ни опасениям принимающего сообщества относительно

практически нереальной интеграции этой инокультурной группы в российскую среду в качестве незаконных мигрантов.

В этой связи должны быть предприняты реальные шаги, направленные на легализацию афганцев. Бесспорно, упорядочение их правового положения должно решаться в рамках действующего законодательства и международных норм по защите беженцев и лиц, ищущих убежище. Вместе с тем очевидно и то, что существующие препятствия не являются непреодолимыми.

Ситуацию незаконного пребывания на территории России афганцев могли бы значительно облегчить государственные программы легализации, опирающиеся на признание юридического факта длительного пребывания. Такие программы могли бы учесть потребности и старшего, и младшего поколений афганских беженцев и лиц, ищущих убежище:

- представителям старшего поколения по их желанию предоставить и/или возобновить статус политического беженца. Эта заинтересованность у большинства из них продиктована не столько возможностью получения социального пакета, что признается ими практически нереальным в российских условиях, сколько тем, что такой статус будет свидетельствовать о выполненном Россией долге и моральных обязательствах по их защите;
- тем афганцам старшего поколения, которые не заинтересованы в статусе политического беженца, по их желанию предоставлять по упрощенной процедуре вид на жительство или гражданство Российской Федерации;
- молодым афганцам, выросшим в российской культурной среде и являющимся и по самосознанию, и по обычным культурным практикам вполне сложившимися гражданами России, по их желанию предоставлять российский паспорт в рамках тех же процедур, какие применяются к их ровесникам-россиянам.

Виктор Александрович Шнирельман,
*доктор исторических наук, главный
научный сотрудник Института
этнологии и антропологии РАН,
Former Woodrow Wilson Guest Scholar,
Former Kennan Institute Galina
Starovoitova Fellow*

Идентичность, культура и история: провинциальный ракурс

Сегодня стало очевидно, что следует четко осознавать различия между реальностью и образом реальности и понимать при этом, что иной раз образ реальности способен формировать саму реальность. То, во что верят люди, становится реальностью по своим последствиям – такого постулата социологи придерживаются уже давно. Другими словами, поведение людей во многом определяется тем, как они представляют себе реальность и, в частности, с какой именно группой себя ассоциируют. Это и придает важность идентичности.

Поэтому, как бы ни относились ученые к нации, этничности и расе (а ученые все больше понимают их как конструкции, облик и роль которых определяется самими людьми), общественности эти категории представляются во многих контекстах важными, и к ним по мере надобности апеллируют политики, культурные деятели, а порой и религиозные лидеры. Ведь, как показывает опыт, все эти категории легко политизируются и служат действенными рычагами политической мобилизации. Однако это происходит только в том случае, если члены таких групп ощущают свое единство и готовы на деле проявить солидарность. А это в свою очередь требует от них выраженного самосознания, т.е. четкого понимания своей принадлежности к одной из названных выше групп. Иными словами, такое самосознание должно опираться на миф о единстве – соответственно национальном, классовом, этническом, региональном или расовом. Такой миф был типичен для эпохи модерна, когда для его

конструирования использовались самые разнообразные научные технологии. И сегодня он продолжает соблазнять некоторых политехнологов, стремящихся манипулировать массовым сознанием. Вместе с тем у такого мифа имеются ограничения, и он срабатывает отнюдь не автоматически. В свое время Э. Геллнер хорошо показал как его слабую обоснованность, так и одновременно социально-психологическую силу¹.

Похоже, что наиболее благодатная среда для такого мифа складывается в тех обществах, где велика пропасть между элитой и остальной массой населения, где у элиты имеется монополия на информацию, где действия власти не являются прозрачными, а массы лишены доступа к реальным рычагам влияния на политическую жизнь. Именно в этих условиях созданный элитой миф способен через находящиеся в ее руках институты (СМИ, школа, церковь, культурно-просветительские учреждения и пр.) оказывать существенное воздействие на массы населения. Следовательно, наиболее подвержены мифу общества авторитарного типа. Это вовсе не означает, что демократические общества обладают иммунитетом в отношении мифотворчества. Однако при наличии сложной социальной структуры, плюрализма и социальной мобильности им удастся избежать влияния тотального мифа. В них, во-первых, наблюдается конкуренция самых разных мифов, а во-вторых, плюрализм развивает способность к критическому мышлению, помогающую преодолеть зависимость от «жизни в мифе». Поэтому сегодня нам недостаточно изучать особенности политического мифа. Необходимо знать также, как он усваивается обществом и отдельными его группами, как они воспринимают миф, что их привлекает, а что отталкивает или оставляет равнодушными, и, наконец, если они его отвергают, то какой контрмиф кажется им более убедительным.

Одной из важнейших опор мифа о социальном единстве является образ прошлого, сплывающий людей общими эмоциональными воспоминаниями. Важно, что такой образ создается не только профессионалами. Огромную роль в его формировании играет социальная память, в рамках которой в первую очередь и выстраивается иерархия исторических ценностей и происходит отбор исторических фактов и событий по их общественной значимости. Важная особенность социальной памяти состоит в том, что она не является однородной и у разных социальных групп имеет свои отличия. Это выражается и в том, какие именно факты прошлого кажутся им наиболее значимыми, и в том, как по-разному они могут интерпретировать одни и те же факты, соответственно придавая им разное значение.

К сфере социальной памяти, помимо устной истории, относятся памятные даты и праздники, памятники и мемориалы, ритуалы, топонимика, музеи, народная культура и историческая символика. Кроме того, память о прошлом поддерживается журналистами, находит место в художественных произведениях, живописных полотнах, театре и кино. В сфере искусства также производится как отбор исторических фактов и событий, так и их переосмысление. И именно в контексте социальной памяти отдельные исторические факты или события становятся знаковыми и обретают статус ключевых, имеющих основополагающее значение для данного социума.

Разумеется, и здесь дело не обходится без политических акторов. Ведь учреждение общенациональных праздников, отбор национальных героев и великих людей и чествование их юбилеев, установление одних памятников и разрушение других, изменение топонимики, введение в государственную символику исторических сюжетов и реликвий – все

¹ Геллнер Э. Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991.

это происходит при активном участии властей. Мало того, нередко именно власти выделяют из государственного бюджета деньги на проведение тех или иных мероприятий, связанных с исторической памятью. Иной раз они поддерживают одни направления исследований и игнорируют или даже тормозят развитие других. И это, разумеется, оказывает влияние на профессиональных историков. Поэтому историческое знание вовсе не отделено непроходимой стеной от политического процесса, тем более что, как писал М. Фуко, нередко именно власть определяет, что является «знанием» и что им не является².

В советском случае власть при опоре на научных экспертов определяла, какие группы достойны считаться «этническими», а какие нет, какие из них могут получить тот или иной политический статус (автономии), а какие этого не заслуживают. В итоге произошла политизация этничности, и после ее закрепления паспортной системой она потеряла свою подвижность, получила несвойственную ей жесткость и оказалась законсервированной. Мало того, строгий порядок приписывания этнической принадлежности по родителям, независимо от языковых и культурных параметров, десятилетиями навязывал людям представление, во-первых, об этническом родстве как «родстве по крови», а во-вторых, о некоем устойчивом «народном духе», который якобы сохранялся у людей независимо от языковых и культурных изменений и проявлялся в «поведенческих стереотипах». Это подготовило почву для распространения мифа об этносе как «биологической общности», который в постсоветское время получил неожиданную популярность и открыл дорогу расизму.

Следует учитывать и тот факт, что во второй половине 1930-х – 1940-е годы произошли важные изменения в социальной структуре советского общества,

потребовавшие нового взгляда на социальную реальность. Теперь с антагонистическими классами было покончено и классовое мировоззрение в значительной мере потеряло свою актуальность. Оно сохранило свою роль во внешней политике, тогда как внутривнутриполитическая ситуация стала все больше определяться национальным фактором. Но в советские годы он понимался двояко: с одной стороны, как единство всего советского народа, для которого со временем все чаще стал использоваться термин «советская нация», а с другой – как сложное созвездие советских этнонаций, развитие которых определялось «советской национальной политикой». В любом случае произошла смена парадигм, и классовое видение реальности сменилось этнонациональным. Иными словами, там, где раньше речь шла о классовых антагонизмах, теперь появилась тенденция подчеркивать культурную специфику и говорить об «особом историческом пути». Правда, коммунистическая идеология пыталась удерживать эту тенденцию в определенных рамках, но с каждым годом это становилось все сложнее и сложнее. Ведь новые поколения уже не имели опыта классовой борьбы, и «класс» звучал для них пустой абстракцией. Зато вокруг себя они видели отдельные «этноты», различающиеся по своему социально-политическому положению, что и составляло для них социальную реальность.

В этом созвездии этносов русские занимали особое место. Именно они были носителями общесоветской культуры, формировавшейся на русской основе, но, во-первых, быстро модернизовавшейся и терявшей свои традиционные атрибуты, а во-вторых, свободно впитывавшей приходящие извне импульсы. Русские не ощущали себя «особым этносом», и их «этническая солидарность» была ослаблена. Все это вызывало тревогу и горькие чувства у русских

² Foucault M. Discipline and Punish. The Birth of the Prison. New York: Vintage Books, 1979. P. 27–28.

националистов, рассматривавших это как якобы специфически русское качество и сурово его критиковавших. Однако ничего специфического в этом не было, ибо все это свойственно любому доминирующему большинству, которое, во-первых, обладает инклюзивной идентичностью, что и позволяет без большого труда включать в свой состав «чужаков» и «иноплеменников», а во-вторых, чувствует себя в безопасности, видя ее гарантом государство, которое оно не без основания считает своим. В такой ситуации находятся белые американцы в США, англичане в Великобритании, французы во Франции, ханьцы в Китае, поляки в Польше и т.д. Это порождает особое отношение к «этническому». Его доминирующее большинство связывает обычно с чужими экзотическими культурами и несклонно применять к себе. Ведь свое считается «нормальным» и универсализируется. Зато понятие «культура» увязывается с «этническими культурами». В результате в контекстах оживленных культурных контактов доминирующее большинство порой оказывается в неудобном положении, чувствуя себя людьми «без культуры». В то же время представители меньшинств иной раз с готовностью демонстрируют свой «культурный капитал» как некое качество, выгодно отличающее их от доминирующего большинства.

Разумеется, все это не оставляет равнодушными русских националистов, и они по-своему пытаются осмыслить русскую идентичность. Вот лишь некоторые из тех параметров, в которых они усматривают суть «русскости» (примеры взяты из национал-патриотической прессы 1990-х годов). Русскость может, по их мнению, связываться (1) с «кровью» и даже с «расой» (т.е. с биологией и «русским генотипом»), (2) с культурой и самосознанием, (3) с хорошим владением русским языком, (4) с религией (православием, старообрядчеством или даже язычеством), (5) с особым образом жизни, (7) с психологией (стрем-

ление к «правде и воле»), (7) с политическими установками (державность и соборность, а также тяготение к имперскому устройству), (8) с особым историческим путем, (9) с особой «русской цивилизацией», вбирающей в себя все или многие из названных компонентов. Некоторые русские националисты противопоставляют эти атрибуты друг другу; другие ценят некоторые из них, но отвергают другие. Кроме того, одни отождествляют русских с отдельным этносом или даже «расой», другие видят в них религиозную общность, третьи связывают их прежде всего с политическим единством, четвертые понимают их не иначе как особую цивилизацию.

Между тем у всего этого имеется и региональный ракурс, дополняющий эту палитру новыми красками. Речь идет о том, как видится «русскость» или отдельные ее компоненты региональными интеллектуалами, включая политиков и носителей местной власти. В 1990-х годах приход демократии в Россию и децентрализация власти и капитала породили достаточно неожиданное явление, показавшее, что русским оказывается недостаточным иметь общерусскую идентичность, а в ряде случаев они вообще готовы от нее отказаться. В разных регионах и областях они ведут поиск своих особых местных идентичностей, и это выражается в своеобразных версиях древней или средневековой истории, которые там вырабатываются. Как и следовало ожидать, многие из этих конструкций пропитаны этницизмом, заставляющим видеть историю в этнических тонах. Но в разных регионах это проявляется по-разному, и акцент делается то на этничности, то на языке, то на метафорах «родины» или «прародины», то на культуре, то на территориальном единстве, то на некой глобальной миссии. В этом плане можно говорить о следующих моделях:

1. *Этнизация известных локальных культурных вариантов или изобретение новых.* Речь идет о попытках ряда групп объявить себя особыми этносами. На-

пример, казаки Юга России, имевшие когда-то особый сословный статус, в течение последних 15–20 лет неоднократно заявляли о себе как об отдельном этносе. Корни этого подхода можно обнаружить у некоторых дореволюционных казачьих историков и в эмигрантской казачьей историографии, где делались попытки оторвать историю формирования казачества от русской истории, что давало, как казалось таким авторам, право на учреждение суверенной казачьей республики. Другим примером служат поморы, отличавшиеся от остальной массы русского населения своим хозяйственным укладом (морское рыболовство) и образом жизни, а также приверженностью к старообрядчеству. Наконец, уже совсем недавно о себе как особой этнической группе возвестили «кацкари», живущие в долине р. Кадка на западе Ярославской области. Там в конце 1990-х годов в селе Мартыново создали Музей кацкарей и с 1992 года издают газету «Кацкая летопись», где история «кацкого народа» начинается с эпохи монгольского нашествия. В школах Ярославского края был даже введен предмет «Кацковедение». При этом, стремясь дистанцироваться от русских, казаки иной раз говорят о своих тюркских корнях, поморы указывают на финно-угорский субстрат, а кацкари ведут себя от смещения летописной меры со славянами.

2. *Имперские мифы: русификация древних иноязычных и инокультурных общностей и «обрусение» культурного ландшафта окраин.* Такие мифы выступают в нескольких вариантах.

А) Миф о «примордиальных предках», т.е. отождествление предков с носителя-

ми материнского праязыка. В наиболее радикальной форме такое видение истории ведет к изобретению длительной докиевской истории «славян-русичей», которые якобы еще в первобытности широко расселились от Западной Европы до Китая. Такая версия древнего прошлого вот уже 15–20 лет активно пропагандируется радикальными русскими националистами. Под «отдаленной историей» здесь понимается все древнейшее индоевропейское прошлое, которое объявляется «арийским» и приписывается «славяно-русам». С этой точки зрения, Евразия едва ли не изначально принадлежала «русам-ариям», и, тем самым, завоевание Сибири, Кавказа и Средней Азии рассматривается как их возвращение на свои древние земли. Мало того, фантазия таких патриотически настроенных авторов заставляет их изобретать никогда не существовавшие государства типа Рассении и Русколанни. Эти авторы прекрасно понимают, что современному образованному читателю требуются фактические подтверждения. Тогда на помощь приходит «народная археология». И философ В.Н. Демин с легкостью «открывает» на Кольском полуострове «Гиперборейскую цивилизацию», а журналист А. Асов «обнаруживает» в предгорьях Эльбруса «древнюю столицу славян», «город Кияра». Свои «находки» они активно пропагандировали в популярных книгах и охотно делились ими с журналистами³.

В этой деятельности участвуют не только дилетанты. Фактически начало поискам так называемой «славяно-арийской цивилизации» положили исследования профессиональных археоло-

³ Демин В.Н. Тайны русского народа. М.: Вече, 1997; *он же*. Загадки Урала и Сибири. От библейских времен до Екатерины Великой. М.: Вече, 2000; *он же*. Гиперборея. Исторические корни русского народа. М.: Гранд, 2001; Асов А.И. Мифы и легенды древних славян. М.: Наука и религия, 1998; *он же*. Атланты, арии, славяне. История и вера. М.: Алтейа, 1999; *он же*. Славянские руны и «Боянов гимн». М.: Вече, 2000; *он же*. Священные прародинны славян. М.: Вече, 2002; *он же*. Русколань: Древняя Русь. М.: Вече, 2004; Писаренко Д. Загадки древних цивилизаций. Полярная Атлантида // Аргументы и факты. 2006. № 46–49, 51–52. 2007. № 5, 7–8, 10, 12. Об этом см.: Шнирельман В.А. Интеллектуальные лабиринты. Очерки идеологий в современной России. М.: Academia, 2004. С. 207–214; Shnirelman V.A. Russian Response: Archaeology, Russian Nationalism and Arctic Homeland // Kohl Ph.L., Kozelsky M., and Ben-Yehuda N. (eds.) Selective Remembrance: Archaeology in the Construction, Commemoration, and Consecration of National Pasts. Chicago: Chicago University Press, 2007. P. 52–56.

логов из Челябинска, обнаруживших новую категорию памятников среднего бронзового века в лесостепной зоне Южного Урала. Не ограничившись открытием городища Аркаим, они разрекламировали его как едва ли не древнейший город на Земле, центр «арийской цивилизации», якобы одарившей Евразию «высокой культурой»⁴. Как признавала местная журналистка, на Урале вокруг Аркаима не смолкает «мифологический бум», «Страна Городов ушла в молву» и, вопреки всем стараниям ученых, порожденный Аркаимом интерес к древностям устремлен вовсе не к работе археологов, а «к духовной насыщенности, к месту Урала на Земле»⁵.

На этот миф работает целая серия статей председателя Челябинского областного общества уральского краеведения А.П. Моисеева, еженедельно в течение нескольких месяцев публиковавшихся в газете «Челябинский рабочий» летом и осенью 1994 года. Автор называл индоевропейцев и ариев «нашими далекими предками» и противопоставлял их древним тюркам и финно-уграм, которые к категории «наших предков» не относились⁶. В 1990-х годах такой «арийский миф» использовался, в частности, для отстаивания гражданских прав русского населения в Крыму, Донбассе и Северном Казахстане. Обнаруживая

у местных русских «древние корни» на этих землях, он делал их «коренным населением»⁷.

Для большинства такого рода популярных построений характерна манипуляция с известными археологическими и лингвистическими фактами и гипотезами, в результате чего «славяне-русичи» полностью отождествляются с ранними индоевропейцами или достаточно рано обособившейся их частью. На этой основе оживляется идея о великих арийцах-завоевателях, к которой прибегали в свое время нацисты для оправдания своего нападения на СССР. Но в устах современных русских радикалов арийцы связываются уже не с германцами, а со славянами. В то же время завоевание относится к столь отдаленным временам, что оно представляется «расселением» и не мешает «славянам-русичам» выглядеть автохтонами едва ли не на всей территории России и даже отчасти за ее пределами⁸.

Такая версия далекого прошлого активно популяризируется массовой литературой и в последние 10–15 лет начинает проникать в региональные очерки по истории края. Сегодня ни один местный учебник по истории Урала не обходится без обращения к Аркаиму, который связывается и с «древнейшей протоцивилизацией»,

⁴ Шнирельман В.А. Страсти по Аркаиму: арийская идея и национализм // М.Б. Олcott, И. Семенов (ред.). Язык и этнический конфликт. М.: Центр Карнеги, 2001. С. 58–85.

⁵ Никулина М. «Про старинное жите и про тайную силу» // Урал. 2000. № 6. С. 178–179.

⁶ См., напр.: Моисеев А.П. Древности // Челябинский рабочий. 1994. 17 и 24 июня, 5 августа и др.

⁷ См., напр.: Карпов А. Иудины поделуи сепаратистов // Русский вестник. 1996. № 6–8; Абакумов А.В. Евразийские арии и Русь // Русская мысль. 1995. № 1–6; он же. Славяне в Казахстане: возвращение на Родину? // Экономическая газета. 1997. № 16; он же. Русские и татары в Крыму // Наследие предков. 2000. № 2. В Донбассе с той же целью в 1993 году публиковались материалы об индоевропейских древностях в степях Северного Причерноморья. См.: Посредников В., Кравец Д., Косиков В. Древность Донбасса // Донецкий край. 1993. № 13, 18, 22, 27, 34. О других аргументах см.: Wilson A. The Donbas Between Ukraine and Russia: The Use of History in Political Disputes // Journal of Contemporary History. 1995. Vol. 30. No. 2. P. 276–283.

⁸ Это, разумеется, приводит рассматриваемую версию к столкновению с пантюркистским взглядом на древнюю историю, где те же самые культуртрегеры и цивилизаторы оказываются древними тюрками. Мне уже приходилось писать о том, как Аркаим «присваивается» тюркскими авторами (см.: Шнирельман В.А. Страсти по Аркаиму...). Недавно книга такого рода вышла в Казахстане. Любопытно, что она была представлена «научным изданием», хотя ни одно научное учреждение Казахстана не осмелилось дать ей свой гриф. Не было у нее и научных рецензентов, но зато издание было профинансировано некоторыми казахскими бизнесменами. Кроме того, книгу сопровождали рекомендации ряда сотрудников Евразийского национального университета, свидетельствующие о том, что изложенные в ней взгляды пользуются популярностью у части казахской научной элиты. Правда, археологов среди таких энтузиастов, похоже, нет. См.: Нарымбаева А.К. Аркаим – очаг мировой цивилизации, созданный прототюрками. Алматы: б.и., 2007.

и с «древними ариями» и даже называется «Уральской Тройей»⁹. А в местной популярной книге для юношества Урал, кроме того, изображается и родной зороастризма, где якобы складывались тексты «Авесты» и «Ригведы»¹⁰. В таких книгах арии иной раз выглядят победоносными завоевателями и культуртрегерами, совершавшими далекие миграции, громившими великие цивилизации и разнесившими свои культурные достижения по всей Евразии «от Ближнего Востока до Сибири и Индии»¹¹.

Правда, в учебной литературе «арии» не связываются с «русичами», однако особенностями своего изложения темы она готовит школьников к позитивному восприятию рассматриваемого здесь мифа. Этот миф отстаивается достаточно влиятельным течением русских националистов, пытающихся тем самым доказать, что евразийские просторы изначально принадлежали русским. Иными словами, расширение границ Российского государства в XVI–XX веках рисуется ими не как завоевание, а как возвращение на свои исконные древние земли. Это напоминает советскую манипуляцию с историографией, когда в 1940–1950-х годах «колониальное завоевание» превратилось в «присоединение» и «добровольное вхождение».

Сегодня, благодаря «фольк-истории» и русским неоязычникам, «арийский миф» получает все большую популяр-

ность. Теперь даже некоторые продавщицы женской одежды убеждены в том, что славяне – это «чистопородные арийцы»¹². Мало того, сегодня арийский миф служит стержнем идеологии скинхедов, пытающихся очищать Россию от «инородцев»¹³.

Б) Миф о «прародине», где «прародина» отождествляется со своим регионом, получающим тем самым престижный статус «материнской территории», способный подкрепить определенные политические претензии. Так, миф о предках-арийцах, расселявшихся из сердца Евразии и основывавших древнейшие цивилизации Старого Света, подхватывают некоторые местные политики и бизнесмены. В середине 1990-х годов в Екатеринбурге вышла книга, авторы которой изображали Южный Урал центром мира на том основании, что там сложилась индоиранская (арийская) общность, которая якобы и разнесла цивилизацию по всему Старому Свету¹⁴. Характерно, что среди авторов этой книги был депутат городской Думы, один из авторов проекта Уральской республики (1993 год). Аналогичные идеи развивались и в Челябинске, где тогда же вызревал замысел Южно-уральской республики. Там, как уже отмечалось, особое место в формировании местного патриотизма сыграли открытые археологами уникальные памятники начала II тысячелетия до н.э. («страна городов»), которые связываются учеными с индоиранцами¹⁵. А в Вологде

⁹ Личман Б.В. (ред.) История Урала с древнейших времен до конца XIX в. Екатеринбург: СВ-96, 1998. Кн. 1. С. 45–48, 52–54; Миненко Н.А. и др. (ред.) Очерки истории Урала. Екатеринбург: б.и., 1996. Вып. 2. С. 34–52. Лишь в одном учебном пособии, написанном профессиональным археологом и построенном на археологических материалах, данные о древней истории изложены предельно корректно без обращений к ариям и Зороастру. См.: Виноградов Н.Б. Страницы древней истории Южного Урала. Челябинск: Южно-Уральское кн. изд-во, 1997. С. 60–72.

¹⁰ Шишов К.А. Урал в судьбе России. Челябинск: Автограф, 1996. С. 12–14. Специалисты связывают происхождение гимнов Ригведы с регионом, охватывающим Афганистан, Северный и Центральный Пакистан и Северную Индию.

¹¹ Григорьев С.А. Дорогами арийских колесниц // Миненко Н.А. и др. (ред.) Очерки истории Урала. Екатеринбург: б.и., 1996. Вып. 2. С. 34–43. Выдержки из этой работы воспроизводятся и в более солидном учебнике по истории Урала. См.: Личман Б.В. (ред.) История Урала... Кн. 1. С. 52–54.

¹² См., напр.: Егерова Е. Русская жизнь // Большой город. 2008. 9–22 апреля. № 6. С. 13.

¹³ Шнирельман В.А. «Чистилищники московских улиц»: скинхеды, СМИ и общественное мнение. М.: Academia, 2007.

¹⁴ Баков А.А., Дубичев В.Р. Цивилизации Средиземья. Екатеринбург: Уральский рабочий, 1995.

¹⁵ Шнирельман В.А. Страсти по Аркаиму: арийская идея и национализм // М.Б. Олкотт, И. Семенов (ред.). Язык и этнический конфликт. М.: Гендальф, 2001. С. 58–85.

пропагандируется идея о том, что пра-родина арийцев располагалась на Русском Севере¹⁶.

В) Присвоение чужого культурного наследия. Челябинские законодатели искусственно вычеркивают «иностранцев» из далекого прошлого своей области. В учебном пособии, выпущенном под грифом Законодательного собрания и Администрации Челябинской области и предназначенном для депутатов, государственных чиновников и преподавания в вузах, история Волго-Уралья начинается с упоминания «двух могущественных для того времени царств – Хазара и Булгара», образованных будто бы «славянскими племенами». О ранних тюрках и их истории в Приуралье челябинским читателям не сообщается. Они узнают о «мусульманах-башкирах» только в разделе, посвященном XVII веку, в связи с попытками насильственной христианизации башкир и их ответными восстаниями. О том, что башкиры являются коренным населением Южного Урала, авторы учебного пособия хранят молчание¹⁷.

Г) Искусственное расширение границ исторической территории. На Ставрополье спешат обнаружить следы пребывания славян на Северном Кавказе в эпоху раннего средневековья

и в доказательство древности и укоренности там русской государственно-сти расширяют границы Тмутараканского княжества XI века от Тамани до р. Большого Егорлыка, что на северо-востоке Ставропольского края¹⁸. Тем самым в состав этого княжества включается львиная доля Краснодарского края¹⁹. Эта версия даже попадает в региональный школьный учебник, где, кроме того, основание княжества приписывается легендарному князю Бравлину, проникновение «славяно-русов» в Крым и Северное Причерноморье относится к IV–VII векам, а якобы их потомки, «приазовские славяне», рисуются создателями никогда не существовавшего «древнеказачьего государства Казаккии» XI–XII веков²⁰.

Между тем детально изучивший вопрос о границах Тмутараканского княжества известный советский археолог А.Л. Монгайт высказывался об этом много осторожнее и делал вывод о том, что «нет доказательств наличия славянского населения на Северном Кавказе в средние века»²¹. Вопрос о границах Тмутараканского княжества остается открытым, и многие современные историки ограничивают его территорию Таманским полуостровом и некоторыми близлежащими районами. Лишь на короткое время в XI веке оно подчинило

¹⁶ Жарникова С.В. Золотая нить. Вологда: Областной научно-методический центр культуры и повышения квалификации, 2003. Жарникова – этнограф по профессии, но ее «арийские идеи» не нашли отклика в профессиональной среде. Зато ими, похоже, заинтересовался успешный вологодский бизнесмен. См.: Суров М.В. Вологодчина: невостребованная древность. Вологда: б.и., 2001. С. 146. О нем см.: Емельяненко В. Кого не любит первая гильдия // Московские новости. 1994. 30 января – 6 февраля. № 5. С. 11.

¹⁷ Выдрин И.В., Кокотов А.Н., Саломаткин А.С. Челябинская область – субъект Российской Федерации. Челябинск, 1997. С. 7–10.

¹⁸ Найденко А.В. К вопросу о начале русской истории на Северном Кавказе // Афанасьев Г.Е. (ред.) Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа. М.: ИА РАН, 1996. С. 117–119; *он же*. Центральное Предкавказье в эпоху средневековья // Черногоров А.Л. (ред.) Наш край Ставрополье. Ставрополь: Шат-гора, 1999. С. 48, 60–62. Все эти построения были опубликованы в престижном популярном издании о Ставрополье, вышедшем под патронажем бывшего губернатора Ставропольского края А.Л. Черногорова.

¹⁹ Действительно, в Краснодарском крае делаются попытки вести свою историю от Тмутараканского княжества, если не вообще от Боспорского царства. См.: Ротов В.С., Придиус П.Е. Кубань: один год с Батькой Кондратом и его дружиной. Краснодар: Советская Кубань, 1998. С. 12.

²⁰ Судацов Н.Д. (ред.) История Ставропольского края от древнейших времен до 1917 года. Ставрополь: СКИПКРО, 1996. С. 52–58. Все это вышло из-под пера местного археолога А.В. Найденко.

²¹ Монгайт А.Л. О границах Тмутараканского княжества в XI в. // Шунков В.И. (ред.) Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М.: Изд-во восточной литературы, 1963. С. 54–61.

себе адыгские племена западной четверти Краснодарского края²².

Д) *Миф о происхождении государства* изображает регион священной землей, где надо искать истоки русской государственности. В связи с напряженной обстановкой вокруг Калининградской области в этом отношении заслуживает внимание гипотеза о заселении Юго-Восточной Прибалтики в раннем средневековье западными славянами, к которым якобы и принадлежал Рюрик с его воинством. Она уже активно используется некоторыми русскими националистами²³ и поддерживается рядом известных российских историков, считающих вопрос об этнической принадлежности варягов очень важным²⁴. Так, идея о славянстве Рюрика дает основания Калининградской области представить себя родиной русской государственности.

Между тем археологам удалось углубить дату возникновения Старой Ладogi, которая, как оказалось, была заселена еще до прихода варягов. Во второй

половине 1990-х годов ученые исследовали доваряжский слой, связанный с обитанием там различных славянских племен. С помощью дендрохронологии для древнейшего поселения Старой Ладogi была получена дата 753-й год. И в 2003 году город торжественно отметил свое 1250-летие и вслед за его неутомимым исследователем А.Н. Кирпичниковым был назван «первой столицей Руси». В связи с этим журналисты подчеркивали, что Старая Ладoga была подлинно интернациональным городом и «народы сообща строили Русь»²⁵. Следовательно, миф о происхождении государственности вовсе не обязательно должен иметь этноцентристский характер.

Новгородское пособие по истории отличается в этом отношении двойственностью. С одной стороны, там говорится о гетерогенности населения новгородской территории в раннем средневековье – там жили «не только славяне, но народы Балтии, Карелии, Скандинавии». Также показывается бесперспек-

²² Кузнецов В.А., Мединцева А.А. Славяно-русская надпись XI в. из с. Преградного на Северном Кавказе // КСИА. 1975. Вып. 144. С. 11–17; *Тайло А.В.* Тмутараканские этюды, часть 4 // Вестник Ленинградского университета. Сер. 2. История, языковедение, литературоведение. 1990. Вып. 4. С. 7–10; *Кваша В.П. (ред.)* История Кубани. М.: Дрофа, 1997. С. 10, карта.

²³ *Терентьев А.* Мы живем не на чужой земле // Русский вестник. 1991. 29 ноября (№ 28–29). С. 9; *Демин В.М.* От ариев к русичам: концептуальный очерк языческой истории до Рюрика, которая у нас никогда не преподавалась. Омск, 1998. С. 81.

²⁴ *Кузьмин А.Г.* Кто в Прибалтике «коренной»? М.: Писательское акционерное общество, 1993; *он же.* Два вида русов в Юго-Восточной Прибалтике // Сборник Русского исторического общества. 2003. № 8 (156). С. 192–213; *Сахаров А.Н.* Рюрик и судьбы российской государственности // Российская газета. 2002. 27 сентября. С. 8; *он же.* Рюрик, варяги и судьбы российской государственности // Сборник Русского исторического общества. 2003. № 8 (156). С. 9–17; *он же.* «Варяги были славянами» // Сельская новь. 2004. № 7. С. 38–39; *он же.* «Норманнская теория – абсурдное дело!» // Известия. 2004. 17 июля. С. 2; *Фомин В.В.* Открытый разговор о варяжской Руси // Отечественная история. 2004. № 1. С. 206–210; *он же.* Варяги и варяжская Русь: к итогам дискуссии по варяжскому вопросу. М.: Русская панорама, 2005. Об этом см.: *Шнирельман В.А.* Мифы диаспоры // Диаспоры. 1999. № 2–3. С. 8–9. Утверждения о том, что будто бы калининградская земля принадлежала древним славянам, остаются необоснованными, и вплоть до начала 1990-х годов местный учебник по краеведению связывал ее с пруссами. И археологи демонстрировали, что в раннем средневековье там обитали балтоязычные пруссы. См.: *Гуревич Ф.Д.* Из истории Юго-Восточной Прибалтики в I тыс. н.э. // Материалы и исследования по археологии СССР. № 76. М.-Л.: АН СССР, 1960. С. 328–451; *Кулаков В.И.* Древности пруссов VI–XIII вв. М.: Наука, 1990; *Бирковский В.Г., Исупов В.С., Фарутин И.А.* История нашего края. Калининград: Калининградское кн. изд-во, 1990. С. 7. См. также: *Муромцева Л.П.* Восточная Пруссия и Россия // Преподавание истории в школе. 2002. № 10. С. 17. Рассматривая этот дискурс, следует, конечно, учитывать, что в современной ФРГ имеются реваншисты, мечтающие о возвращении Восточной Пруссии. См.: *Шпаков Ю.* «Калининградская» лекция неонациста Федера // Московские новости. 1997. 14–21 декабря. С. 8. Претензии на нее предъявляли и некоторые литовские политики. См.: *Афанасьева Г.* Ландсбергис делит Калининградскую область // Московские новости. 1995. 20–27 августа. С. 8.

²⁵ *Чернов А.* Загадки озерных людей. У России была другая история // Огонек. 1999. № 9. С. 29–31; *он же.* Открытие России состоялось // Новая газета. 1999. 15–21 марта. С. 19; *Костоковский В.* Старая Ладoga: у истока русской истории // Новые Известия. 1999. 4 сентября. С. 6; *он же.* Вспомним о древней столице Руси // Новые Известия. 2001. 26 июня. С. 5; *Аншипов М.* «Вестник государства российского» // Невское время. 2006. 4 июля. С. 6; *Макаров А., Сусаров А.* Как стареют российские города // Новые Известия. 2006. 13 января. С. 7.

тивность споров об этническом происхождении Рюрика и даже подчеркивается, что версию о его славянском происхождении поддерживают те, кому обидно, что древнерусское государство создали «чужаки». Но с другой стороны, на тех же самых страницах «наши предки» изображаются славянами, а их дохристианские верования оказываются исключительно славянским язычеством²⁶.

Ж) Идея имперской миссии и культуртрегерства. Важным способом интеграции окраин в единое поле российской государственности служат юбилеи городов, основывавшихся русскими на землях, присоединявшихся к Российской империи. Этим подчеркивается неравенство культур и цивилизаторская миссия пришельцев-колонизаторов. Например, власти ряда городов Северного Кавказа (Сочи, Туапсе, Нальчик и др.) провели в конце 1980-х годов юбилейную кампанию в честь их основания в первой половине XIX века как русских крепостей. Однако сегодня идея колониального владычества непопулярна, и эта кампания вызвала негодование адыгов. Местные ученые достаточно убедительно доказывали, что русские крепости были основаны на месте предшествовавших адыгских поселений²⁷. Тем самым демонстрировался колониальный характер такого рода чествований. Между тем такое удревнение местных городов и попытки оторвать их от русской градостроительной деятельности вызывают возмущение у ряда русских историков²⁸.

Новый скандал вспыхнул недавно, когда намечалось празднование 150-летия Майкопа как старой русской крепости. Против этого выступили представители Съезда черкесского народа, ссылавшиеся на некие археологические данные, говорящие якобы о том, что древнейшее городище возникло на р. Белой еще в бронзовом веке. Независимо от исхода этого конфликта, кубанский аул Тахтамукай отпраздновал свое 2500-летие, наглядно показав стремление адыгов одержать победу в символической битве за исторический приоритет²⁹.

3. *Идея самобытного исторического культурного очага*, которая воплощается в попытках наделить свои регионы особым местом в истории России, в становлении ее государственности и культуры. Это встречается в центральных регионах и на севере России, где русские не ощущают никакой угрозы со стороны «чужаков». Там политиков интересуют иные проблемы. Во-первых, видимо, памятуя о сконструированном Сталиным «курско-орловском диалекте», курские интеллектуалы представляют свою землю «неотъемлемой, корневой и центральной областью русского этноса» и доказывают, что несут поэтому «особую ответственность за судьбу страны, государства, языка, культуры, традиций»³⁰.

Во-вторых, регион может представляться рефугиумом, или центром сохранения традиционных культурных ценностей. Как известно, в Архангельской области счастливо сохранились весьма

²⁶ Сеченикова Л.Ф., Коложвари И.А. Великий Новгород и я. Рабочая тетрадь. М.: Просвещение, 1998. С. 10–11, 15.

²⁷ Ачмиз К.Г. К вопросу о дате основания некоторых городов Северо-Западного Кавказа // Мекулов Д.Х. (ред.) Черкесия в XIX веке (материалы I Кошехабльского форума «История – достояние народа»). Майкоп: Адыгейский НИИ экономики, языка, литературы и истории, 1991. С. 144–156; Думанов Х.М. Нальчику – 246 лет // Адыги. Культурно-исторический журнал. 1991. № 2. С. 150–153.

²⁸ Великая Н.Н., Пылков О.С. О попытках передатировок и изменения названий некоторых городов Северного Кавказа // Виноградов В.Б., Кгиторова С.Н. (ред.) Вопросы южнороссийской истории. Вып. 11. М.-Армавир, 2006. С. 41–45.

²⁹ Баканов К., Перов С. Прощупывают почву // Новые Известия. 2006. 15 сентября. С. 3. Речь шла о реальной древней плитке, которая, однако, была неверно датирована, а нанесенная на ней надпись на неизвестном языке получила сомнительную трактовку в работах ленинградского филолога Г.Ф. Турчанинова. Об этом см.: Шнирельман В.А. Войны памяти. М.: Академкнига, 2003. С. 350–352.

³⁰ Королев Б.Н. (ред.) История и современность Курского края. Региональное учебное пособие. Курск: ГУИПП «Курск», 1998. С. 5.

архаичные элементы русской культуры и образцы фольклора. На этом основании там в постсоветское время выковывалась идея о Русском Севере как прообразе и символе всей России, «Земле Обетованной», о его особом предназначении в духовном преображении современной России; путем к этому провозглашается областничество, понимаемое как административное устройство русских земель допетровской эпохи³¹.

В-третьих, идея рефугиума может сочетаться с метафорой «прародины». Например, в Архангельской и Мурманской областях стараниями московского философа В.Н. Демина³² становится популярной идея о происхождении мировой цивилизации едва ли не с Кольского полуострова, где обитали якобы далекие предки русских – «гипербореи», или арии³³. Миф о «предках-арийцах» привлек внимание и некоторых пропагандистов «русской цивилизации», приписавших ей «гиперборейские арийские корни»³⁴.

4. *Идея политической специфики.* В ряде случаев самобытность связывается не столько с культурными особенностями, сколько с особым политическим устройством. Такая версия истории характерна для Великого Новгорода, который представляет себя древним центром демократической формы правления, что сближает его с городами Западной Европы и выделяет на общем фоне Древней Руси. В учебном пособии особое место уделяется новгородскому вече как носителю самоуправления и главному символу Новгорода. Наряду

с этим немало говорится и о берестяных грамотах, рисующих древних новгородцев образованными людьми, что также выгодно отличало их от остального населения Руси. Обращает на себя внимание тот факт, что львиная доля пособия (80% всего объема), предназначенного для учащихся 5–9 классов, посвящена демократическому периоду в жизни Новгорода, т.е. до 1570 года, когда новгородская республика пала³⁵. Иными словами, новгородская республика показана не только единственным оплотом демократии в истории Руси, но и примером для будущей демократической России, хотя об этом в открытую и не говорится.

5. *Идея героики,* делающая акцент на местных исторических деятелях, оказавших влияние на ход российской истории. С этой точки зрения весьма показательным выглядит пример Костромской области, где по инициативе ее бывшего губернатора В.А. Шершунова в 2001 году была принята программа исследования памятных мест, связанных с именем Ивана Сусанина. Программа была успешно реализована, и местным археологам удалось обнаружить «захоронение самого Ивана Сусанина». Это произошло в нужное время, когда в России обсуждалось введение нового праздника, «Дня народного единства», и властям требовались весомые аргументы в пользу значимости избранного для него исторического события³⁶. И хотя, по мнению непредвзятых специалистов, «с точки зрения археологии об обнаружении останков Ивана

³¹ Терехин Н.М. Сакральная география Русского Севера. Религиозно-мифологическое пространство севернорусской культуры. Архангельск, 1993.

³² Демина В.Н. Тайны...; он же. Загадки Русского Севера. М.: Вече, 1999; он же. Гиперборея. Исторические корни русского народа. М.: Вече, 2000.

³³ Кузнецова С. По следам Гипербореи // Полярная правда. 1997. 21 августа. С. 1; Большакова Н. Зов Святоозера // Свет. 1998. № 2. С. 12–16. «Открытия» Демина были отмечены даже телевизионным каналом ОРТ 22 ноября 2002 года, и им была посвящена серия статей в еженедельнике «Аргументы и факты» в ноябре 2006 – марте 2007 года.

³⁴ Можайскова И.В. Духовный образ русской цивилизации и судьба России. М.: Студия «Вече», 2001. Ч. 1. С. 464–485.

³⁵ Сеченикова Л.Ф., Коложвари И.А. Великий Новгород и я. Рабочая тетрадь. М.: Просвещение, 1998. При этом существенную роль в репрезентации жизни древнего Новгорода играют археологические находки.

³⁶ Малахов А. Сусанина опознали // Российская газета. 2005. 30 марта [http://www.rg.ru/2005/03/30/susanin.html].

Сусанина в Исуповском могильнике говорить пока не приходится», власти Костромской области уже ставили вопрос и о канонизации останков, и об их торжественном захоронении в каком-либо престижном месте. Впрочем, при всей его значимости подвиг Ивана Сусанина рассматривался лишь как момент в славной истории области, и власти выдвигали гораздо более величественную задачу для археологов: «удревнить костромскую историю как минимум на 13000–14000 лет», а заодно удревнить и историю города Костромы³⁷.

6. *Геополитический миф*. Иногда претензии на свою особость ищут основания не столько в культурной специфике, сколько в бесценном вкладе данного региона в развитие человеческой цивилизации. В частности, в последнее время на Урале расцветает миф, основанный на богатых местными символами сказах, созданных когда-то П.П. Бажовым. Миф представляет Урал как «землю отмеченную, занимающую особое место на планете». Из него следует, что не люди облагородили и одухотворили территорию обитания своей деятельностью и своими духовными представлениями, а сама местная земля в силу своих сверхъестественных качеств наделила людей особыми талантами. Исторический дискурс присутствует и здесь, но он уже не самостоятелен, а является заложником геологии. Якобы именно геология сделала Урал «прародиной древних народов», наделила их «избранностью» и придала им «особую миссию». В этом контексте Аркаим и «страна городов» рисуются внешним выражением действия тайных оккультных сил, содержащихся в уральской земле³⁸.

Эта тема получает развитие и в Омской области, где, по учению индийского гуру Бабаджи, якобы располагалось

главное святилище всего человечества, Храм Ханумана, воздвигнутое ариями, которые именно оттуда разнесли священные ведические знания по всему свету. По этому учению, лишь восстановление святилища способно спасти мир от вырождения и грядущей катастрофы. Этот миф также делает упор на оккультных свойствах местности и наделяет ее особой миссией, имеющей всемирно-историческое значение. Однако исполнить такую миссию способен не каждый. Священная история этнизируется, и легендарный Рама, битва которого с демонами переносится в Западную Сибирь, оказывается «светловолосым славянином». По этой логике и «арии» отождествляются со «славянами». Место, о котором говорится в мифе, было локализовано последователями неоиндуистского учения в долине р. Тара, необычайно богатой археологическими памятниками. С 1992 года там обосновалась религиозная община и ежегодно проводятся ведические обряды. Так местная деревня Окунево стала предметом паломничества любителей эзотерики и восточных культов не только из Омска, но даже из Москвы и из-за рубежа. Приверженцы упомянутого учения верят в то, что сейчас заканчивается страшная эпоха калиюга, близится катастрофа, которая погубит Англию и США. Но Россия должна спастись, и ее расцвет начнется в Сибири, причем окуневский центр послужит чем-то вроде ковчега, в котором когда-то спасся легендарный Ной. Иными словами, именно Западной Сибири предназначено стать центром возрождающейся цивилизации, а Окуневу отводится место важнейшего «энергоцентра», куда из космоса поступает спасительная энергия³⁹. Остается добавить, что своей широкой популярностью

³⁷ Беляев Л., Бужилова А., Петров А. Патриотический скелет в народном шкафу // Родина. 2007. № 8. С. 58–63.

³⁸ Никулина М. «Про старинное житье и про тайную силу» // Урал. 2000. № 6. С. 165–179.

³⁹ Речкин М. Окуневский ковчег // Свет. 1996. № 5. С. 49–50; он же. Окуневский ковчег – 2 // Свет. 1996. № 9. С. 62–63; он же. Прогнозы с планеты Сатурн // Свет. 1998. № 1. С. 50–51; он же. Сибирский Китеж-град // Наука и религия. 1998. № 9. С. 20–23, № 10. С. 12–15; Мач В. Точка радости // Итоги. 2006. 27 февраля. С. 84–87.

тью все эти фантазии обязаны уроженцу долины р. Тары, журналисту М. Речкину, сумевшему заинтересовать ими влиятельных людей области. В результате в долине р. Тары был построен бальнеологический и туристический комплекс, а губернатор Омской области Л. Полежаев подписал указ о признании Окунева и его окрестностей историко-культурной рекреационной зоной.

В свою очередь Пермь также претендует на звание «центра мира» и символическими способами пытается отвоевать для себя место как в центре глобального пространства, так и в начале исторического времени. Здесь это обосновывается не только геологическим богатством Урала, но и геологической хронологией, позволяющей вынести Пермь далеко за пределы человеческой истории и связать с «пермским периодом» (т.е. 250 млн лет назад). Конкурируя с Окуневым, Пермь также представляется местом концентрации энергий, исходящих как из недр Земли, так и из космоса. И это якобы также придает ей некую цивилизационную миссию и делает ее «спасительным ковчегом», призванным отвести от человечества приближающуюся катастрофу. Одновременно Пермь рисуется не только центром мира, но и границей между мирами: в одних версиях она выглядит «вратами в Европу», в других – «вратами в Сибирь». Эта граница имеет и иное символическое преломление – как духовная граница (между христианством и язычеством) и историческая граница (между Московской Русью и Российской империей). И это пограничное состояние задает тревожный тон образам Перми, культивирующимся перм-

скими интеллектуалами в течение последних 20 лет⁴⁰.

Идеи центра и границы популярны и в Екатеринбурге. Представляя себя серьезным конкурентом Москвы и оттеняя свою высокую экономическую и культурную значимость, Екатеринбург еще 15 лет назад стал внимательно присматриваться к евразийской идее. А в начале XXI века он начал примерять к себе одежды «столицы Евразии» и культивировать местную версию евразийской идеи. Этим он стремится позиционировать себя мостом, связывающим континенты, и в то же время центром, где сохраняется самобытное культурное и историческое наследие⁴¹. В мае 2000 года Екатеринбург стал центром Уральского федерального округа, однако статус «столицы Урала» не утолил его амбиции, ибо ему хотелось большего. В конце мая 2002 года эти претензии были озвучены на Всероссийской научно-практической конференции «Екатеринбург: от завода-крепости к евразийской столице». Там мэр города А. Чернецкий подчеркнул расположение города на границе Европы и Азии, назвав это большим символическим капиталом, и, исходя из этого, было принято решение о строительстве туристического комплекса «Европа-Азия»⁴². Знаковое название «Евразия» пользуется в городе популярностью. В частности, его гордо носит местный баскетбольный клуб, и в области ежегодно проводится лыжный марафон «Европа-Азия».

Итак, версии исторического развития регионов и репрезентации этого развития нагружены глубоким политическим или этнополитическим смыслом. Они находятся на службе символической по-

⁴⁰ *Абашев В.В.* Пермь как центр мира. Из очерков локальной мифологии // Новое литературное обозрение. 2000. № 46. С. 275–287. Не исключено, что эта тревожная атмосфера, созданная мифом, повлияла на местных сектантов, объявивших в конце 2007 года о близящемся Конце Света.

⁴¹ *Болотова А.* Европа – Екатеринбург – Азия // Родина. 2003. № 8. С. 61–63; *Давыденко А.* Власть языка и язык власти (анализ регионального мифа) // Венедиктова Т. (ред.) Популярная литература: опыт культурного мифотворчества в Америке и в России. М.: Изд-во Московского университета, 2003. С. 83–84.

⁴² *Казанцева Т.* Стефан обещал вернуться // Уральский рабочий. 2002. 24 мая. С. 1; Мэр подвел итоги конференции // Уральский рабочий. 2002. 25 мая. С. 1.

литики и связаны с символическим освоением исторического времени и пространства. Показательно, что в рассмотренных версиях истории нет и намек на гражданскую идентичность, зато постоянно подчеркивается идентичность этническая, русская. При этом символическая экспансия русскости идет каквширь (смена топонимики, возведение памятников), так и вглубь (углубление истории русского народа в целом или в частности, в данном регионе). Любопытно, что это происходит на фоне отлива русского населения с северных территорий, с Дальнего Востока и из республик Северного Кавказа. Поэтому речь должна идти не столько о реальной экспансии, сколько о стремлении сохранить за собой территорию символическими способами. Ярким свидетельством этому служит «арийский миф», и весьма показательно, что «народная археология» направляет свои усилия на изучение крайних пределов территории России – крайнего юга (Эльбрус, «раскопки» Асова) и крайнего севера (Кольский п-ов, «раскопки» Демина), где русское население продолжает таять и его присутствие становится эфемерным. Кроме того, объявляя Арктику «гиперборейской прародиной», т.е. прародиной «славяно-русов», «арийский миф» пытается наделить русских абсолютной самобытностью и противопоставить их остальному миру, подчеркивая «особый путь», которым якобы испокон веков следует «русская цивилизация». Но, изолируя первопродков от всех других народов мира, он, во-первых, страдает очевидным изоляционизмом, а во-вторых, имеет безусловный расистский привкус.

Если в нерусской среде выковываются этноцентристские мифы о прошлом⁴³, то в русских регионах доминирует стремление не столько заявить

о своей какой-то особой этничности, отличной от русской (хотя, как мы видели, и такие примеры встречаются), сколько, напротив, продемонстрировать свою некую сверхрусскость. Фактически регионы борются за статус «суперрусских», достойных быть русскими в большей степени, чем все остальные. Этому придается исторический ракурс, т.е. в регионах связывают свою землю с истоками тех или иных атрибутов русского народа: происхождением его языка, государственности, традиционной культуры или даже его самого. Мало того, иной раз русский народ рисуется едва ли не первонародом с присущей ему культуротворческой и цивилизаторской миссией. Свое крайнее выражение это находит в «геологическом подходе», выводящем как данный регион, так и Россию в целом за пределы человеческой истории и наделяющем их некой космической энергетикой, позволяющей претендовать на особое место в современном мире. Все это хорошо согласуется со становящейся вновь популярной имперской идеей и претензией на доминирующее положение русских в России как «государствообразующего народа», а также со стремлением России вернуть себе статус сверхдержавы на мировой арене.

Особая ситуация наблюдается в окраинных регионах, где русские не столь уверены в своей безопасности, как обитатели центральных территорий. Поэтому там принимаются особые меры по интенсивному символическому освоению пространства, наполнению его символами русскости. Создателям местных версий истории это кажется тем более важным, что в постсоветское время наблюдается все большее расхождение между имперскими представлениями о «присоединении» и «добровольном вхождении», характерны

⁴³ Шнирельман В.А. Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. М., 2003; *он же*. Быть аланами. Интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX в. М., 2006; *Shnirelman V.A. Who Gets the Past? Competition for Ancestors Among Non-Russian Intellectuals in Russia. Washington D.C., Baltimore & London, 1996; idem. Purgas and Purgel: Urahenen der Mordwinen und Paradoxa der mordwinischen Identität // Eugene Khelinsky (ed.) Mari und Mordwinen im heutigen Russland: Sprache, Kultur, Identität. Wiesbaden: Harrasowitz-Verlag, 2005. S. 529–563.*

ми для федеральных учебников истории, и постколониальным настроем многих историков в этнонациональных республиках, где прежней популярностью пользуется идея о «колониальном завоевании». Все это приводит к конфликтам, которые иной раз выходят далеко за рамки интеллектуальных битв.

В то же время нетрудно заметить, что сегодня региональные или локальные версии истории нередко создаются для одноразового использования – празднования юбилеев и получения для этого

обильного финансирования. Кроме того, некоторые из таких версий предназначены своими создателями для развития туризма.

Данная статья не претендует на то, чтобы полностью описать все версии истории, существующие в разных регионах России. Рассмотренные в ней версии истории являются, разумеется, далеко не единственными. Однако они дают представление о некоторых важных дискурсах, встречающихся сегодня в российском обществе и у его интеллектуальной элиты.

От этнической нации к политической – возможно ли это в России?

25 февраля 2008 года в Общественном центре имени А. Сахарова состоялась дискуссия на тему «От этнической нации к политической – возможно ли это в России?», проведенная в рамках первого совместного заседания постоянных семинаров Центра имени Сахарова («Российское общество сегодня: вопросы и ответы»), Товарищества выпускников Института Кеннана («Особенности российской модернизации») и Аналитического центра Юрия Левады. Основные участники обсуждения – доктор политических наук, профессор Государственного университета – Высшей школы экономики (ГУ – ВШЭ) *Эмиль Абрамович Паин*, доктор философских наук, директор Левада-Центра *Лев Дмитриевич Гудков* и доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН, профессор Московской высшей школы социальных и экономических наук (МВШСЭН) *Владимир Сергеевич Малахов*. Вела заседание кандидат исторических наук, преподаватель МВШСЭН *Татьяна Евгеньевна Воровжейкина*. Публикуем в немного сокращенном виде материалы этой дискуссии.

Э. Паин:

Вначале об объединительном процессе. Много сейчас развелось в Москве семинаров. На них ходит мало людей, и нам надо как-то объединяться. Дело не только в том, что нужно объединять экспертные ресурсы и финансовые для издания результатов этих бесед. Возможно, объединение даст и новые направления нашей работы. Несколько слов о семинаре «Особенности российской модернизации», которым я и профессор О. Волгогонова руководим уже четыре года. Нас интересует специфика развития современной России в сравнении с другими странами (или группами стран), типологически причисляемыми к Западу и Востоку, а также истоки этой специфики. Главный же вопрос: такой ли уж особый путь у России? По итогам этого семинара подготовлен сборник статей известных авторов. По составу это экспертный семинар, у нас нет слушателей. Небольшая группа людей приходит для обсуждения поставленной

проблемы. Каждый семинар завершается кратким изложением основных идей и хода дискуссии в «Вестнике Института Кеннана в России».

В поле зрения всех трех семинаров – вопросы современности. Не могу сказать, что диагноз нынешней ситуации поставлен, да и вряд ли он возможен. Тем не менее хотелось бы понять не только природу современных проблем, но и то, как перейти от сегодняшнего дня к будущему. Какие предпосылки к такому переходу существуют? Поиск реальных стимулов к переменам, мне кажется, и должен стать центром внимания нашего объединенного семинара. Это не значит, что прекратятся отдельные семинарские заседания в рамках уже существующих коллективов, но если три наших группы будут собираться вместе, то главным для нас мог бы стать вопрос о том, в какой мере созревают факторы, подвигающие Россию к переменам. Когда в обществе возникнет спрос на перемены? Какие социальные

институты могут выступать в качестве локомотивов этих перемен? И тут я перехожу к теме сегодняшнего семинара.

Под политической нацией я понимаю общество, сложившееся в масштабе страны и объединенное прежде всего осознанием себя в качестве суверена, источника власти, носителя национальных, то есть общественных интересов. В этом смысле пока в России обществу-нации нет. Бесчисленные срывы модернизации, которые проходили в истории, как раз и свидетельствуют о том, что без его формирования будет воспроизводиться одна и та же коллизия. Верхушечные слои, откликаясь на вызовы времени, начинают модернизационные преобразования и обрывают их, как только достигают эффекта самосохранения. То же повторяется и ныне и, скорее всего, будет повторяться, пока не появится общество, которое сможет стать субъектом модернизации, проводя ее не в интересах каких-то корпоративных групп, а в интересах всей политической нации. На какой же основе может складываться это самое общество-нация? Я, разумеется, не ставил себе задачи перечислить здесь и сейчас все возможные факторы этого процесса. Меня интересует только один аспект. То, что я вам говорю, – не систематизированный доклад. Это размышления, которые, признаюсь, не привели меня к окончательному ответу. Примите мои рассуждения как провокацию, поскольку я посягаю на табу и рассматриваю, сугубо теоретически, нынешнюю этническую мобилизацию не только как угрозу либеральным ценностям, но и как резерв модернизации.

Про угрозы роста негативной этнической консолидации в нашей среде мы много говорили. А вот в какой мере это явление может быть стимулом к формированию гражданской и политической нации? Если обратиться к истории, то на европейском континенте я не знаю случая, при котором формирование политической нации не опиралось бы на предшествующую этническую консолидацию. Так происходило в тех странах,

которые вырывались из империй и складывались в национально-освободительной борьбе. Там этот процесс этнической консолидации, совмещенной с политической, был практически неизбежным. Будь то Голландия в борьбе с Испанией; Греция, Болгария, Албания – с Османской империей; Чехия, Словакия – с Австрийской; Польша, Эстония и т. д. – с Российской и Советской империями. Но ведь и те страны, которые являлись центрами империи, в значительной мере формировали свои национальные сообщества, также используя так называемые аскриптивные формы идентификации. Прежде всего этнические, а в некоторых случаях и религиозные. Наиболее ярким примером является Турция. Ее этническая консолидация предшествовала политической и в значительной мере была связана с противодействием тем силам, которые стремились сохранить имперское начало в Турции.

Множество таких явлений можно наблюдать и в других странах. Но все это было в прошлом. А сейчас это возможно? К тому же за пределами Европы известны случаи, когда политические нации формировались, пусть нечасто, на внеэтнической основе. Прежде всего речь идет о Латинской Америке. Хотя как раз большая часть ее государств показывает, что происходит, когда не формируется политическая нация, и как сложно ее сформировать в условиях, когда глазу не за что зацепиться. Один язык, кроме Бразилии, одна религия на всем континенте. Многочисленные группы пришлого населения из Европы не переплавились в единую нацию совместно с различными этнографическими группами индейских народов. И как результат Эрнандо де Сото говорит о том, что больше 80 попыток провести модернизацию в странах Латинской Америки обрывались по той простой причине, что национальные проекты не могут реализовываться без опоры на нацию, нацию-общество, я имею в виду, а не обязательно этническую нацию.

Арабский мир. Государство есть, нации нет, поскольку консолидация происходит на надгосударственном этническом уровне (единая арабская нация) или еще чаще на религиозной основе. Это помогает им иногда объединиться в борьбе с карикатурами в датских газетах, но на внутригосударственном уровне консолидации нет. И когда нет диктатора, происходит жесточайшая внутренняя междоусобица, модернизации останавливаются.

Россия. Сегодня видна такая закономерность, особенно в центральных районах страны. Можно творить любой произвол где-нибудь в Тамбовской, Саратовской или Рязанской области. Любые формы подавления населения воспринимаются почти безразлично, хоть дустом травите, ничего не происходит, уйдут на кухню, выпьют, уедут. Но стоит этому чужому, этому обидчику приобрести этнически специфическую форму – тут же начинается консолидация. Кого удивит такой факт: два уголовника сидели в ресторане, выпивали, попросили официанта налить бесплатно, тот отказался, вызвал «крышу», которая покрошила всех виновных и невиновных. Каждый день мы с этим сталкиваемся во всех районах. Но тут уголовники русские, официант – азербайджанец, а «крыша» чеченская. И что произошло? Кондопога. Получается, что сегодня без этнического маркера осознать, что такое «мы» и кто такие «они», чрезвычайно сложно. Что из этого вытекает? Весьма противоречивые тенденции. С одной стороны, все социальные проблемы этнизируются. Почему нам плохо? Потому что «эти» приехали, они с собой привозят болезни и наркотики, скупают наши квартиры, подкупают местных начальников, образуют коррупцию и т.д. С другой стороны, понятие «мы – хозяева страны», то есть понятие народного суверенитета, с которого начинались процессы становления нации в той же Франции и т.д., пока что осваивается в массовом масштабе только через этническую консолидацию. Общест-

во переполнено ксенофобией. Но если вы прочитаете тексты деятелей Великой французской революции, то увидите, что они были ничуть не меньшими ксенофобами как по отношению к другим странам, так и по отношению к своим меньшинствам – корсиканцам, провансальцам и т.д.

История знает два вектора развития связи между этническим и политическим. В тех случаях, когда этническая консолидация служила всего лишь буксиром для осознания общности «мы», а центральной идеей сплочения выступали политические или социально-экономические цели (борьба с деспотией, силами, препятствующими развитию собственности, голодом и т.д.), происходила быстрая трансформация этнической консолидации в политическую. Формировалась нация вокруг этнического большинства, выдвигающего как фактическое большинство важнейшие политические цели. Но известна и совершенно иная тенденция, когда этнические цели, а именно цели доминирования одной этнической или расовой группы, становились преобладающими. В этом случае общество двигалось к фашизму. Идея иерархии народов соединялась с идеей о некоей национальной миссии, с идеей об особом национальном характере, пришитом к телу нации на вечные времена, с идеей особого пути, особой цивилизации и т.п. Многие из этих идей известны вам по фразеологии сегодняшних текстов в России. Куда пойдет Россия, которая сейчас на перепутье? Если смотреть по характеристикам националистических группировок, которые растут быстрее, чем все другие формы самоорганизации в стране, то они уже расистские, а большая часть и фашистская. Но они не составляют и 2% от общей массы людей, охваченных ростом этнического самосознания. А эта масса не националисты и не расисты, это дезориентированное население, которое не понимает истоков проблем, которые его одолевают. Оно находится в атмосфере, когда не только власть,

но и оппозиция охвачены паникой, ощущением застоя, склонны к примордиалистскому видению проблем нации, к тому, что существуют какие-то «природные» ее особенности. Если власть говорит о российской цивилизации как о тысячелетнем величии, то оппозиция зачастую утверждает то же самое, только с другой оценкой – тоже тысячелетнее, но рабство.

Еще раз повторю, у меня нет твердого представления о том, в каком направлении будет развиваться ситуация в России: по первому или второму сценарию. У меня нет уверенности, напротив, есть сомнения в возможности того, что в нынешних условиях возможна политическая консолидация на основе предшествующей этнической. Вот в чем я убежден, так это в том, что проблему массового роста этнической озабоченности этнического большинства, которое, может быть, впервые в истории ощущает тревожность большую, чем меньшинства, обойти нельзя. Так или иначе, с ней что-то нужно будет делать. Я также хорошо понимаю, что эта проблема не разрешима без опоры на общество. Даже если бы случилось чудо и к власти пришел добрый и мудрый царь с идеями либерализации и т.д., то и он не справился бы с этой проблемой, опираясь только на государственный аппарат. Если само общество не может с ней справиться, то этническая возбужденность лишь усугубляется, перерастая в откровенный этнический национализм. Это показывает опыт множества стран.

И наконец, еще один аспект. Среди моих знакомых есть группа людей, которых я условно называю «марсиане» (без обиды для них, это мое типологическое обозначение), которые полагают: зачем нам сейчас думать о каких-то нациях этнических или политических? В условиях глобализации будем жить единым человеческим общежитием, и не о чем думать. Может быть, с этих позиций сегодня кто-то будет выступать. По этому поводу у меня тоже есть что сказать.

Я свою провокацию закончил и очень рассчитываю на ее активную критику. Я доверяю людям, которые будут моими оппонентами, уважаю их как специалистов и надеюсь, что мы сообща придем к конструктивным выводам.

В. Малахов:

В первый раз я услышал этот тезис Э. Паина около года назад и сразу сделал стойку. Не верю я в возможность такой эволюции волшебной: от этнической нации к политической. Но я хотел говорить немножко из другой перспективы – методологически что ли построить перпендикуляр к речи Эмиля Абрамовича, рассуждая из другой методологической парадигмы. Лет уже десять я занимаюсь проблематикой национализма и все больше убеждаюсь, что правы те исследователи, которые предлагают вообще изъять из академического словоупотребления термин «нация». Не из публичного, а из академического. Резон очень прост: не надо принимать за аналитическую категорию практики, пользоваться в качестве инструмента анализа тем, что является инструментом политической борьбы. И я попытаюсь говорить о проблемах, которые поставили организаторы семинара, избегая терминов «этническая нация», «политическая нация». Я не совсем понимаю, что это такое. Но я понимаю, что такое солидарность и что такое гражданство. Вопрос, который поставлен семинаром, – это вопрос о противостоянии, противопоставлении двух способов, двух форм построения солидарности, основанной на общности происхождения, понимаемой либо в терминах крови, либо в терминах культуры, биологических или культуралистских, исторических терминах (общность истории, например), или общем политическом выборе.

Что такое нация? Это общество, на которое спроецированы чьи-то ожидания. В зависимости от того, какие это ожидания, мы получаем дефиниции типа «запоздавшая нация», как у Гельмута

Плесснера, «молодая нация», «дряхлая нация», «несостоявшаяся нация» и т.д. Я пытаюсь этих пафосных понятий избегать и говорить о двух вещах – о солидарности и гражданственности. Почему люди не хотят солидаризироваться по принципу общего гражданства? Почему они упорно группируются не вокруг символов политических, общей судьбы политической, общего выбора политического, а вокруг каких-то символов племенной, примитивной, если угодно, общности? Для меня это вопрос не нормативный, не вопрос сущего и должного, не вопрос отсталости, отсутствия сознательности, политической культуры. Нет политической культуры, не сформировано гражданское самосознание – все это так. Но это нормативное рассуждение. Я бы хотел из этой плоскости уйти и поставить вопрос о том, каковы материальные, институциональные и дискурсивные условия, блокирующие формирование политической или гражданской солидарности. Я очень кратко их обозначу, начав с конца.

Дискурсивные условия, препятствующие производству солидарности на гражданской основе, на мой взгляд, – это прежде всего этноцентричная картина мира, этноцентричное мышление, которое благодаря господству бромлеевской и гумилевской школ у нас утвердилось, и пока еще не видно этому конца, потому что кафедры воспроизводят аспирантов, учебники издаются огромными тиражами, Гумилевым завалены книжные полки, альтернативы фактически никакой.

Институциональные условия – это фиксация этнической принадлежности в паспортах, отмененная всего лишь 10 лет назад. Сейчас ее продолжают фиксировать в других документах. Это, конечно, институт переписи, где у вас спрашивают о вашем родном языке. К институтам относится, разумеется, этническая государственность, деление территорий по национально-территориальному признаку.

Теперь о том, что меня больше всего интересует, – о материальных условиях. Здесь я бы хотел говорить о насильственном характере перехода от одного политико-экономического режима к другому. Тот переход, который у нас состоялся в октябре 1993 года (а не в августе 1991-го), был связан с навязыванием определенной политико-экономической модели. Это тот тип государственно-монополистического капитализма, который у нас с тех пор стал развиваться, и этот переход можно проинтерпретировать как смену режимов гражданства. Что такое гражданство как не устройство, приспособление, институт, определяющий доступ индивидов к социальным благам? И соответственно, характер, объем этого доступа. Какие индивиды, на каком основании, какие блага могут получать. Иными словами, это вопрос о правах.

Существует несколько режимов гражданства, но у нас произошел переход от авторитарно-социалистического режима к либеральному или неолиберальному, если хотите. Авторитарно-социалистический режим характеризуется большим объемом социальных прав, минимумом гражданских и почти полным отсутствием политических прав. Либеральный режим, наоборот, – это большое количество политических, гражданских прав и минимум или отсутствие социальных. То, что произошло у нас, – это смена режимов гражданства, когда огромное большинство населения оказалось лишенным базовых прав, просто оснований существования, получив при этом политические права. Если утрировать ситуацию, то человек получил право голоса, не имея права на достойную оплату труда или, может даже, на своевременное получение своего скромного жалования. Это, конечно, привело к понятному ресантименту – чувству самой злобной зависти или завистливой злобы, которая в случае наложения – тут я хочу пополюемизировать с Эмилем Абрамовичем – социальных границ на этнические различия действительно бывает взрывоопасной.

Или, как бы сказать, степень этого реваншизма удваивается, удесятеряется, если тот, кто страдает от несправедливости, видит, что причина (на его взгляд) этой несправедливости, субъекты, которые за это не несут ответственности, еще от него отличаются культурно, этнически и т.д. Но я бы все-таки не стал употреблять такие термины, как этническое самосознание, рост этнического самосознания. Я не понимаю, что это такое. Мне кажется, что тут надо использовать более сухие категории, например «социальные границы» и «наложение социальных границ на этнические различия». Если же говорить о перспективах формирования гражданской солидарности, то это, наверное, изменение условий, о которых я говорил. Прежде всего материальных. И если быть честным, то у меня на этот счет очень пессимистический прогноз.

Л. Гудков:

Я не могу считать себя специалистом по этнонациональным процессам, хотя вот уже 20 лет пытаюсь отследить динамику массовых настроений на базе эмпирических опросов Левада-Центра. Начиная примерно с 1993–1994 годов действительно происходит рост этнической консолидации. Матрица пустого самоутверждения «Мы – русские» (этнические русские) выходит на первый план среди разнообразных представлений об этносоциальной общности и стереотипов идентификации. Эта конструкция «мы» не связана ни с какими достижениями или позитивными ценностями, она определяется чисто негативно, через антипатию к «другим», «чужим», через быстрое выстраивание этнической иерархии и требование предпочтительных прав, предоставления преимуществ для большинства (руководящих должностей, привилегий в социальной сфере, в сфере образования, медицинского обслуживания, жилья, работы и т.д.). Я бы подтвердил фактически то, о чем говорил Э. Паин: идет явный рост низовой, неидеологи-

ческой консолидации на базе фобий и этнических или расовых антипатий. Причем эта консолидация направлена не только против мигрантов, «чужих», «кавказцев», но и против Запада, США, Европы. Именно установки «анти» и создают своего рода механизмы интеграции, консолидации и придают большинству населения чувство своего превосходства над другими, не основанное ни на каких достижениях. Рост позитивных чувств самооценности русского большинства в сегодняшних условиях обусловлен последней неудачей модернизации страны, с одной стороны, и изживанием коллективной травмы, вызванной распадом империи, с другой. Его «движущие силы» заключены в потребности компенсации и изживании сильнейших комплексов социальной, этнической, национальной неполноценности, ущемленности. Подобная конструкция самоопределения всегда строится по принципу «комплекса жертвы»: внутренне обусловленная агрессия в отношении других задним числом объясняется носителями этого сознания несовершенствами, недостатками или пороками других. Снижение других тем самым задает высокий статус самим себе. Именно таким образом и происходит коллективная интеграция, построенная как бы по этническому принципу. На этом, пожалуй, мое согласие с Эмилем Абрамовичем кончается. Потому что мало рассматривать нынешние изменения как чисто феноменальные процессы или как только этнически обусловленные движения.

Политическая нация или политическое общество – это другое выражение демократии как политического сообщества. Что мы понимаем под этим? Прежде всего – саму идею современного государства, основанного на разделении властей, с автономным судом, эффективным парламентом и политической системой, относительно свободной экономикой и т.п. Интеграция сообщества ведется по признаку принадлежности к системе институтов. В этом и заключа-

ется гражданство политическое, а не этническое (территориально-государственное чувство «мы»). У нас же получается совершенно другая картинка. Массовая российская этнонациональная идентичность основывается не только на партикуляристских признаках (вере в единство общего происхождения, квалификации по территории происхождения и проживания, хотя в последние годы значимость этих признаков заметно выросла) и национальных мифах (исключительности, особости, жертве, героизме, миссионерстве), но и на инерционном, многослойном отождествлении с властью, которое включает и символические значения империи, и тоталитарный режим, и бесконтрольный повседневный административный произвол. Конечно, уже поздняя советская, не говоря уже о постсоветской, власть утратила свою прежнюю идеологическую легитимность. Но техника господства предшествующего периода еще не исчезла. В этом смысле мы не можем выйти из тоталитарного прошлого. Оно продолжается в той мере, в какой не происходит реальной функциональной дифференциации институтов. Императивы разделения властей и необходимость институциональной автономии ощущаются очень остро, но реальные процессы автономизации и специализации сдерживаются самыми разнообразными способами.

Сила тоталитарного господства советского типа была в том, что любые аскриптивные, партикуляристские сообщества – семью, этническое общество, локальное сообщество, религиозные группы и другие объединения по не универсалистским основаниям – оно включало в свой состав как элементы тотального целого и тем самым использовало в качестве инструментов своего господства. Поэтому и сегодня этничность не противопоставляется авторитарной власти, а со всей необходимостью предполагает включение в нее и более или менее явную апелляцию к ней. Локальные бунты типа Кондопо-

ги или Ставрополя имеют порог своего распространения. Это оппозиция локальным властям и локальным противникам. Такие движения или эксцессы, несмотря на частоту их появления, никогда не будут затрагивать уровень коллективных символов и центральной власти. Напротив, они будут утверждать (и утверждают) сами символы этничности, русскости в качестве опорных моментов тоталитарного государства, символов державности, эмблематики империи.

Отсюда главная проблема модернизации России состоит не в трудностях «просвещения» народа, не желающего просвещаться и демократизироваться, не в сложности внесения либеральных идей и ценностей демократии (хотя отрицать значимость подобной работы было бы просто глупо), а в том, что и властью, и отчасти самим обществом подавляются возможности дифференциации институтов. Бедная периферия, не имеющая собственных ресурсов для выхода из хронически депрессивного состояния, вызванного и истощенностью деревни и малых и средних городов, и нынешним развалом советской системы социального обеспечения, деградацией инфраструктуры, взывает к властям, напоминая о прежних обязательствах и долге отеческой заботы о гражданах, тем самым поддерживая авторитарные структуры господства, разорившие страну. Не только система ВПК, но и другие «бюджетники», составляющие наиболее образованный и малоимущий слой госбюрократии, страдают от унижительного положения, в котором оказались прежние привилегированные группы, ностальгируют по былому величию и клянут всех и вся – реформаторов, «цветные революции», «предательство хохлов», устремившихся в НАТО, неблагодарность грузин, упорное недоброжелательство эстонцев, высокомерие американцев, силу олигархов, нынешнее коррумпированное правительство. Но либо госпатернализм, а стало быть, и авторитаризм

и полицейщина, либо рынок и демократия. Если индивидуализм воспринимается как аномия, как то, что враждебно национальному духу, то стерилизуются любые значения специализации, права (включая и права собственности), автономность отдельных специализированных институтов блокируется приоритетностью коллективных представлений, в том числе и этнических. Последние неотделимы от представлений об империи, героическом прошлом, от всего комплекса тоталитарного государства, блокируя возможность специализации институтов.

На протяжении последних 20 лет я вижу, как любые попытки разделения властей, разделения институтов гасятся самыми разнообразными средствами, в том числе и этническим сознанием. Тем самым, происходит периодический сброс нарастающей сложности и возвращение к общему представлению о тотальном целом, к чему-то вроде квази-«морально-политического» единства. Мы можем говорить, что разложение посттоталитарного общества-государства идет с разной скоростью в разных сферах. Довольно быстро выделились сферы, лишённые символического значения целого, – экономика, коммуникации, технологии и т.д., то есть все, что несет значения инструментальности, что не отмечено признаками коллективности, в том числе и этничностью. Но остается центральный социальный институт – система господства, – неререформируемый, не подлежащий рационализации, рефлексии, сомнению, который воплощает в себе патерналистские представления о всем национальном целом, о заботливой власти, решающей все социальные проблемы населения, и сохранение доверия к нему, безальтернативность представлений о его устройстве, организации власти гасят любые импульсы функциональной дифференциации институтов – того, на чем могла бы возникнуть политическая нация, разделение властей и общественная свобода.

Т. Ворожейкина:

Первый вопрос Эмилю Абрамовичу и аудитории: возможно ли вообще политическое наполнение категории нации в современных российских условиях? Продолжая под несколько иным углом зрения линию рассуждений Владимира Сергеевича, я хотела бы спросить: в какой мере такие понятия, как «нация», «национальные интересы», могут быть инструментом анализа и в этом случае «очищены» от этнической составляющей, особенно у нас в России? В целом ряде материалов, в частности в работах А. Миллера, мне встречались понятия «гражданская нация», «гражданский национализм». Не являются ли для России такие вещи оксюмороном, поскольку консолидация, как было показано в выступлениях Э. Паина и Л. Гудкова, идет на этнической основе. Я очень уважаю открытую постановку вопроса, но мне хотелось бы спросить Эмиля Абрамовича: наверное, основания для возможной эволюции этнической нации в политическую для него содержатся не только в том, что есть этническая мобилизация, надо с ней что-то делать и, может быть, стоит поискать в ней какие-то гражданские возможности, но и в чем-то другом? Ведь дело не только в том, что никаких других путей история нам не предоставляет.

Э. Паин:

Я этого не сказал.

Т. Ворожейкина:

Вы сказали, что в Европе все *nation states* развивались на этнической основе. Как те, что возникли в результате национально-освободительных движений, то есть там, где народы не были имперским ядром, так и те, которые были имперским ядром. В последнем случае позволю себе возразить. Я не знаю примеров трансформации этнической нации в политическую в бывших континентальных империях *без распада этих империй*. И Австро-Венгерская, и Ос-

манская империи распались до «ядерного» состояния – по этническим границам. В отличие от них Россия по этническим границам не распалась. Если бы процесс распада в 1991 году продолжился дальше, то есть отпал бы Кавказ и другие «нерусские» территории и остались бы некие русские образования с доминирующим русским населением, как произошло в Турции (где остались только курды, отличная от турок этничность которых не признавалась, а проявления ее насильственно подавлялись), тогда можно было бы сравнивать русский национализм с турецким, который действительно противостоял наследию Османской империи. Но можно ли очистить современный русский этнический национализм не только от ксенофобской, но и от имперской составляющей? Я лично в этом очень сильно сомневаюсь. А именно это – один из факторов, блокирующих превращение этнической нации в политическую.

Последнее мое соображение от имени тех, кого Э. Паин назвал «марсианами», – тех, кто считает, что в условиях глобализации лучше обойтись вообще без наций и национализма. Сошлюсь на разговор, состоявшийся у меня с Йенсом Зигертом, представляющим в России Фонд имени Генриха Белля. Он сформулировал свое понятие о современной немецкой идентичности следующим образом: это демократическая традиция, демократическое сообщество плюс область немецкого языка. В этом определении нет никакой этнической консолидации, и подозреваю, что в нем нет вообще этнических оснований. Может быть, имеет смысл, не изобретая велосипед, попытаться строить политическое сообщество в России на таких же основаниях? Одно из распространенных мнений заключается в следующем: если либералы, демократы, социалисты, кто угодно, абстрагируются от национального или даже националистического дискурса, они окажутся на обочине политической жизни. С этой точки зрения мы должны участвовать в этом дис-

курсе, поскольку он существует и является доминирующим. Или же мы должны не этим заниматься, а попытаться сформировать некое иное пространство, где гражданское и политическое сообщество строилось бы на принципиально иных основаниях, в том числе и на тех, о которых говорил В. Малахов?

Э. Паин:

Существует некая проблема, и хотелось бы ее экспертно обсудить. Чтобы обсудить, ее прежде всего нужно понять. Если будет непонятно, тогда с чем спорить? В России нарастают этнические проблемы, и тут, по-моему, никто этого не отрицает. Конечно, хорошо жить в радостном, светлом будущем единым человеческим общезитием; когда-нибудь это, возможно, и будет, были же когда-то индоевропейцы. Но живем мы сейчас и не на Марсе, а в России, где сложился комплекс ограничений на возможность построения политического сообщества, очищенного от этнической проблематики. Для меня вопрос обостренной этничности – это вопрос о тех самых ограничениях, которые препятствуют формированию такого политического сообщества. Зачем нужна нация? Я не считаю, что нация – это синоним современного, демократического государства, основанного на разделении властей, как полагает Л. Гудков. Если уж использовать термин «синоним», то нация – это синоним другой части политической системы, а именно общества. Как показала наша недавняя история (начала 1990-х годов) демократические институты государства быстро портятся без контроля со стороны такого важного элемента политической системы, как общество. В данном случае я иду вслед за Ренаном и другими классиками теории наций, которые характеризовали ее прежде всего как формы солидарности общества и освоения им идеи «народного суверенитета», т.е. осознания своей ведущей и центральной роли в политической системе. Без нации, строго говоря, и демократического государства быть не мо-

жет. Я не верю, что мы выстроим демократические институты, предоставляющие обширные права, и они, эти институты, потащат за собой общество. Это такая же утопическая идея, какой была в 90-х идея о костлявой руке рынка, которая сама по себе вытащит страну из пропасти и приведет ее в светлое будущее. Я полагаю, что строить нужно не только демократическое государство, но и нацию (*nation-building*), выращивая гражданское общество. Это взаимосвязанные, но в то же время и самостоятельные задачи. Без такого общества невозможно ни разделение властей, ни создание независимых судов, ни любые другие изменения институциональной системы государства. Сегодня центральным сдерживающим моментом демократического развития является как раз общественная компонента.

Я много мог бы чего сказать в ответ на предложение избегать употребления слова «нация». Пока замечу, что даже В. Тишков, который первый предложил эту идею, сам активно использует это слово, говоря, например, о «многонациональной нации». Говорит, поскольку обойти не может. Есть множество неприятных слов в политической науке. Более того, в ней вообще нет таких понятий, которые не были бы политически или идеологически маркированы. И если бы мы их выбросили, то говорили бы на языке Элочки-людоедки с тринадцатью словами, да и те были бы идеологически окрашены в любом случае. Владимир Сергеевич приводил примеры искусственности возникновения проблемы этничности в нашей стране. Вот у нас была этническая государственность, поэтому возникает обостренная этничность. Возражу: не было в Эстонии этнической государственности, а проблема этничности возникла. У нас была плохая перепись и этническая стратификация статистики. Нет во Франции ничего такого, а этническая

мобилизация и консолидация проявляются все больше. У нас стреляли по парламенту. В огромном количестве стран по парламенту не стреляли, а взрыв этнической мобилизации все равно происходит и практически повсеместно.

Жить единым человеческим общением – замечательно, и я с удовольствием бы согласился! Но как туда пробраться? Если поодиночке – нет проблем, переехал в страну европейского сообщества и живи уже в европейской кооперации. Если же вместе со страной в целом, то она должна отвечать определенным нормам, иначе ее не примут в европейские структуры. Как ее сделать соответствующей этим нормам? Это же и есть наш вопрос о нации, способной контролировать государство. Поэтому обойти его, перепрыгнуть невозможно.

Еще раз говорю, что мы знаем огромное количество примеров этнической или шире – аскриптивной консолидации, будь то Эстония, Чехия и даже Англия (не было бы борьбы со Стюартами, если бы значительная часть населения не консолидировалась на основах не только борьбы с абсолютизмом, но еще и по принципу «они – паписты, мы – протестанты»). Пока что фактор консолидации по аскриптивным признакам весьма значим в мире. Нравится это кому-то или нет. Следовательно, существует и вопрос: что с ним делать? Забыть – пожалуйста, совсем не трудно. Укроемся в научном сообществе, будем говорить на птичьем языке. Правда, потом, когда выйдем на улицу в стране Россия, игра «черное и белое не называть», «да» и «нет» не говорить» не получится. Так что придется эту тему обсуждать.

В. Ядов¹:

Есть ли хоть какие-то субъекты, которые способны вести к этой политической, гражданской, как хотите называйте, нации?

¹ Ядов Владимир Александрович – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии РАН.

Л. Литинский²:

Вопрос к провокатору о факторе глобализации, Интернета. Когда Вы говорили даже про Англию, к каким временам это относится? Современная тенденция – стирание национальных и этнических черт. Это раньше сидели по национальным и этническим загородкам, и это было основой мирозерцания. Мне кажется, сейчас времена меняются в этом смысле.

Н. Беляева³:

У меня два вопроса. Первый – В. Малахову. Мне очень понравилась идея найти другие формы солидарности. Хотелось бы, чтобы Вы поподробнее рассказали, откуда еще рождается солидарность, если она есть, кроме той национальной, которой мы хотели бы найти другое слово или другую форму. И если Вы изучали вопрос консолидации и гражданственности, из чего она возникает, какие есть примеры, сколько их и имеют ли они какое-то значение для России и других стран?

Второй вопрос к Л. Гудкову по поводу неразделенности значений имперскости и русскости. Ведь наверняка это тоже не 100%. Меня всегда интересует альтернатива. Мы говорим, что большинство вот такое. Но меньшинство какое-то другое есть? Есть ли ощущение разделенности, партикулярности, где значимы институты, а не просто единство квасного патриотизма? Какая-то альтернативная консолидация, из чего она происходит? Потому что, чтобы искать другого субъекта, надо попробовать найти, на основе чего он складывается.

Д. Драгунский⁴:

К В. Малахову у меня вопрос о размерностях, параметрах консолидации. Как может быть консолидация по какому-то одному лозунгу, принципу? Что

это – миллион человек, сто миллионов? Внутри достаточно большой группы будет ли какая-нибудь дифференциация возникать, и т.д.? Проблема консолидации крайне важна и плодотворна, но мы ее можем так же замифологизировать, чтобы не сказать – заболтать, как слово «нация». Поэтому хорошо бы какие-то технические характеристики консолидации услышать.

И вопрос к Л. Гудкову. В чем причина такой живучести тоталитарных техник власти? Почему народ, что называется «радно визжа», отдается деспотической власти, а та, удовлетворенно урча, принимает этот радостный визг? Почему эта идиллия творится уже столько времени в нашей стране?

Ю. Самодуров⁵:

Вопрос к Э. Паину. Я не знал, что тема семинара предложена Вами, и меня поразило, что сформулирована возможность какого-то абстрагирования этнической нации. Она правильно абстрагирована, но не упомянут вопрос конфессиональной консолидации. В Советском Союзе о ней и речи не было, а сейчас часто просто как две стороны одной медали подается: ты русский, значит, обязан быть православным, и наоборот, если ты православный, значит, ты русский. Каким образом сейчас соотносится этническая и конфессиональная солидарность, в Вашем представлении?

Л. Гудков:

Первый вопрос был о том, не стирает ли глобализация этнические компоненты солидарности. Не стирает. Они воспроизводятся на новых технических основаниях. Определенные сегменты Интернета не менее националистичны, чем «Советская Россия» или «Молодая гвардия». Более того, из-за отсутствия

² Литинский Леонид Борисович – заместитель председателя правления Фонда Андрея Сахарова.

³ Беляева Нина Юрьевна – кандидат юридических наук, профессор ГУ – ВШЭ.

⁴ Драгунский Денис Викторович – главный редактор журнала «Космополис».

⁵ Самодуров Юрий Владимирович – директор Музея и Общественного центра имени Андрея Сахарова.

цензуры там очень отчетливо проступает агрессивная националистическая компонента, которая в самом обществе присутствует значительно слабее. Расширение системы связей и инструментальных, технических коммуникаций не меняет ценностных или традиционных оснований солидарности. Напротив, по мере того, как общество становится чуть более открытым, усиливаются именно ксенофобские, этнические, я бы даже сказал – племенные, трайбалистские типы солидарности.

Почему народ с таким восторгом «отдается» деспотической власти? Я бы не сказал, что «с восторгом» (в массе такого отношения к властям нет, скорее есть неуважение, не надо путать персонификацию власти и отношение к власти в целом), но признает ее, поскольку не знает других возможностей. Главным консервативным моментом нашей системы является человек, приспособившийся к репрессивному государству. Он другого устройства общества и государства просто не знает. Нынешнее ему не очень нравится, у него масса претензий к правительству, суду, думе, милиции, федеральному и региональному чиновничеству. Но парадокс в том, что недовольство властью не меняет ее структуры, а напротив, усиливает ее. У нас недовольство концентрируется на социальной периферии, там, где живы этнические, советские представления. Недовольство заставляет людей требовать восстановления патерналистского и в этом смысле квазитоталитарного государства. Парадоксальным образом более довольные слои как раз менее связаны с нынешним режимом, чем те, кто недоволен им. Как изменить тип адаптированного к этой системе человека? Честно говоря, не знаю. Дело не в том, чтобы найти или изобрести какую-то чудотворную идею или идеи, не в идеологиях, а в том, чтобы сделать общество более разнообразным, более открытым, более специализированным. Не думаю, что можно найти какой-то один единственный фактор изменений

или социального, политического, морального субъекта, решающего, что может изменить ситуацию, или способного трансформировать систему, а в формировании множества импульсов к переменам.

Если говорить об этнической или традиционной русскости, то сегодня ее идеологи – это люди, поколение которых начало формироваться в конце 70-х годов, когда стало ясно, что коммунистическая идея, советская миссионерская идеология, даже в ее великодержавном варианте, например «доктрины Брежневца», умерла, когда обозначились первые признаки разложения советской системы. И реакцией на это была не западная либеральная идеология, не какая-то другая версия либерализма (правовое государство, свобода, процветание, цивилизация, многообразие, терпимость), а русский традиционализм. Он сегодня вышел во власть, стал почти что ее идеологическим базисом или главной составляющей. По существу, там нет идеологии, а есть куча сваленных вместе рутинных символов и архаических предрассудков, на которых держится и к которым апеллирует власть. Но именно тривиальность, затасканность этого идеологического мусора позволяет легко узнавать эти символы демаркации, разделения своих и чужих, обеспечивать взаимное опознание, устанавливать общий консенсус населения с этой властью.

Теперь по поводу этнического и конфессионального. Просто приведу цифры из исследования: 75% называют себя крещеными и 70% – православными. Из этого количества только 20–25% верят в Бога, загробную жизнь, бессмертие души, Страшный суд, спасение и прочее и только 3–5% регулярно посещают церковь, участвуют в церковной жизни. Конечно, это этноконфессиональная идентификация, но она чисто поверхностная, ярлыковая и никак не сказывается на глубокой этической проработке действительности, повседневной жизни, практики. Поменяли один тип ярлыка

на другой, но внутренняя структура человека, его базовые ориентации не поменялись или изменились не принципиально.

Отвечая на вопрос о меньшинстве, можно говорить – и то только в самом общем виде – о том, что примерно 10–15% взрослого населения России думают немножко иначе, чем основное большинство. Это молодые, более образованные люди, как правило, жители крупнейших городов, поскольку только здесь сложились предпосылки для дифференциации и известного многообразия; они более информированы, чем основная масса населения, то есть пользуются, как минимум, еще какими-то источниками сведений и интерпретации происходящего (как правило, у них есть 8–10 каналов получения информации), помимо двух основных каналов телевидения. По крайней мере, у половины из них имеется опыт выезда за границу. Это потомственные интеллигенты, принадлежащие среде, которая воспроизводится благодаря накопленному в семье символическому капиталу, располагает значительными – в сравнении с остальными – культурными ресурсами. Эти люди понимают, что демократия – это не возможность безнаказанно критиковать власть или брюзжать по поводу происходящего в стране, а определенный тип политического устройства, разделения власти, механизмы социальной и политической ответственности. Но я бы не сказал, что они готовы к какой-то консолидации, активности. Готовность участвовать в том, что можно назвать «гражданским обществом», характеризует не более 0,5–1%. Готовность участвовать самим в каких-то действиях, организациях – 0,4–0,5%.

В. Малахов:

Относительно допущения Эмиля Абрамовича, что у нас может, как в Восточной Европе, произойти перерастание этнической консолидации в гражданскую, политическую консолидацию. Как мне

кажется, случай России принципиально отличается от случая Восточной Европы или Прибалтики. Для них вектор национализма и национальной консолидации совпадал с вектором демократизации. «Прочь от недемократической Москвы в демократическую Европу». Поэтому националисты и демократы там часто шли, так сказать, параллельными колоннами. Хотя там много было гадкого, но векторы националистической и демократической, гражданской консолидации совпадали. В России они идут в разные стороны. Наши националисты в 1989 году вышли с лозунгом: «Народ, который не хочет кормить свою армию, будет кормить чужую». И так далее. Это были лозунги, которые не предполагали реформирования советского строя. После того, как он все-таки рухнул, лозунги националистов приобрели исключительно ксенофобско-шовинистическое содержание. Это было противопоставление себя как некоторой этнически консолидированной группы всем нерусским. Русский национализм был и остается шовинистическим национализмом. Перспективы его эволюции в гражданский национализм я не вижу.

Что касается параметров консолидации, то я не верю в большие размерности. Коль скоро нация – это проекция чьих-то ожиданий, мы должны спросить: чьи это ожидания? Если ожидания власти, то, наверное, она хотела бы, чтобы мы все стали управляемой, голосящей всегда «за» государственной нацией. Но не думаю, что человек, находящийся внизу социальной лестницы и едва сводящий концы с концами, может испытывать солидарность по отношению к людям, покупающим яхты размером с крейсер. Я не могу себе представить такого типа гражданской нации. По-моему, это некий фантазм властей предрежащих. Что касается других форм солидарности, то они возможны. Например, социально-классовая, идеологическая солидарность, солидарность с бастующими рабочими. Сейчас много появилось молодежных

объединений левого толка, не являющихся ксенофобскими. Это тоже форма гражданской солидарности.

Э. Паин:

Время меняется – этнические границы стираются? Лев Дмитриевич уже сказал, что ничего похожего не наблюдается. Было несколько глобальных взрывов этничности в XX веке, в начале XXI века мы переживаем еще один. Не уничтожается и проблема государства, даже на уровне Европейского союза, пока существуют государства как основной субъект его формирования. И даже единая конституция в пределах Европы еще затруднена. А уж представить себе, что Китай может раствориться в каком-то международном объединении в глобальном масштабе, совсем трудно. И Интернет этому не поможет. Для Америки ее государственные интересы, конечно же, важнее любых других, скажем атлантических. И экономические войны с Евросоюзом, и отказ от подписания Киотского соглашения, и разногласия с европейцами по внешнеполитическим вопросам это подтверждают. Значит, вопрос о едином человечьем общегитии, по крайней мере, откладывается.

Конфессиональное и этническое. Сегодня наблюдается два типа соединения этничности и конфессиональности. На большей части территории России конфессиональность – дополнительный атрибут этничности. Настоящий русский – это православный русский. Настоящий татарин – это суннит. На Северном Кавказе конфессиональная консолидация во многих районах заменяет этническую в качестве сплачивающего элемента противостояния Кремлю. Если раньше это был сепаратизм, то теперь вооруженное сопротивление властям базируется на идеях формирования неслетских, религиозных государств, в которых должны доминировать нетрадиционные для региона течения ислама. Сегодня на этой основе объединяются представители этничес-

ких групп, ранее враждовавших на Северном Кавказе. Это происходит в Дагестане и во многих других республиках. Сегодня лидеры чеченского сопротивления в большей мере мыслят категориями региона, чем категориями Чечни. Они скорее ориентированы на религиозную мобилизацию своих сторонников, чем на этническую.

Теперь насчет соединения этнического и демократического. Россия все еще империя. И в этом смысле представить себе ситуацию, что в Чехии, Польше, Украине возможен переход от этнической консолидации к политической, а, скажем, в Татарстане – нет, я бы не взялся. Далее, весьма сложны траектории движения от этнического и имперского национализма к гражданскому. Если взять лимоновцев, то у них произошла такая инверсия. Исходно это была самая имперская, ультранационалистическая, ультраксенофобская организация. Лозунги типа «Бей хачиков!» были для них типичны. Это единственная неформальная группа, которая хотела вооружить русских на Северном Кавказе для борьбы за присоединение региона к России. Сегодня же идея борьбы с политической системой, с режимом вытеснила у них идею национализма. По личным впечатлениям от общения с представителями этой части молодежных организаций могу сказать, что они похожи на жидкость, которая принимает форму того сосуда, в который ее нальешь. Как правильно здесь говорили, нет у нас массовой фанатичной религиозности, но нет сегодня в России и массового фанатичного национализма. Возможна ли трансформация такого не затвердевшего, пластичного этнического национализма в гражданский? Я не считаю это невозможным. Во всяком случае, нужно думать о том, как выводить сотни тысяч (если уже не миллионы) людей из националистического плена, а лучшей формой этого является трансформация целей их активности.

И наконец, об империализме и национализме. Действительно, русский на-

ционализм в значительной мере имперский. Хотя там есть две группы: одни себя называют имперскими, другие – антиимперскими и мутузят друг друга в прессе. Но объективно и тот, и другой национализм имперский по своим идейным основам – по стремлению создать этнически иерархическое государство, с доминирующей ролью представителей одного этнического сообщества. Однако по своим последствиям национализм всегда антиимперский. Почему? Империя может веками сопротивляться национализму меньшинств, однако она не может справиться с национализмом большинства, он ее и взрывает. Он ее взорвал в Турции и в значительной мере в России в начале XX века. Имперская власть, которая считает себя наднациональной, в конечном счете, провоцирует развитие фобий и национализма этнического большинства в целях самосохранения. И этим подвергает имперскую конструкцию наибольшей опасности.

Т. Ворожейкина:

Теперь предлагаю высказываться аудитории, сконцентрировав дискуссию на том вопросе, который Э. Паин поставил в своем первом выступлении: в какой мере нынешняя этническая мобилизация может обладать потенциалом к формированию гражданской, политической нации. Со всеми оговорками, которые можно было сделать к термину «нация» или к формированию гражданского сообщества. Хотелось бы попросить тех, кто будет выступать, если они считают, что нет, не может, то мотивировать – почему. А если считают, что может, то постараться относиться к тому вопросу, который сформулировал В. Ядов: кто может быть субъектом этого.

В. Ядов:

В нашей ситуации этническая мобилизация превратиться в гражданскую не может. Думаю, мы должны согласиться, что все существенные реформы в Рос-

сии происходили сверху. Значит, наверное, такая наша стезя. Исторически это колея такая. И я все-таки думаю, что есть особенности менталитета. Может быть, особого пути России нет, потому что у каждого народа свой, уникальный путь. Но наша особенность – это наш специфический менталитет. Потому что надеяться на чудо, на авось – это не всякому народу дано. Мы действительно уповаем на высшие органы власти, вождя, президента... Да, есть молодежь, которая и образована, и думает прогрессивно, но она политически пассивна. Я не знаю такой группы, которая была бы активна и в этом смысле способна кого-то объединить, мобилизовать, выступить.

Д. Драгунский:

Мне кажется, что вопрос о том, способна ли этническая консолидация при каких-то хороших обстоятельствах привести к гражданской консолидации и формированию гражданской нации, – это вопрос прошлого. Мы опять занимаемся догоняющей модернизацией, но уже в нашем ментальном круге. Сама идея консолидации, создания нации несет в себе слабо ощутимый тоталитарный привкус. Зачем мы решаем за всю нацию, что она должна во что-то превратиться? Она никому ничего не должна. Население Российской Федерации чрезвычайно разнообразно. Хотя 70% этих людей называют себя православными, 83% – русскими, я убежден, что под словами «русский» и «православный» они понимают настолько разное, что это разное вряд может стать основой консолидации даже в условиях внешней угрозы.

И структура занятости, и половозрастная структура населения, и структура политических лояльностей не оставляют никаких надежд для формирования гражданской нации в России. Для людей, которые хотят оказаться в гражданской нации, могу предложить стопроцентно эффективный, хотя абсолютно не патриотичный способ – индивиду-

альное членство в НАТО и Евросоюзе. А для других... Есть такая старая шутка. Девочка говорит: «Мама, у меня ноги немодной формы». А та ей отвечает: «Придется донашивать, какие есть». Наша страна вот так немодно устроена. Практически весь ресурс, все экономические успехи уходят на удержание территории. В этом смысле наша страна парадоксально похожа на Израиль. Только Израиль маленький, а Россия большая. А проблема та же. Начиная с пресловутого «транспортного плеча» и кончая необходимостью ставить РЛС по всему периметру – очень неудобная страна для гражданской нации. Как она будет развиваться, во что она разовьется? Может быть, она, как гоголевская птица-тройка, даст всему миру какой-то новый пример сообщества? А может быть, тихо разойдется между Югом, Востоком и Западом? Бог ее ведает, но я глубоко убежден, что гражданской нации европейского типа тут не будет, и не надо об этом мечтать. Тем более что европейские гражданские нации оказались перед множеством вызовов, этнических в том числе, которые ставят под вопрос структурную определенность этих наций.

Т. Ворожейкина:

Я хотела бы защитить повестку дня. Свои сомнения я по ней уже высказала, но мне кажется, что она очень четкая. Может быть, Денис Викторович, все те альтернативы и возможности, о которых Вы говорили, реализуются, мы, как Вы выразились, растворимся и, действительно, здесь нет места для формирования гражданской нации. Но ведь есть люди или сообщество людей, которые заинтересованы в формировании этой нации, и у них нет возможности или желания быть индивидуальными членами НАТО. Кстати говоря, часть людей, которая называет себя либеральной, демократической и даже социалистической оппозицией, говорит именно о граждан-

ской нации. Значит, такой проект существует. Это одна данность. Другая данность. Существует усиливающаяся мобилизация большинства русских на жесткой этнической основе: ксенофобской, антизападной. Все исследования Левада-Центра это показывают. Вопрос в том, действительно ли реальность несовместима с этим проектом, или, как Эмиль Абрамович намекает (но не говорит), она каким-то образом совместима с этим проектом? Если совместима, то хочется понять – как? А если несовместима, то как в ней жить? Потому что она не оставляет возможности для тихого наблюдения ее.

З. Чолтаев⁶:

Мне кажется, что провокатором процессов этнической консолидации выступает сама власть. И одновременно именно государство провоцирует межэтническое напряжение. Большинство моих знакомых ощущают себя людьми той или иной национальности, когда сталкиваются с властью (с милицией на улице, при регистрации места жительства, при устройстве на работу). Весь пафос и популизм российских публичных политиков последних лет был, как правило, ксенофобским и националистическим. Вспомните риторику известных политических и государственных деятелей – от предложений по законодательному закреплению понятия «государствообразующая нация» до призывов выдворить всех нерусских из Москвы и других городов. В этом же ряду антикавказская истерия, антигрузинская кампания с массовым учетом всех грузин начиная со школьников, и т.д. Известные политики, государственные деятели сделали свою карьеру на вполне националистических идеях и лозунгах. Причем это не только В. Путин или В. Жириновский, но и А. Чубайс с его утверждением в начале второй чеченской войны, что «российская армия возрождается в Чечне, и каждый, кто дума-

⁶ Чолтаев Зайнди – политолог.

ет иначе, предатель». Власть, государственные мужи, высокопоставленные чиновники фактически закрепляют национальные проблемы, так как это выгодно и с коррупционной точки зрения, и с точки зрения мобилизации населения, в основном этнического большинства, на защиту интересов государства.

Я хочу поспорить с В. Малаховым по поводу того, что нам нужно отказаться в академическом смысле от понятия нации. Когда мы входим на любую *terra incognita*, то пользуемся каким-то инструментарием, путеводителем, грубо говоря, чтобы не споткнуться. Что будет, если мы откажемся от представления о том, что есть какие-то особенности, которые на самом деле отличают нации, помимо тех, которые официально провозглашают? По сути вопроса я согласен с В. Ядовым, который спросил, на какие субъекты мы будем опираться, для того чтобы привести к политической нации? Правда, у меня возникает другой вопрос: а есть ли нам смысл создавать политическую нацию? Понятно, что в обществе, где больше двух субъектов, всегда возникает наднациональная идеология. Возьмите любую мировую религию. В христианстве «нет ни эллина, ни иудея», в исламе нет не только национальностей, но и территории для национальностей. Поэтому любая идеология, которая пытается объединить больше, чем один субъект, вненациональна.

И здесь опять государство. По мере укрепления государства (того, которое строится в нашей стране последние 8–9 лет) сужаются возможности индивидуального, общественного, национального выбора. На мой взгляд, идея политической нации соответствует выбранному государством направлению. У нас унифицируется, стандартизируется, объединяется многое и многие – от областей и территорий до партий и общественных движений. Осталось создать одну политическую нацию, у которой, по-видимому, будет политиче-

ский лидер. Очевидно, роль человека и гражданина в таком случае будет также стандартизирована – слушать и исполнять. Основным субъектом этой политики будет или сама власть, или созданные ею какие-то имитационные структуры. Когда приводят примеры Франции или Германии – это совершенно другое дело. Это наци-территории. Россия – соборное государство. Я не представляю, как, например, башкиры, татары будут принимать этот проект – отказаться от своей национальной сути, даже в некоем академическом подходе к этому. Элиты могут с этим согласиться. Они пытаются быть вненациональными, пока им выгодно. Это узкий круг людей, которых объединяют какие-то общие интересы. Но вряд ли от этого откажется среднее звено, профессиональные группы.

Главное, по моему мнению, – нам нужно создавать общегражданские институты. Гражданственность выше, чем национальность, в многонациональном государстве. Здесь подчеркивалось, что национализм в нашей стране инкорпорирован в тоталитаризм. Думаю, это только в том случае, когда русскость, к примеру, рассматривается как империализм. Этот подход использует власть, в том числе и на местах. Пространство, которое может объединить, – в области демократии, а не в конструировании единой нации. Тем более что, пожалуй, главная культурная сила общества – образование – до сих пор не может подготовить даже учебник истории нашей многонациональной страны. В этих условиях, при сегодняшней политической культуре такие проекты будут отвергнуты в обществе. По итогам переписи 2002 года в России русских – 79%, следовательно, других народов и представителей других наций более пятой части всего населения. Нам надо добиваться толерантности в межнациональных отношениях, утверждать общие демократические ценности, социальную справедливость. Сейчас, когда многочисленны факты ксенофобии, не-

терпимости, приятные на слух проекты единой политической нации будут вызывать раздражение и у русских, и у других народов России.

Л. Борусяк⁷:

На мой взгляд, преобладание национализма не означает, что происходит консолидация по национальному признаку. Ксенофобия тоже непосредственно с этим не связана. Движений, которые организуются на этой почве и действуют, единицы. В основном ощущение себя русским – это все-таки ощущение, что есть некое ущемление и надо дать отпор, но только в уме. В общем, сто миллионов обиженных, но каждый обижен в отдельности. Когда есть сто миллионов «жертв», никак между собой не связанных и не желающих быть связанными, то это не консолидация. Помоему, это такая индивидуализация ущемленная. В некоторых случаях здесь может быть и консолидация, но она должна быть обязательно демонстрацией не друг другу, а в сторону, чужим. Например, я попросила своих студентов описать главные события уходящего года. И большинство из них написали про памятник в Эстонии – это их страшно задело. Если бы в этот момент по центральному телевидению предложили собрать подписи и прийти к посольству, думаю, много бы пришло... Разве это консолидация по национальному признаку, из которой может вырасти что-то политическое? Может, в принципе, но в очень ограниченных масштабах.

И еще несколько слов о молодежи. Я очень много знаю молодых людей, элитарной московской студенческой интеллигенции: некоторые из них ориентированы национально, другим все равно, но эти люди прежде всего индивидуалисты. Они с удовольствием наблюдали бы за ростом величия России со стороны. Многие из них получают, кстати,

президентские гранты, едут за рубеж, там демонстрируют, что русские лучше всех учатся, и хотели бы остаться в аспирантуре, но это опять, к сожалению, движение вне, а отнюдь не внутри. Поэтому ничего на этой почве вырасти, помоему, не может.

С. Ковалев⁸:

Я представляю здесь, наверное, марсиан, да еще и дилетантов. Реплика номер один – относительно ксенофобии, помоему, близко связанной с тем, что называется «этническая нация». Я хотел бы как биолог утверждать, что ксенофобия – это штука биологическая, очень полезная для некоторых биологических образований: стадо, прайд, стая просто должны быть ксенофобами. И это наш атавизм. Окружающий мир враждебен, и если ты не будешь к нему предельно насторожен и готов отстоять себя, то тогда Дарвин велит помирать. Но поскольку помирать не хочется – то вот ксенофобия. Этот атавизм чрезвычайно прочен. И побеждается он уже не животной эволюцией, а, если хотите, победой духа. Когда, так сказать, возникает некая благорасположенность к другим, отличным от тебя...

Вторая реплика – политическая или гражданская нация? Тут я проявлю марсианскую природу. Мне кажется, что в XXI веке надо говорить о космополитической нации, а не о политической, чье время постепенно проходит. Я согласен с Э. Паиным, что это вещь чрезвычайно далекая, но если о ней не думать, то мы будем катастрофически опаздывать.

И наконец, третья реплика. Мы постоянно апеллируем к статистике, населению в целом, обществу, а надо говорить о критических массах. Когда возникает демократия? Когда есть критическая масса людей, понимающих, что это такое. Что это не «эгалитэ, фратернитэ

⁷ Борусяк Любовь Фридриховна – кандидат экономических наук, начальник аналитического отдела телеканала ТВЦ.

⁸ Ковалев Сергей Адамович – президент Института прав человека, председатель Российского историко-просветительского и правозащитного общества «Мемориал».

и либертэ», а скучная, до мелочей разрабатанная специальная процедура. Например, США – демократическая страна, а последний американец – чистый дурак. Ничего он в этой демократии не понимает. Вопрос в том, могут ли для нас послужить примером трансформации, которые произошли в Восточной Европе. Да, там действительно этнически-национальные и гражданственные вещи работали не против друг друга, как у нас, а в одну сторону. Но я хотел бы напомнить вам 1991-й год, дающий некую надежду. Причем не столько август, сколько январь, когда огромные толпы москвичей вышли на улицу потому, что около литовского телецентра убили 14 человек. Но вспомним Чечню – что там, 14 человек погибло? И вот вам совсем другое дело... Все это заставляет очень напряженно думать, почему так... Но обнадеживает то, что это возможно. Ведь это те москвичи прибалтийским странам дали государственность, а вовсе не Борис Николаевич и не Михаил Сергеевич. Ну, так я думаю, что надо создавать эту критическую массу.

Н. Беляева:

Я хочу дать прямой ответ на вопрос ведущего: в какой мере этническая мобилизация может быть путем преобразования в политическую? На мой взгляд, ни в какой не может. Более того, это просто опасное заблуждение, и, может быть, как раз молодец Эмиль Абрамович, что, заострив эту тему, помог это увидеть. Многие помнят, как создавались Народные фронты в Эстонии и Литве. Там, действительно, национальная мобилизация рассматривалась как средство для национального и демократического развития. Для них было абсолютно ясно, что национальный язык и песни по-литовски – не самоцель, это важно потому, что им мешали, а сейчас они могут это делать и поэтому будут развиваться как независимая нация. Когда мы говорим об институтах, о том, например, что немецкая идентичность – это принадлежность к демокра-

тическим институтам, то для литовцев уже в 90-е годы было ясно, что они хотят национальный парламент, а не просто с русскими воевать, – и весь Народный фронт «Саюдис» был в полном составе избран в парламент.

Все российские примеры совершенно другого свойства: наш национализм связан на имперскость и используется властью, которая им манипулирует, он только *охранительный*. И поэтому быть причиной позитивной мобилизации на какое-то действие в принципе не может. Он может только охранять, воевать, давать отпор и т.д. Власть постоянно с этим играет. Первый ее проект – «Рогозин», который начал раскручивать национализм в политике. И что из этого вышло? Или русский проект Вани Демидова – теперь власть сама забоялась, а уже поздно остановить. Мобилизация на основе национализма, национальной идентичности – это совсем не то же самое, что консолидация, и уж вообще противостоит солидарности. Потому что она внешняя. Это еще один фактор, почему она не может произойти. А вот пример лимоновцев – исключение, и его тоже нельзя рассматривать как тенденцию. Я много занимаюсь общественными молодежными движениями: лимоновцы строились на протесте. На том, что вот мы смелые, говорим то, что всем запрещают. Да, была националистическая риторика, но сближало молодежь и рождало ее солидарность то, что она защищала своих, которых власть сажает. В этом смысле они не так уж сильно эволюционировали. Начали сажать за любой протест – и они стали протестовать против режима вообще. Сейчас это одно из самых заметных движений, которое протестует против действующего политического строя. Солидарность между молодыми людьми у лимоновцев всегда строилась именно на том, что «мы – смелые, мы – честные, мы – друг за друга». Это мушкетерская солидарность мальчишек друг с другом, которые не боятся больших дядек из милиции. Такая молодежная солидарность

существует и даже потихонечку расширяется.

Отвечая на вопрос В. Ядова, где искать субъект: надо искать в альтернативной консолидации и альтернативной организации, но не в националистической. Почему я всегда социологов спрашиваю про меньшинство? Большинство мы достаточно хорошо знаем, но про меньшинство у нас очень мало данных. Какие есть другие пути выстраивания солидарности, другие пути для консолидации, не симбиоза на клеточном уровне, а сознательного построения связей? В демократическом общественном движении намечается консолидация, которой не было еще четыре года назад, когда эти движения жили сами по себе, не создавали никаких коалиций и каждый получал свой собственный грант. Сейчас они потихонечку начинают строить горизонтальные связи... Получится ли из таких робких усилий какая-то серьезная консолидация – это большой вопрос. Думаю, что если все мы ищем пути построения политической нации, то надо все-таки выискивать – как бы ни было мало этих субъектов – те самые гражданские организации, которые существуют, смотреть, как они строят свои связи, смотреть на то меньшинство, из которого они складываются, искать альтернативные способы консолидации. Не упрощенные способы, которыми большинство оперирует, а те, которыми образованный, мыслящий слой способен себя осознавать и строить межличностные связи, ассоциирующиеся с институтами. Только на этом пути можно искать тот субъект, который способен начать движение в сторону политической нации.

Э. Паин:

Как инициатор этого собрания я доволен им, потому что оно стимулировало некоторые мои размышления по этому поводу. Это была действительно провокация, я если не год, то, во всяком случае, с полгода провоцирую публику через прессу и т.д. по этому поводу. Мой

ответ, во-первых, на вопрос об этнической нации и ее переходе к политической нации. Я абсолютно уверен, что Российское государство на основе русской этнической нации развиваться не может: по характеру и устройству нашей полиэтнической страны. Следовательно, и перехода от одного типа нации к другому не произойдет. Во-вторых, о роли этнической мобилизации как одном из ресурсов формирования гражданской нации. Вот этот вопрос неясен, он требует изучения. Нынешнее обсуждение не могло дать ответа на этот вопрос, но оно может помочь в постановке исследования этой проблемы, в разработке его инструментария.

Меня эта дискуссия привела к осознанию необходимости еще четче дифференцировать этнический национализм как идею соединения этноса с государством и стихийную этническую озабоченность, а также уточнить определения. В частности, мне пришла в голову идея о необходимости введения термина «квазиэтническая мобилизация», аналогичного «квазирелигиозности», кстати, неплохо изученной. Подобно тому, как большинство людей, называющих себя верующими, реально таковыми не являются, так и группы, считающие себя этнически уязвленными, реально озабочены совершенно иными проблемами. Их этничность конструируется буквально на наших глазах. Впрочем, также на глазах создаются и мнимые этнические биографии «врагов». Вот, например, Ельцин был уж такой русский, более русского царя в истории России не было. Но когда стало нужно, чтобы он потерял популярность, ему придумали квазиэтничность: он стал Барухом Эльциным, причем те, кто говорил это, прекрасно знали, что это не так. Но надо было, чтобы он был дважды враг. Это был способ символизации образа «чужого». В современной русской этнической мобилизации (не путать с национализмом) велика доля протестных настроений. Это социальный протест, который, я уверен, разделяет боль-

шинство присутствующих здесь, поскольку это протест против произвола, коррупции, неупорядоченности имущественных отношений и др. Эта протестность, самая массовая, но пока слабо осознанная, туманная, не расшифрованная, может быть тем самым ресурсом движения к переменам, которые большинство присутствующих хотели бы видеть в стране.

Нужна ли вообще нация? Признаться, я не ожидал, что такой вопрос здесь будет обсуждаться столь живо. Этнические аспекты этой проблемы действительно спорны, но необходимость политической нации мне кажется очевидной. Сторонникам общечеловеческих ценностей и космополитизма еще раз напомним о стадильности движения к этим целям. Раньше это называлось диалектическим принципом противоположностей, сейчас чаще связывают с механизмами компенсации, но суть одна: прежде чем объединиться, нам нужно разделиться. Приведу пример. Социологические исследования в Японии показывают, что сегодня там новая коллективность, которая только похожа на традиционную, стадную, принудительную, на самом деле она является новой коллективностью – коллективностью солидарного эгоизма. Исследования эти говорят о том, что прийти к такой коллективности без предварительной индивидуализации невозможно. Я уверен, что прийти к общему человеческому обществу без предварительной консолидации на противоположных началах, т.е. внутри государства, без того, чтобы навести в нем порядок, тоже невозможно. Особенно если речь идет не об индивидуальном проникновении на Запад путем переезда, а о том, чтобы страна, в которой мы живем и которая нам безразлична, изменилась, модернизировалась, а значит, и вестернизировалась в каких-то аспектах своего бытия. И разговор о том, что вопрос о политических нациях – вопрос прошлого, пустой. Потому что ничего иного не придумал мир для обеспечения контроля над

государством, кроме усиления роли общества – т.е. нации в ее политическом смысле. Единственным гарантом Конституции выступает общество. Если гарантом Конституции является президент, тогда легко можно нарушать ее дух, даже не меняя буквы. Скажем, можно ввести институт наследственной передачи власти, прикрываясь выборами, или унитарную форму правления, прикрываясь вывеской федерации. Да мало ли чего еще можно придумать и сделать при отчужденном от политики обществе.

Сергей Адамович говорил, что средний американец может быть чистым дураком, ничего не понимающим в демократии. Вполне возможно, но только рядовой американец твердо знает, что «те парни в Белом доме» от него зависят, и не раз в четыре года, а постоянно. Зависят как от налогоплательщика и как части общественного мнения. Но ведь это же не индивидуальное его представление, это коллективное представление. А кто является носителем и хранителем таких коллективных представлений? Ответ один – только общество-нация.

Что может стимулировать страну без нации к ее формированию? Я вижу стимулом *общие вызовы*. Только сегодня идеи о народном суверенитете, которые прозвучали, может быть, 200 лет назад или раньше, становятся важным инструментом в решении повседневных задач и обретают значимость во многих государствах, потому что технология жизни их такова, что без опоры на общество, на общественное мнение невозможно решить большинство современных проблем. Без опоры на общество, изменения ценностных ориентаций и т.д. нельзя решить демографическую проблему, проблему коррупции – и переход многих государств, некогда более коррумпированных, чем Россия, к существенно более цивилизованному облику показывает, что это невозможно было без резкого повышения общественного участия, без появления общества как значимого фактора.

Сергей Адамович напомнил, что уже неоднократно бывали ситуации, при которых возникали гражданские мобилизации в России, например в 1991 году. Однако они так же быстро и таяли. Почему? Опять же по причине отсутствия общества, в котором сложились механизмы поддержания норм социальной активности, в котором существуют санкции за нарушение норм и моральные поощрения ценностей свободы, солидарности и др. Мне интересны ресурсы построения гражданских солидарностей. И думаю, что этничность, которая рассматривается исключительно как враг, особенно в либеральном сообществе, может в какой-то мере быть резервом формирования гражданской солидарности.

Если мы говорим о том, что я еще не могу строго определить и пока назвал квазиэтничностью, т.е. некой протестной форме консолидации, которая сегодня использовала брэнд национализма, то эта масса поддается перепрофилированию. Материалы, которые есть и в Институте социологии (то, что Л. Дробижева сейчас делает) и у Л. Гудкова, показывают, что «настоящих буйных», к счастью, ничтожно мало. Мы пугаемся, читая «Русский проект», но тот же В. Малахов, выступая на конференции «Пути России», говорил, что этот 800-страничный проект прочитало едва ли 800 человек. Сегодня это квазиэтнизированное сообщество еще никакое. Оно ничье. Единственное, что оно демонстрирует, – это недовольство, протестные настроения. Еще раз говорю: у меня нет законченной доктрины. Я только ощущаю, что есть масса протестного мнения, которое себя объединила под шляпой этничности. При определенных условиях оно могло бы взять другую вывеску, скажем, болельщиков или борцов за традиционную нравственность, да чего угодно. Это еще не спаявшаяся, не сварившаяся, не свалившаяся в национализм масса. Она может туда попасть, но это другая проблема; не допустить этого – тоже очень важная

задача. Пока что есть протестная масса, и в этом качестве она является потенциалом для гражданского общества.

В. Малахов:

Три момента я бы хотел отметить. Во-первых, Эмиль Абрамович нам совсем замутил голову – да еще нововведениями с «квазиэтничностью». Там, где есть мобилизация по этническому признаку, там есть и национализм. Русский национализм является реакционным в самом строгом смысле это слова. В ленинском, если хотите. Т.е. он антиреволюционный, антиреформаторский. В любом его изводе – протестном, низовом или государственном, верхушечном. Для протестного национализма этничность никакой не брэнд, не покрывало, не внешний флер – это его суть. Потому что он ресантиментный. У него три врага – нерусские (меньшинства, потенциальные сепаратисты), мигранты, опять же, как правило, нерусские, и враги за границей, те, кто не любит русских, – потому что они великая держава, то ли энергетическая, то ли православная. Что касается верхушечного проекта, т.е. того русского национализма, который пытаются поощрять власти, то заметьте, вокруг чего они пытались построить консолидацию. Сергей Адамович вспомнил про 1990-й год, когда после событий в Вильнюсе люди вышли протестовать против действий власти. Но была и попытка контрпроекта. А. Невзоров снял тогда фильм «Наши». Тогда этот проект не пошел. Люди не узнали себя в символе, предложенном Невзоровым. Они сказали: «наши» – это не те, которые убивали, а те, которых убивали. Потом имели место определенные манипуляции власти, которые изменили сознание. И было образовано довольно массовое движение (сейчас оно распущено, но его можно в любой момент вновь активизировать), которое так и называлось – «Наши». Консолидация на пустом месте. На ощущении «нашенского». «Бей не наших!» Там нет никакой идеи, а есть просто ощущение, что какие-то

«не наши» отняли у нас нашу победу и хотят провести какие-то субверсивные идеи или мероприятия.

Во-вторых, когда я начинал свое выступление, то подчеркивал, что говорю не о публичных, а об академических дискуссиях. Запрет для узкого круга специалистов пользоваться определенными категориями отнюдь не означает, что мы запрещаем это делать другим. Конечно, «нация» – очень привлекательная категория, и люди всегда будут к ней апеллировать. Но если мы хотим что-то анализировать, она нам может мешать. Если мы будем брать язык тех, кого описываем, за язык описания, то ничего не поймем. Есть некие социальные напряжения, конфликты, противоречия. Если мы начнем их осмысливать просто как этнические, мы рискуем ничего не понять. Что такое «этнический конфликт»? Между кем и кем? Между двумя этносами? Или это конфликт между вполне определенными группами интересов? Например, оспаривающими друг у друга права на некоторую территорию. Скажем, между теми, кого когда-то депортировали (и кто по прошествии многих лет вернулся на родину), и теми, кто занял их дома? Это конфликт между этносами или все же между группами интересов? Есть социальные конфликты, и есть этнические различия. И есть ситуации, когда может произойти наложение социальных границ и социальных различий на этнические различия. Но не надо под один знаменатель подводить все социальные конфликты, артикулирующиеся в этнических терминах. Не надо бездумно называть их просто «этническими» конфликтами. Более того, такие категории, как «взрыв этничности», «рост национального или этнического самосознания», «возрождение этничности», ведут аналитиков в тупик. Если мы хотим проанализировать конфликт и будем думать при этом не о группах интересов, которые в нем выступают агентами действия, а о неких абстрактных этносах, которые вдруг проснулись к жизни – до

этого они просто спали, а сейчас у них произошло возрождение «этнического самосознания», – мы очень мало поймем.

И, в-третьих, почему объявления типа «Сдам квартиру русским» нужно связывать с ростом этнического самосознания русских? По-моему, это элементарные фобии.

Л. Гудков:

В ходе и данной, и других подобных ей дискуссий меня не устраивает то, что этничность рассматривается как род некоторой идеологии и делается акцент на идеологическое, на индоктринации и т.д. Отсюда именно ищутся другие основания для влияния на субъектов действия и общие платформы для солидарности. Я очень слабо верю, особенно сегодня после смерти одной большой идеологии, в возможность воздействия идей на массы, на ситуацию без учета групповых или специальных интересов, которые бы подхватывали, рационализировали, связывали и придавали идеям жизнь. Сами по себе идеи – совершенно неподвижная вещь. Этнический компонент как таковой в социальном смысле нейтрален. Проблема в том, кто и как его использует.

Реакционен ли русский национализм или нет? Сейчас – да, он работает как консервативно-идеологический ресантимент, защищающий позиции тех, кто ощущает себя в слабом положении. Но он не всегда был таким. Мы знаем разные типы русского национализма: миссионерский или коммунистический тип, советско-имперский, православно-диссидентский, почвенный и т.д. Русский национализм необязательно даже должен быть православным, как и само православие необязательно должно быть фундаменталистским и государственническим. В 1989 году никакой прямой связи между православием, русским национализмом и этничностью еще не было. Да, там был советский этатизм. В 1989 году и до 1992 года, когда мы замеряли, респонденты себя опреде-

ляли прежде всего как советских людей. Очень небольшое их число, в отличие от того, что происходило в республиках, соотносило себя с рускостью. Русскость была локальной характеристикой, в списке оснований идентичности она стояла на третьем-четвертом месте. После того, как ушла советская идентичность, она заместила сначала русскостью, а потом православием. Напомню, что тогда около двух третей, примерно 65%, считали себя неверующими. Спустя 6–7 лет все крестились и стали считать себя православными.

Легкость этой «переидентификации» поразительна. Что произошло тогда? Произошло то, что православие из частного дела превратилось в символически государственное. Власть начала собирать эти компоненты в единые основания своей собственной легитимности. Она выступила как тотальный институт. Это было еще до Путина; между прочим, это делала ельцинская команда, еще считавшаяся «реформистской». Она собрала православие, русскость и традиционализм. Напомню, поиски русской идеи возникли не в 1999 году, когда Путин начал новую войну на Кавказе, и даже не в 1996–1997 годах. Еще на излете хрущевской «оттепели», когда шел интенсивный процесс внутреннего разложения системы, в качестве компенсации распада появилась консервативная идея почвы (симптомом и выразителем которой стала «деревенская проза»), веры, русскости. Все было ничего, пока власть не собрала это. Как только она сделала это, опять появился тотальный институт – и произошло мгновенное подтягивание всех остальных. Поэтому дело не в самой идее, а в функциональном многообразии императивов, из которых складывается поле выбора, многообразия, взаимодействия. Как мне кажется, не надо искать никакой идеи для общей консолидации, включая «либеральную» идею или идею «гражданского общества», а нужно артикулировать многообразие, только оно даст условия и для возникновения

гражданского общества в какой-то отдаленной перспективе, и для институциональной дифференциации, и для артикуляции групповых интересов.

Очень интересная была статья К. Рогова в «Pro et Contra», в которой автор показал, что одной из опор периода ельцинской демократии было своеволие региональных властей, не подчинявшихся центру. Уж никак нельзя М. Шаймиева, М. Николаева или Н. Кондратенко назвать демократами. Однако само по себе поле многообразия, столкновения интересов центра и регионов, наличие зон конфликтности было залогом некоторой свободы, обмена мнениями и даже многопартийности – слабой, рахитичной, но все же демократии. У этих людей в головах не было и не могло быть ни одной идеи демократии, а поле дискусионности возникло. Поэтому пусть будет этничность, православие, народность, западничество, католичество, ислам, еще хоть что-нибудь будет – сам факт вывода их из-под власти бесконтрольного государства делает возможным состояние многообразия, дискусионности и дальнейшей дифференциации институтов.

Т. Ворожейкина:

Я разделяю мотивы Эмиля Абрамовича – поиск тех субъектов, движений, которые могли бы изменить ситуацию с точки зрения взаимоотношений власти и общества. Но в том, где он предлагает искать, я вижу очень большую опасность. Мне кажется, что этничность, понятая и как этническая мобилизация (я намеренно эти спорные термины употребляю, потому что их использовал Эмиль Абрамович), и как масса протестного мнения, объединившая себя под шляпой этничности, не может быть средством дифференциации или путем к ней. Это путь к воспроизведению тотальности, потому что все эти движения, какими бы они сейчас многообразными ни были, стремятся к недифференцированной целостности. Это первое мое возражение.

Второе возражение: мне кажется (и здесь я буду выступать, как тот либерал, которого осуждал Эмиль Абрамович), что очень опасно говорить на этом языке и искать в этих движениях союзников по разрушению посттоталитарной власти. Потому что, и в этом я согласна с Л. Гудковым, власть и националистические движения друг друга подпитывают. Действительно, как говорил Э. Паин, национализм этнического большинства, которое чувствует себя ущемленным, русских в нашем случае, взрывает империю. Есть один исторический пример того, как это может произойти, – Третий Рейх. Поэтому я думаю, что не только попытки играть на этом поле заведомо проигрышны, но и попытки искать в этом направлении. Я солидарна с Н. Беляевой: искать нужно в альтернативном пространстве и способствовать его строительству. Можно, конечно, сказать, что мы обречены, но мне лично неуютно жить в обществе, в городе, где я на каждом столбе вижу расистские объявления, о которых В. Малахов говорил. Мне кажется, что выход из этой ситуации или, по крайней

мере, попытка создать иные институты, дифференцировать ситуацию лежат в абсолютно иной плоскости. Вопрос – в какой? Действительно, кажется, что гражданство – это очень хорошо. Но ведь с единым российским гражданством есть проблемы. Здесь было весьма характерное выступление З. Чолтаева. Описание российского общества как общества российских граждан встречает сопротивление как со стороны нерусских, потому что они видят в этом воспроизведение советских попыток русификации, так и со стороны русских, которые видят в этом растворение русскости. Как в таких условиях внедрять гражданство и гражданственность? Об одном из возможных путей к этому говорили В. Малахов и Н. Беляева, и я хотела бы их в этом поддержать. На самом деле, вопрос гражданства – это вопрос о равных социальных правах независимо от цвета волос, формы носа и того, где зарегистрирован паспорт. Этот путь, в конечном счете, упирается в вопрос трансформации государства. Но именно трансформации государства, а не протеста под этническими лозунгами.

Комментарий главного редактора журнала

По независимым от меня обстоятельствам я не могла быть на дискуссии, хотя ее тема представляет большой интерес и непосредственно касается моей профессиональной деятельности. По этическим соображениям я не берусь оппонировать той или иной точке зрения, поскольку участники дискуссии не могут мне ответить. Но при этом считаю целесообразным пояснить, почему мы решили опубликовать ее материалы в нашем журнале.

Во-первых, она касается двух важных проблем, обсуждавшихся на страницах «Вестника», – путей модернизации России и этничности как социального ресурса или тормоза трансформационных процессов. Мы намерены и в дальнейшем раскрывать эти темы. Именно поэтому в материалах дискуссии полезно выделить конструктивно поставленные проблемы и обратить внимание на необходимую (желательную) аргументацию при анализе.

Во-вторых, в ней затрагивается актуальная тема о роли средних слоев в общественной интеграции. С этой точки зрения вопрос В. Ядова, заданный в ходе дискуссии: «Есть ли хоть какие-то субъекты, которые способны вести к этой политической, гражданской... нации?» – очень важен. Ответить на него только на основе интуитивного анализа нельзя. Высказывались надежды, что именно формирующийся средний класс может быть таким субъектом. Учитывая, что наша страна многокультурная, надо знать, какие настроения и представления, в том числе и те, которые могут быть ресурсами для становления гражданского общества и правового ра-

венства «независимо от цвета волос, формы носа и того, где зарегистрирован паспорт» (как сказала в заключительном слове Т. Ворожейкина), присутствуют в средних слоях. Этот вопрос требует профессионального обсуждения с привлечением эмпирического материала.

Дискуссия велась на междисциплинарном уровне. Это давало свои плюсы и минусы. Одни ее участники оперировали конкретными представительными данными по нашей стране, другие исходили из теоретических подходов и взгляда со стороны. Э. Паин определил последних как «марсиан». Это, конечно, полезно – и взгляд со стороны, и перспектива далекого будущего. Но пока хорошо бы определить тенденции хотя бы на ближайшие 10–20 лет. По мнению Э. Паина и Л. Гудкова (и я позволю себе согласиться с ними), никаких признаков того, что этничность теряет значение в условиях глобализации, не видно. Конкретная социальная практика и эмпирические материалы показывают, что этничность не исчезает полностью, она лишь меняет сферу проявления. Скажем, в американской Силиконовой долине, где высока концентрация модернизированных социальных групп, казалось бы, утративших признаки традиционной идентичности, этничность все же не исчезла. Ее роль ослабла в общественной жизни, но сохраняется в быту, в частной жизни граждан.

По данным российских (RLMS, «Будущее России: социальная сфера») и сравнительных международных исследований, от 80 до 90% населения, как в нашей стране, так и за рубежом, идентифицируют себя по этническому признаку.

Как, «выйдя из кабинетов на улицу», сказать этим людям: «Мы не понимаем, что такое этническое самосознание»? И на чем основывается вывод, что «люди, идентифицирующие себя по этническим характеристикам, не хотят солидаризоваться по принципу общего гражданства»? Такие выводы не подтверждаются социологическими исследованиями. Напротив, по данным разных социологических центров, в том числе по результатам международных сравнительных исследований (RLMS, ESSI), *высокая этническая идентификация вполне сопрягается с высокой же гражданской идентичностью*. Так, в целом по нашей стране 65% жителей считают себя гражданами России, а в русских регионах свыше 80% придерживаются такой идентификации. В 2000-е годы заметен рост доли лиц, «сильно ощущающих» свою гражданскую идентичность.

Другое дело, *что* люди имеют в виду, идентифицируя себя по признаку солидарности с теми, кто определяет себя как граждане России. Именно этот вопрос нуждается в дальнейших исследованиях и обсуждении. Чтобы оно было более продуктивным, целесообразно договориться, надо ли отказываться от понятия «этническое самосознание». В. Малахов предлагает не использовать его при научном анализе, заменив понятием «солидарность». Однако, по моему мнению, понятия «консолидация», «солидаризация» не могут заместить понятие «этническое самосознание», или, как теперь говорят социологи, социальные психологи, да и другие обществоведы, «этническая идентичность».

«Идентификация» означает, что люди отождествляют себя, определяют себя, разделяя представления о какой-то общности, не обязательно проявляя при этом солидарность с ней. Это может быть только номинальная (статистическая) или сетевая общность. «Солидаризация» – это уже, по крайней мере, готовность к объединению по каким-то признакам и интересам. Это как раз более жесткое и, главное, не адекватное

идентичности понятие. Еще более жестким, обязывающим является понятие «консолидация». Далеко не все отождествляющие себя по этническому признаку будут солидаризоваться в случае действий, затрагивающих воображаемую общность. Например, язык – социально значимый признак этнической идентификации. Признание одного государственного языка в Эстонии и Латвии раскололо в 1989 году даже демократически ориентированных русских, эстонцев и латышей. Произошла этническая консолидация, но не всех, а части русских. Скажем, кто-то из них объединился вокруг Интерфронта в Латвии и ОСТК в Эстонии, но далеко не все. Этническая идентичность русских, по опросам, стала более значимой, но в солидаризации, особенно в солидарных, консолидированных действиях, участвовало даже не большинство русского населения.

Другой мой вопрос: как в дальнейших академических спорах нам отказаться от понятия «нации» (также предложение В. Малахова)? Сможем ли мы сделать это, даже если забудем и мировую литературу, и наше прошлое, но будем вести занятия с умными студентами, которые просматривают прессу, сидят в Интернете и на Kremlin.ru и читают, что В. Путин говорит о своем преемнике: «Медведев в хорошем смысле такой же националист, как и я. Он ... будет самым активным образом отстаивать интересы России на международной арене»? Они читают, как и мы с вами, послания президента РФ Федеральному собранию и видят там понятия «российская нация», «гражданская нация» и т.п. А мы им предложим не использовать эти термины? И это после всех интеллектуальных усилий и споров (В. Тишкова, Э. Паина и др.) о том, как развести понятия «нации» и «этничности», чтобы оставить первое из них за национально-государственной, гражданской общностью, имеющей права на суверенитет? Мы пока сделали лишь первый шаг в этом направлении, нам предстоит еще второй,

главный – перейти от негативной консолидации к позитивному образу национально-гражданского сознания, а нас уже призывают отказаться от первого шага. Перескакивая через ступеньку, легко отступить. Понятие это все равно будет использоваться другими – и идеологами, и публицистами, и рядовыми гражданами в обыденном употреблении, – только без помощи ученых интерпретация может быть совсем не той, которая способна содействовать развитию нормального гражданского общества.

Теперь о мобилизационных возможностях этничности как ресурса модернизации. Этот вопрос, как видно из дискуссии, требует более внимательного и конкретного обсуждения. Важно (и об этом Л. Гудков много писал), вокруг чего происходит эта мобилизация и консолидация.

В материалах дискуссии читатель увидит два вектора в интерпретации значимости этнического компонента при формировании гражданской, политической нации. Сам «провокаатор» Э. Паин эти векторы и задал. Первый – возможен ли переход от этнической нации к политической, в том смысле, что политическая нация в России может сложиться, опираясь на предшествующую этническую консолидацию. Против такой интерпретации дружно выступили все – и В. Малахов, и Н. Беляева, и Т. Ворожейкина, и Л. Гудков. Да и сам Э. Паин признал, что такая постановка как раз и была интеллектуальной провокацией, поскольку, по его же мнению, «перехода от одного типа нации к другому не произойдет».

Второй вектор состоит в том, рассматривать ли этничность «исключительно как врага» или как «резерв формирования гражданской солидарности»? Несогласия участников семинара по этому вопросу, весьма рациональному, на мой взгляд, требуют комментариев и представляют интерес для дальнейшего обсуждения.

В этой связи уместно дифференцировать этнический национализм и стихий-

ную этническую озабоченность, что и сделал Л. Гудков. Хотелось бы обратиться на это внимание читателя.

Заметим для будущих дискуссий и то, что Э. Паин говорит как о возможном резерве не об «этническом национализме», а об «этничности». Контраргумент В. Малахова – «там, где есть мобилизация по этническому признаку, там есть и национализм. Русский национализм является реакционным в самом строгом смысле этого слова, ... он антиреформаторский». Здесь В. Малахов отступает от того, что пишет в своих работах, опираясь на мировую литературу: национализм, и этнический, коллективистский (Л. Гринфельд), и гражданский (М. Линд), бывает разным. Видимо, он мог бы согласиться с утверждением Л. Гудкова: «Мы знаем разные типы национализма».

Таким образом, смысл и позитивный результат дискуссии целесообразно видеть не в том, чтобы определить ее победителя и сказать категорично, раз и навсегда, «это невозможно» или «возможно», а как раз в противоположном – в том, чтобы показать допустимость разных мнений и увидеть рассматриваемую область как неоднозначную и более сложную, чем она кажется на первый взгляд. В этой связи заслуживает особого внимания идея Л. Гудкова о «функциональном многообразии императивов, из которых складывается поле выбора, многообразия, взаимодействия». Альтернативное пространство – «иные институты» (Н. Беляева) – могут рассматриваться как один из участков такого поля. Вопрос же о месте в нем этничности, несомненно, еще будет предметом множества научных дискуссий.

*Леокадия Дробижева,
доктор исторических наук,
руководитель Центра исследования
межнациональных отношений
Института социологии РАН*

Политика, приватизация и информализация в ходе реформирования постсоветского социального государства

Социальные государства повсеместно испытывают необходимость экономить и перестраиваться, снижать расходы на социальные нужды и внедрять модели социального обеспечения, согласующиеся с рыночной экономикой. В странах бывшего Советского Союза такая необходимость особенно ощутима. По мере перехода этих стран к рыночной экономике и в ходе рецессии начала 90-х годов унаследованная ими система широкого базового социального обеспечения становилась финансово несостоятельной и неэффективной. Для решения данных проблем большинство правительств постсоветских стран инициировало проекты реформирования, основанные на либеральной парадигме сниженных субсидий и пособий, приватизации социального сектора, – проекты, которые переложили бы груз социального обеспечения с плеч государства на рыночный сектор. Однако, как показано в моей недавней работе «Посткоммунистические социальные государства»¹, варианты сокращения расходов и либерализации в этих странах по-разному различаются.

В России проект правительственной либеральной социальной реформы был заблокирован почти на всем протяжении 90-х годов. Унаследованные государственные социальные программы и структуры сохранялись в условиях непрекращавшегося экономического

*Линда Дж. Кук,
профессор факультета политических
наук Университета Брауна
(г. Провиденс, штат Род-Айленд),
Former Kennan Institute Short-Term
Scholar*

¹ *Cook L.J. Postcommunist Welfare States: Reform Politics in Russia and Eastern Europe. Cornell University Press, 2007.*

спада. Либеральная реструктуризация началась только в конце 90-х годов, совпав по времени с экономическим оздоровлением. В отличие от России авторитарный постсоветский режим в Казахстане провел радикальное сокращение расходов и либерализацию, в то время как Беларусь в целом сохранила систему социального обеспечения (процент затрат на социальные нужды в ВВП) и соответствующие государственные структуры. К концу 90-х годов эти три государства институализировали отличные друг от друга модели социального обеспечения, различающиеся по структуре расходов, пропорции участия частного и государственного капитала, а также мерами исключения и информализацией. Почему же посткоммунистические социальные государства производят столь различные варианты реформирования и результаты, имея общие исходные данные?

Можно предположить, что ответ заключается в основном в различных экономических обстоятельствах, но в этих трех случаях экономические траектории развития были во многом схожи. Однако даже в самые тяжелые годы экономического спада государственная политика этих стран в отношении социального обеспечения и структурных преобразований в этой области значительно отличалась. Казахстан резко сократил расходы и провел более широкую либерализацию по сравнению с Россией, хотя его экономическое развитие шло по аналогичной с Россией траектории. Беларусь осуществила лишь незначительные изменения, несмотря на столь же глубокий экономический спад. Более того, все три государства в 2004 году вышли на предкризисный уровень ВВП, однако в ходе рестаблизации и роста экономики их социальная сфера структурировалась по-разному.

По моему заключению, в основном это связано с внутренней политикой и теми людьми, от которых зависело принятие решений по урезанию, сохранению или переделке программ, а также права на

льготы в основных сферах социального обеспечения, включая пенсии, здравоохранение и социальную помощь. Другими словами, в политике опосредованным образом отражались результаты ухудшающейся экономической ситуации. Мощные государства всеобщего социального обеспечения эпохи развитого социализма оставили в наследство социальные обязательства и интересы как в обществе, так и внутри государственных структур. Там, где посткоммунистические политические институты позволяли определенным группам представлять свои интересы и оказывать влияние, они были в состоянии блокировать или сдерживать перемены в социальном государстве. Две социальные группы имели решающее влияние в этих процессах: (1) население, имеющее право на льготы и пособия, а также работники бюджетной сферы и (2) государственно-бюрократические распорядители социальных благ. В государствах, избравших путь либерализации, наибольшее значение имели сплоченность и единство исполнительной власти. Там, где либерально настроенные коалиции исполнительной власти определяли выбор политического курса, было проведено глубокое и быстрое реформирование. В тех странах, где политическая власть была разнородной, а государственные институты были разобщены, силы, стремившиеся остановить перемены, добились наибольшего успеха. В посткоммунистических государствах баланс сил между теми, кто выступал за сохранение социальных льгот, и либеральными реформаторами в политических институтах и государственных структурах определял траектории и результаты реформирования социального государства.

Данный анализ позволяет связать исследование процессов, происходящих в посткоммунистических государствах, с более широким контекстом: трудами по политике в области социальной помощи таких ученых, как Г. Эспин-Андерсен, П. Пирсон, Д. Свонк, М. Орсен-

стейн и Э. Хьюбер. Перечисленные авторы подчеркивают роль политических институтов и коалиций в смягчении экономических трудностей в ходе реформирования социальных государств². В их работах, посвященных социальным государствам в различных регионах, выдвигается тезис о том, что тип представительных учреждений и баланс сил среди приверженцев разных взглядов становятся ключевым фактором в защите социального государства. Применяя данный тезис к посткоммунистическому контексту, я утверждаю, что главным фактором, помогающим объяснить различные варианты реформ, является политика. Так, в России даже слабые демократические институты позволили социальным группам, пользующимся льготами и пособиями, в 90-х годах заблокировать либеральные перемены, однако позже, в период президентства Путина, эти перемены все же были осуществлены.

В моем исследовании тезис о значении политических факторов в большей степени применяется в отношении интересов бюрократии, распределяющей социальную помощь. Посткоммунистическое наследие – наличие в рассматриваемых государствах большого числа бюрократов в социальном секторе, полагающихся на государственные отчисления и администрирование, – создает дополнительный ряд государственных распорядителей социальных благ, которые в некоторых случаях могут оказать сильнее, чем любые аналогичные бюрократические структуры в странах старой демократии, и даже сильнее, чем латиноамериканские чиновники, чье влияние давно признано. Чувствуя угрозу в политике перемен, связанной с урезанием отчислений, приватизацией и децентрализацией, такие бюрократы оказывают сопротивление реформам. Особенно в посткоммунистических ав-

торитарных государствах, где народные интересы маргинализируются, государственные распорядители социальных благ могут выступать в роли основных защитников социального сектора. Исключительную важность в данном случае приобретают штатные сотрудники социальных министерств. Министерства могут попытаться изменить ход реформ, обесценить их результат или добиться усиления своей роли в частично реформированных системах. Далее следует сконцентрировать внимание на анализе ситуации внутри данного государства, на соотношении уровня влияния чиновников, заведующих распределением социальных благ, и либералов в коалициях исполнительной власти.

Мое исследование также рассматривает такие важные явления посткоммунистического развития, которые обычно не включаются в стандартные модели социального государства, как коррупция и информализация в социальном секторе. Стандартные модели базируются на противопоставлении государственной и рыночной схем предоставления социальной помощи. В постсоветских государствах в переходный период развиваются «теневые» процессы распределения социальных благ. Доступ к широкой сети государственных учреждений, предоставляющих социальную помощь, в различной степени был «спонтанно приватизирован» малооплачиваемыми работниками бюджетной сферы, что ограничило доступ к социальной помощи более бедных слоев населения. Рыночные черты приобрела система социальной помощи в тех государствах, где большие неофициальные рынки существовали наряду со слабой системой налогообложения и неразвитой нормативно-правовой базой. В более слабых государствах, особенно в России и Казахстане, информализация как всяческое нарушение

² Swank D. *Global Capital, Political Institutions, and Policy Change in Developed Welfare States*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002; Esping-Andersen G. (ed.) *Welfare States in Transition: National Adaptations in the Global Economy*. London: Sage Publications, 1996; Glatzer M., Rueschemeyer D. (eds.) *Globalization and the Future of the Welfare State*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2005.

формальных требований стала основной чертой реформирования социального государства. Понимание постсоветских социальных государств требует применения расширенной типологии, включающей «неформализованный» тип, который представляет собой смесь государственных, рыночных и неформальных механизмов, возникших в сфере контроля и распределения социальных ресурсов (см. табл. 1).

Постсоветские государства с унаследованной ими широкой инфраструктурой социальных служб и штатом сотрудников, а также относительно высоким уровнем коррупции оказались особенно беззащитными перед такими процессами. Однако рост «неформальных» экономических отношений в современных государствах ведет к появлению аналогичных рисков и в более развитых областях, особенно там, где экономические трудности подрывают финансирование социального сектора.

Репрезентация интересов в посткоммунистических государствах

Посткоммунистические государства переходного периода унаследовали системы социального обеспечения, сравнимые по широте охвата с европейскими, однако предоставляющие гораздо меньший объем фактической помощи и гораздо более бюрократизированные, чем в Латинской Америке. Государство монополизировало основные виды социального обеспечения и распорядилось им с помощью бюрократов на всех уровнях: в центре, регионах и на местах. Более 25% населения России и 16% населения Казахстана получали пенсии, причем последний пока-

затель равен среднему по ОЭСР³. Доступ к базовым услугам образования и здравоохранения был практически всеобщим, и значительная часть трудовых ресурсов – например, 15% работоспособного населения России в 1990 году – была занята в этих секторах. Таким образом, работа, профессиональное положение и доход людей зависели от государства⁴. Социальные субсидии были распространены повсеместно. Но в отличие от Европы и в какой-то степени от Латинской Америки, мнение и интересы населения практически не играли никакой роли при формировании системы социального обеспечения коммунистических государств. Репрессии в политической и трудовой сферах препятствовали появлению в обществе независимых групп интересов. Посткоммунистические политические системы характеризовались прочной зависимостью населения от социального государства⁵. Однако в них отсутствовала разветвленная сеть групп общественных интересов, защищающих его на Западе.

Рыночные трансформации и приватизация средств производства в начале 90-х годов подорвали фундаментальные основы социальных государств, покончив с полной занятостью населения и значительно снизив государственный контроль за выделением денежных средств. Россия и Казахстан осуществили системные экономические реформы – макроэкономическую стабилизацию, либерализацию товарного и фондового рынков, приватизацию в большинстве секторов экономики. Беларусь не провела серьезных структурных экономических реформ. Тем не менее глубокий экономический

³ Организация экономического сотрудничества и развития.

⁴ *Olcott M.B.* Kazakhstan: Unfilled Promise. Washington, D.C.: Carnegie Endowment, 2002. P. 16; Труд и занятость в России. Москва: Госкомстат России, 2003. С. 187.

⁵ Исследования подтверждают, что в подавляющем большинстве посткоммунистических государств остаются популярными гарантии в трудоустройстве, здравоохранении, образовании, пенсионном и социальном обеспечении. См.: *Lipsmeyer C.S.* Welfare and the Discriminating Public: Evaluating Entitlement Attitudes in Post-Communist Europe // *Policy Studies Journal*. 2003. Vol. 31. No. 4. P. 545–564; *Gibson J.L.* The Russian Dance with Democracy // *Post-Soviet Affairs*. 2001. Vol. 17. No. 2. P. 113–115.

Таблица 1

Основные черты коммунистических, либеральных и информализированных социальных государств

Тип социального государства	Коммунистическое (государственное)	Либеральное (рыночное)	Информализированное (Либерализация + слабость госрегулирования и системы сбора налогов)
<p>Финансирование</p> <p>Администрирование</p> <p>Покрытие</p>	<p>Государственное, из госбюджета</p> <p>Централизованная государственная монополия</p> <p>Всеобщее, государственно-стратифицированное</p>	<p>Преобладание частного над государственным</p> <p>Смешанная система государственного управления и рыночного регулирования</p> <p>Частичное: государственная помощь бедным при соответствии критериям, преобладающее рыночное социальное обеспечение</p>	<p>Смешанное государственное, частное неформальное</p> <p>Слабое государственное и рыночное регулирование, неформальное частное управление доступом</p> <p>Фрагментарное: небольшая государственная помощь бедным при соответствии критериям, коррупция на рынках социального обеспечения</p>
Направления политики соцобеспечения			
Пенсии, социальная инфраструктура	Из единого источника, коллективная налогооблагаемая база, объединение риска	Многосоставная; пенсия, увязанная с налогами на зарплату и личными капитализируемыми пенсионными счетами; индивидуализация риска	Многосоставная; пенсия, увязанная с налогами на зарплату, и /или капитализируемые счета; сбор налога с низкой зарплаты; низкий размер взноса на капитализируемые счета
Здравоохранение и образование	Централизованные, финансируемые из госбюджета	Децентрализованная частная практика в здравоохранении; частные школы; медицинское страхование; конкурирующие критерии; доплаты: гонорары, путевки, плата за обучение, кредиты	Неформальный контроль над доступом к услугам; плохо регулируемые частные услуги; распространенность «теневых» платежей
Социальные пособия, социальная помощь, помощь беднейшим категориям граждан	Всеобщая система социальных льгот; редкие случаи адресной помощи беднейшим категориям	Преобладает целевая помощь категориям с установленными критериями бедности	Сохранившиеся остаточные льготы; плохо нацеленная помощь беднейшим категориям
Рынок труда, трудовой кодекс	Полная занятость, централизованное регулирование уровня зарплаты; жесткие правила рынка труда и защитные меры	Безработица с пособием по социальному страхованию; индивидуальная конкурентная заработная плата; гибкий рынок рабочей силы; кодексы	Широкий неформальный сектор с нерегулируемыми зарплатами; немногочисленные законные защитные меры; <i>de facto</i> гибкий рынок рабочей силы

спад поразил все три страны, породив дефицит бюджета, инфляцию и ухудшение социальных условий, бедность и безработицу, а также призывы к финансовой стабилизации. Посткоммунистические государства более не брали на себя все бремя социального обеспечения. Правительства вынуждены были отвечать за ранее существовавшие социальные обязательства в отношении населения и под жестким давлением провести реструктуризацию народного хозяйства, урезать расходы на социальные нужды и внедрить модели социального обеспечения, функционирующие в условиях рыночной экономики.

Исполнительная власть, финансовые и экономические министерства реагировали на эти экономические и структурные требования выработкой таких программ социального обеспечения, которые смягчили бы финансовую нагрузку на бюджет и отвечали новым социальным потребностям. Большинство программ реформирования следовали схожим моделям либерализации и приватизации, нацеленным на устранение государственной монополии в социальном обеспечении и ограничение государственного финансирования, то есть на переход от коммунистической к либеральной модели (см. табл. 1). В основных областях социального обеспечения перемены включали:

- пенсионную реформу, предусматривающую приватизацию части финансирования, перенесение пенсионных взносов на счета обязательного индивидуального инвестирования;
- реформу здравоохранения с введением приватизации, конкуренции и механизмов страхования;
- социальную помощь лицам, доходы которых находятся ниже черты бедности, вместо всеобщих льгот и пособий.

Данные реформы ставили под угрозу существующие программы и субсидии, которыми пользовались широкие массы в посткоммунистических сообществах и бюрократия в социальном секторе,

контролирувшая финансируемые государством программы и службы.

В рассматриваемых случаях реформы привели к разным результатам. В России радикальные либеральные реформы начались в 1991–1993 годах, однако в середине 90-х годов против них выступила политическая коалиция, состоявшая из консервативных крайне левых коммунистических партий. Эти партии, занявшие доминирующие позиции в Думе, совместно с бюрократами – руководителями социального обеспечения заблокировали реформы социального сектора, начатые правительством. Они создали ситуацию политического пата, вызвавшую стагнацию системы соцобеспечения в условиях десятилетнего экономического спада. С 1999 года, когда Россия начала движение в сторону «управляемой демократии», интересы общества в большой мере перестали учитываться, а тупиковая ситуация была разрешена в пользу программы либерализации, ставшей возможной в результате договоренностей в основном между выразителями государственных интересов и интересов исполнительной власти.

В Казахстане, где режим характеризуется доминированием исполнительной власти, общественные интересы, напротив, занимали очень ограниченное место в политическом пространстве на протяжении всего этого периода. Коалиция либеральной исполнительной власти провела практически неограниченные реформы, напоминающие те, что в свое время осуществил Пиночет в Чили. В Беларуси старое социальное государство сохранилось в основном в прежнем виде, но система распределения социальных благ оказалась не приспособленной к смягчению последствий экономического спада для уязвимых социальных групп. Вместо этого финансирование существующих льгот и государственных структур продолжилось, несмотря на снижение доходной части бюджета. Ниже приведены конкретные случаи, иллюстрирующие отличие России от Казахстана и Беларуси.

Исследование конкретных случаев

Россия: политика поляризации и сокращения расходов

Россия прошла через короткий начальный период радикальных реформ и децентрализации в начале 90-х годов. После выборов в первую Думу в конце 1993 года партии, ратующие за широкое социальное обеспечение, поставили под сомнение правильность либерального проекта правительства Ельцина, выступив с провоцирующей конфликт политической линией в отношении социального обеспечения. Умеренные социально ориентированные партии, такие как «Женщины России» и «Яблоко», располагавшие поддержкой женских ассоциаций и госслужащих, настаивали на сохранении социальных льгот, росте зарплат работников бюджетной сферы и сохранении государственных обязательств в области образования. Занятые в сфере здравоохранения и особенно образования стали проявлять все большую политическую активность, превращаясь из наиболее молчаливой в наиболее склонную к забастовкам категорию работников⁶. Пассивность этих групп перед лицом урезания государственных расходов и либерализации часто оказывалась обманчивой. Однако умеренные социально ориентированные партии оставались небольшими и слабыми, общественные забастовки привели к незначительным уступкам и влияние этих групп на политику по-прежнему было довольно ограниченным.

Эффективная оппозиция либеральным социальным реформам возникла в России после победы крайне левых партий на выборах в Думу в 1995 году. Не желающие реформироваться анти-

рыночные партии – коммунистическая и аграрная, – поддерживаемые более пожилыми, бедными, зависимыми от государственной помощи гражданами, а также сельскими жителями, в середине 90-х годов сформировали доминирующую коалицию в Думе. Эти партии не пользовались влиянием у работников бюджетной сферы и рабочих профсоюзов, за исключением некоторых профсоюзов оборонного сектора и старшего поколения ученых. Поддержка этих партий, особенно в сельских районах, основывалась на широком распределении субсидий и льгот, характерных для коммунистического периода; их политическими союзниками оказались националистические движения.

Исследования протоколов заседаний показывают, что Дума до конца десятилетия постоянно накладывала вето на инициативы руководителя государства, связанные со сломом системы социального обеспечения, а также его попытки создать новые частные рынки для общественных благ⁷. Дума отвергала многочисленные предложения реформаторов, направленные на сокращение прав на пенсии, и проводила законы, увеличивающие неадресные социальные льготы и субсидии для пожилых граждан. Дума выступала против развития системы медицинского страхования, наложила бессрочный мораторий на приватизацию государственных школ и блокировала создание новых частных школ. В 1997 году Дума отвергла большой пакет законопроектов по социальному обеспечению, который, помимо прочего, был направлен на реформирование пенсионной системы, сокращение льгот отдельным категориям работников и замену массовой системы социальных выплат более экономичной системой мер борьбы с бедностью, адресуемых только

⁶ Российская экономика в 1997 г.: Тенденции и перспективы. Вып. 18. М.: Институт экономики переходного периода, март 1998 г. С. 160–162; Российская экономика в 1998 г.: тенденции и перспективы. Вып. 20. М.: Институт экономики переходного периода, март 1999 г.

⁷ Основано на системном исследовании работы законодательного органа в сфере социальной политики и результатах голосований, приведенных в официальных публикациях Думы: Информационно-аналитический бюллетень 1996–1999 гг. [<http://wbase.duma.gov.ru>]

нуждающимся категориям граждан. Таким образом, несмотря на глубокий и затяжной экономический спад, продолжавшийся почти до 1999 года, Дума сопротивлялась или в целом отвергала меры, которые могли бы перестроить и адаптировать систему социального обеспечения. Депутаты настаивали на увеличении социальных расходов, неоднократно проводя повышения пенсий, выплат и зарплат бюджетникам. Б. Ельцин накладывал вето почти на все эти меры, и реальные расходы на социальные нужды и услуги стремительно падали вместе с ВВП.

Преимники социалистической системы соцобеспечения, особенно Министерство здравоохранения и Пенсионный фонд, также сопротивлялись реформированию. Бюрократы, руководившие распределением социальных благ, продолжали пользоваться большим влиянием и организовали арьергардные бои против правительственных усилий, направленных на приватизацию и маркетизацию социального обеспечения. Министерство здравоохранения боролось за то, чтобы сохранить контроль над расходами на медицинскую помощь, стандартами медицинского обеспечения и должностными назначениями. Пенсионный фонд выступил против предложений по частичной приватизации пенсионной системы⁸. Министерство образования противилось и приватизации, и закрытию школ. Объединенная общественная и государственная оппозиция заблокировала инициативы по реформированию, заморозив старую систему соцобеспечения и препятствуя перестройке структур в соответствии с новыми экономическими ограничениями. Результатом такой поляризации стала невнятная политика, сохранившая программы и льготы при уменьшенном финансировании, что

способствовало падению уровня социальных пособий и зарплат в бюджетном секторе ниже уровня бедности, невыплатам зарплат, развалу учреждений соцобеспечения и широкомасштабной бедности тех, чьи пособия или зарплаты зависели от социального сектора (см. табл. 2).

Либерализация как результат договоренности в основном «внутри» политической элиты

В конце 90-х годов политические сдвиги разблокировали отношения между исполнительной властью и Думой и, казалось, открыли путь для либерализации государственной системы соцобеспечения. Перегруппировка сил в сторону проправительственного большинства среди законодателей после думских выборов 1999 года положила конец преобладанию левых в Думе и их практике накладывать вето. Глубокая перемена в политической жизни с переходом к «управляемой демократии» и доминирующей роли президента привела к упадку представительских функций политических партий, ослабив таким образом возможность электората сопротивляться переменам в области социального обеспечения. На смену ранее авторитетным партиям – как реформистским, так и непримиримым левым – пришли новые «партии власти», не имеющие глубоких корней среди электората и главным образом демонстрирующие свою зависимость от президента. В период 2000–2004 годов Дума одобрила инициативы исполнительной власти, направленные на либерализацию и приватизацию во всех социальных сферах, включая реформу пенсионного и социального обеспечения, системы предоставления льгот, жилищного сектора, образования и трудового кодекса⁹. Важно указать, что либерали-

⁸ *Rozhdestvenskaya I., Shishkin S.* Institutional Reforms in the Social-Cultural Sphere // Gaidar Y. (ed.) *The Economics of Transition*. Cambridge: Massachusetts Institute of Technology, 2003. P. 584–615.

⁹ Сущность реформ описана в работе Г. Грефа «Проект стратегии Российской Федерации до 2010 года» (Фонд «Центр стратегических разработок», 2000 [www.kommersant.ru/documents/Strat1.htm]).

Таблица 2

Базовые социальные гарантии и зарплаты в социальном секторе, 1993–2002 годы
(на 1 января, в % к прожиточному минимуму)

	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2002 4 квар- тал
Минимальная зарплата	39	28	10	16	19	18	10	22
Тарифная ставка для 1-й кат. зар-платы в госсекторе	41	30	19	21	18	19	10	22
Пособие по безработице (среднее)			30***					5,0 –
Ежемесячные выплаты на каждо-го ребенка*	19	21	8	131	15	14	7	3,7
Минимальная стипендия в вузах	39	28	10	16	38	36	19	10
Пенсия по возрасту: минимальная** средняя	63 138	79 129	43 101	47 116	79 113	79 115	42 70	36,5* 100,0
Пенсия по инвалидности 1-я группа	105	73	54	52	50	57	30	–
Зарплаты в системе здравоохра-нения средняя % работников, получающих зар-плату ниже прожиточного минимума	195 (1992) –	– –	– –	150 48,7	149 47,8	134 –	99 67,2	166 38,8
Зарплаты в системе образования средняя % работников, получающих зар-плату ниже прожиточного минимума	185 (1992)			141 49,7	143 49,4	127 –	93 70,5	153 41,4

Источники: Социальное положение и уровень жизни населения России 2001 г.: статистический сборник. М.: Госкомстат России, 2001. С. 165 (табл. 6.10), 145 (табл. 5.19), 147 (табл. 5.21), 148 (табл. 5.22), 150 (табл. 5.24); Россия в цифрах, 2000 г. М.: Госкомстат Рос-сии, 2000. С. 98.; Социальное положение и уровень жизни населения России 2002 г.: статистический сборник. М.: Госкомстат России, 2002. С. 167 (табл. 6.12), 145 (табл. 5.19); 147 (табл. 5.21).

*до 6 лет 1995–1995 гг.; до 16 лет 1996–1999 гг.

**с компенсационными выплатами.

зация социального обеспечения в Рос-сии совпала с периодом устойчивого экономического роста и бюджетного профицита. Реальные расходы на соци-альные нужды в некоторых областях увеличились, но правительство оста-валось приверженным удержанию со-циальной помощи на низком уровне и институализации ограниченных госу-

дарственных обязательств в отношении социального обеспечения.

Однако программа либерализации в России продолжает испытывать два вида политических ограничений. Во-первых, руководители государственных структур социального обеспечения, не сдавшие свои позиции в практически не перестроившейся системе на протя-

жении 90-х годов, сохранили влияние в политических кругах, причастных к социобеспечению. В. Путин, чья власть основывалась на поддержке правительства, попытался создать консенсус в отношении реформы внутри правительственной команды под руководством Г. Грефа, который должен был вести консультации с министерствами социальной направленности. Однако эти министерства и другие государственные структуры продолжали преследовать «ведомственные интересы» и сопротивляться реформам.

«Управляемая демократия» породила весьма своеобразный процесс «либерализации как результата договоренности внутри политической элиты». Рецентрализация администрирования и контроля стала компенсацией для министерств образования и здравоохранения. «Пенсионная война» между главой Пенсионного фонда и Министерством экономического развития непрерывно проявлялась в ходе переговоров о пенсионной реформе, на которых социальные интересы были представлены чисто символически. Прогнозируемые социальные осложнения реформы, в особенности ее долговременное негативное влияние на положение женщин и низкооплачиваемых рабочих, не получили должного внимания. В секторе здравоохранения министерство и региональные власти противодействовали введению медицинского страхования. Большинство учреждений здравоохранения были сохранены, так же как и конституционная гарантия всеобщего доступа, но значительная часть населения оказалась лишена как минимум части услуг здравоохранения из-за введения официальных и неофициальных платежей за медицинскую помощь.

Резюмируя, можно сказать, что, во-первых, преобразования в социальной сфере оказались под доминирующим влиянием политических элит и были нацелены не столько на выполнение го-

сударственной функции социального обеспечения граждан, сколько на обслуживание конкурирующих интересов элит и государственных структур за контроль над фондами социального обеспечения и доступ к услугам и ресурсам. Во-вторых, акции народного протеста все же состоялись и были связаны с масштабными и наиболее ощутимыми сокращениями государственного социального обеспечения – так называемой путинской монетизацией льгот в 2004 году.

Народные протесты и пределы либерализации

Политика социальных субсидий является важным исключением в характеристике реформы социального обеспечения, проведенной в России после 1999 года. В 2004 году В. Путин протолкнул в Думе пакет законодательных актов, связанных с монетизацией социальных льгот, чтобы положить конец громоздкой унаследованной системе натуральных социальных субсидий в сфере жилья, транспорта, медицины и т.д., заменив их денежными платежами¹⁰. Последствия реформы должны были оказаться всеохватывающими, существенными и немедленными, затрагивающими более четверти населения, в основном пожилых и нуждающихся в медицинской помощи граждан, зависимых от поддержки государства. Начало монетизации вызвало широкий социальный протест, который заставил правительство пойти на попятную. В данном случае электоральные группы оказались способны повлиять на результат преобразований в области социального обеспечения: отступление от монетизации заблокировало переход к либерализации системы социальной помощи и ее оказание только тем, кто реально нуждается, и широкие неадресные социальные субсидии сохранились.

¹⁰ Овчарова Л.Н. Доходы и социальные услуги: неравенство, уязвимость и бедность. Коллективная монография. Москва: ГУ-ВШЭ, 2005 [<http://www.socpol.ru/publications/>].

Протесты по поводу монетизации были в основном спонтанными, в форме конкретных действий, препятствующих движению транспорта во многих городах России, что заставило правительство сделать выбор между широкомасштабными репрессивными мерами и уступками. Этот эпизод оказался исключением, однако он иллюстрирует особое место политики субсидирования, показывая, что она отличается от других областей политики В. Путина в области социального обеспечения. Ранее, в 2001 году он был вынужден пойти на серьезные уступки для того, чтобы получить возможность урезать жилищные пособия, несмотря на то, что располагал поддержкой законодательного органа по большинству вопросов. В обоих случаях правительство пошло на уступки и переключилось на стратегию постепенной реализации. В 90-е годы благодаря усилиям Думы права на дотации сохранялись и даже расширялись. Последствия их сокращения могли оказаться столь всеобъемлющими, ощутимыми и немедленными, что депутаты опасались яростно негативной реакции электората. Это прогнозировалось даже в условиях резко сузившейся обратной связи с избирателями.

Таким образом, политика определила перемены в области социального обеспечения в России. Общественные интересы в этой сфере оказались представлены лишь слабо организованной электоральной коалицией противящихся переменам посткоммунистических партий. Ключевые политические силы России сильно поляризовались, сделав невозможными любые договоренности или компромиссы в области социального обеспечения. Основным результатом стал политический тупик в вопросах социального обеспечения, урезание бюджетных отчислений продолжающим функционировать работникам и учреждениям. Это, в свою очередь, способствовало информализации, «спонтанной прива-

тизации» и коррупции в российском социальном секторе, появлению многочисленных «информализованных» структур социального обеспечения, работа которых не основывалась ни на государственных, ни на рыночных принципах. Роль государства разрушалась в ходе неконтролируемого процесса, сопровождавшегося политической борьбой, в то время как гражданам приходилось все чаще платить за услуги, доступ к которым все более сужался. Сохранение работников и инфраструктуры социального обеспечения в неизменном виде при снижении финансирования вело к информализации и коррупции.

Казахстан и Беларусь: решение судьбы социального обеспечения в условиях электорально-авторитарных режимов

В Казахстане и Беларуси короткий начальный период демократизации привел к консолидации власти в руках глав исполнительной власти, практически не испытывающих каких-либо действительных ограничений со стороны общественности. В обоих случаях президенты были подотчетны своим гражданам только с помощью таких простых инструментов, как референдумы и плебисцитные выборы. Правда, ни в одной из этих стран не произошло перехода к полностью авторитарному режиму, так как оба президента предоставили ограниченное пространство для существования политических партий и законодательных институтов. Правительства обоих государств вели скрытые репрессии в отношении профсоюзов и тех, кто пытался выразить общественное мнение по проблемам социального обеспечения. Тем не менее траектории развития этих государств и результаты перестройки их систем соцобеспечения оказались совершенно разными. Система социального обеспечения в Казахстане подверглась быстрой и радикальной либерализации по инициативе главы исполнительной власти. Беларусь же

сохранила степень участия государства в социальном обеспечении, а также большинство учреждений и программ советской эпохи. Почему внешне одинаковые политико-институциональные структуры привели к столь разным результатам?

Во вступлении я сделала предположение, что ключевым фактором является различие в том, какую власть имели бюрократы, руководившие социальным обеспечением, в государственной/президентской коалиции. Несмотря на глубокий экономический спад, государственная система в Беларуси оставалась практически неизменной на протяжении всех 90-х годов. Государственные структуры, включая бюрократический аппарат в сфере промышленности и коллективного сельского хозяйства, сформировали ядро исполнительной власти. Государственный бюрократический аппарат в сфере социального обеспечения оказался способным сохранить свою роль и отстаивать свои требования по выделению ресурсов. В Казахстане, напротив, исполнительная власть попала в зависимость в основном от узкой группы олигархической элиты, источником богатств которой был частный энергетический сектор. Президент пытался предпринять «несколько наступлений на институциональные рамки [правительства]»¹¹. Бюрократический аппарат соцобеспечения и других государственных структур подвергся множеству реорганизаций и сокращений, что подорвало его способность защитить себя от президентского проекта либерализации или выторговать за нее какие-либо уступки (см. табл. 3).

Радикальное сокращение финансирования

В 90-х годах в Казахстане государственное финансирование основных сфер соцобеспечения было резко сокращено.

Истончение «страховочной сетки» системы социальной защиты совпало с экономическим спадом. Бюджетные расходы на социальную защиту упали с 11,2% ВВП в 1992 году до 6,6% в 1996 году. Доля пенсий, ранее составлявших основную часть выплат, снизилась с 8,2 до 4% ВВП¹². Количество пенсионеров было сокращено на основании закона, который поднял возраст выхода на пенсию. Законодатели грозили заблокировать бюджеты строгой экономии и вначале отвергли законопроект по пенсионной реформе, но затем уступили угрозам президента. В то время как в России правительство продолжало финансировать социальную сферу, а Дума наложила вето на ограничения прав, связанных с получением пенсий и других пособий, казахское правительство резко сократило расходы на социальную сферу.

Радикальная либерализация

В середине 90-х годов в системе социального обеспечения Казахстана были произведены крупные структурные изменения. Правительство с 1994 года ввело принцип предоставления основных видов социальной помощи только после проверки обеспеченности средствами к существованию, что вполностью сократило число домохозяйств, имеющих право на получение пособий на детей. В начале 90-х годов были легализованы услуги частных учреждений здравоохранения и взносы пациента, а в 1996 году введена система обязательного медицинского страхования. Казахстан стал первым посткоммунистическим государством, где были созданы инвестиционные пенсионные счета и законодательно была введена почти полная приватизация пенсионной системы для вновь выходящих на пенсию. Представительные институты не имели почти никакого влияния на эти реформы. Первое законодательное собрание сопротивлялось мерам приватизации до

¹¹ Cummings S.N. Kazakhstan: Power and the Elite. New York: Taurus, 2005. P. 53.

¹² World Bank, Kazakhstan: Living Standards During Transition. Washington, D.C.: World Bank, March 23, 1998. P. 30–34.

Таблица 3

**Заинтересованные стороны и переговорные процессы, определившие политику
в области соцобеспечения
Беларусь, Россия и Казахстан**

Страна	Глава государства	Заинтересованные стороны в здравоохранении	Политические процессы	Политические процессы II	Результаты
Беларусь	Сильный государственно ориентированный руководитель	Сильное влияние госструктур, занимающихся соцобеспечением	Переговоры в основном внутри госинститутов		Отсутствие либерализации; умеренное соцобеспечение
Россия	Сильный – умеренно сильный руководитель-либерал	Репрезентация общественных интересов и влияние госструктур	(1993–1999) Поляризация, тупик	(1999–2004) Общество практически не участвует, переговоры внутри элиты	Компенсация для элиты; запоздалые частичные реформы; довольно низкое социальное обеспечение
Казахстан	Сильный либеральный руководитель	Отсутствие эффективной репрезентации или влияния	Не обсуждаемая либерализация		Отсутствие компенсаций; радикальная либерализация; низкое социальное обеспечение

тех пор, пока не было распущено, а последующие составы протестовали по поводу вопросов социального обеспечения без особого успеха.

Я считаю, что в России по мере ослабления представительных институтов после 1999 года торг вокруг соцобеспечения начал вестись исключительно внутри правительства. Аналогично в Казахстане в середине 90-х годов, по мнению М. Олкотт, после ослабления роли парламента именно правительственные министерства стали центрами политического противоборства. Там позиции руководителей соцобеспечения оказались весьма слабыми. Глава исполнительной власти демонтировал

и трансформировал как программы соцобеспечения, так и министерские структуры, распределяющие социальные блага. В 1997 году Н. Назарбаев, частично в ответ на требование международных финансовых институтов «оптимизировать» правительство, одним махом сократил треть персонала правительства и министерств, а также заменил многих функционеров. В 1999 году он снова реорганизовал министерства социальной сферы, объединив здравоохранение, образование и другие социальные функции под крышей одного министерства. Некоторые функции социального обеспечения были переданы неправительственным агентствам. В период между

1991 и 2001 годом государственные институты «претерпели экстраординарные перестановки... и постепенную потерю профессионализма»¹³. Симптоматичным фактом, свидетельствующим о слабости казахской бюрократии, были жалобы одного из представителей Всемирного банка на частые замены сотрудников социального сектора, с которыми он работал над продвижением проектов реформирования.

В отличие от России, Казахстан приватизировал свою систему социального обеспечения гораздо быстрее, радикальнее, без долгих дебатов и размышлений. В 1996 году здравоохранение было переведено на страховое финансирование. Реформы возглавило Министерство финансов при поддержке вновь образованного Фонда медицинского страхования, который должен был ввести в действие реформированную систему. Ни профессиональные ассоциации медицинских работников, ни Министерство здравоохранения не сыграли значительной роли¹⁴. Введение медицинского страхования привело систему финансирования здравоохранения к коллапсу, вызвав настолько тяжелый кризис, что правительство отступило от проведения реформы, возобновило бюджетное финансирование и выработало стратегию постепенного реформирования. Только в Казахстане, в отличие от двух других рассмотренных стран, произошло значительное сокращение инфраструктуры здравоохранения, причем в период 1990–1997 годов количество больниц сократилось вдвое, уменьшилось также число врачей¹⁵. И хотя качество этой инфраструктуры в основном было невысоким, закрытие учреждений здравоохранения оставило многие сельские районы и вовсе без медицинской помощи. Инфраструктура здравоохранения оставалась преимущественно в руках государства, однако объем медицин-

ских услуг, оказываемых населению, в начале 90-х годов уменьшился почти вдвое и так и не вырос в период оздоровления.

Почему в Казахстане государственная бюрократия столь неэффективно отстаивала свои интересы по сравнению с Россией? Основное различие состояло в форме президентской коалиции. Власть Путина опиралась на государство, и он пытался добиться поддержки реформы внутри правительства. Власть Назарбаева концентрировалась в президентской администрации, службах безопасности и узкой олигархической элите, контролирующей частный энергетический сектор. Назарбаев последовательно подрывал власть министерств социального сектора и прочих национальных акторов и при этом часто обращался к международным финансовым институтам за советом в разработке политики. Экономические трудности в Казахстане были не намного острее, чем в России. Экономический спад был не настолько глубоким, выход из него был более быстрым, однако как общественные, так и государственные акторы утратили способность отстаивать требования о выделении ресурсов. В 90-х годах казахская реформа разрушила ранее существовавшую систему разделения нуждающегося в соцобеспечении населения на категории, в то время как в России эта система в основном была сохранена. В Казахстане тоже появилась коррупция, но масштаб официальной либерализации – приватизации и слома инфраструктуры социального сектора – был значительно шире, чем в России.

В противоположность Казахстану Беларусь сохранила государственную модель социалистического типа практически в неизменном виде на протяжении всех лет неудавшихся реформ переходного периода. И хотя правительство Шушкевича-Кебича в «Первой респуб-

¹³ *Cummings S.N.* Op. cit. P. 49, 53.

¹⁴ *McKee M., Healy J., Falkingham J.* (eds.) *Health Care in Central Asia*. Philadelphia: Open University Press, 2002.

¹⁵ WHO/Europe, European HFA Database [www.who.org].

лике» проявляло некоторую симпатию к демократии, оно задушило рыночную реформу и в целом сохранило монополию государства на собственность. Основу режима Лукашенко составила государственно-бюрократическая элита. Продолжение бюджетного финансирования, административное планирование и контроль над социальным сектором остались ключевой частью формулы правления. Баланс сил склонился в пользу сохранения старых структур социального обеспечения.

Несмотря на то, что глубокий экономический спад 90-х годов вынудил сократить реальные расходы, доля соцобеспечения в бюджете сохранилась, а в некоторых областях даже увеличилась. Социальные программы претерпели минимальные изменения, приватизация их почти не коснулась. Осталась практически нетронутой всеохватывающая система льгот, привилегий и государственного страхования. Государство сохранило финансовый и административный контроль над здравоохранением, образованием и пенсиями. Занятость в социальном секторе возросла, здравоохранение и образование стали основными областями, создающими рабочие места и пользующимися политическим покровительством. Однако министерства социальной сферы остались неподотчетными обществу. Были сохранены централизованное управление, жесткие критерии и единообразные учебные программы. Не произошло практически никакой адаптации социального государства к проблемам переходного периода, включая бедность и безработицу. Уровень бедности оставался высоким, не были решены проблемы неэффективности, избыточности штатов, бюрократической косности и низкого качества услуг. Расходы на социальное обеспечение не отражали настоящие нужды населения, а профсоюзы стали подвергаться растущим репрессиям¹⁶.

Заключение

Три рассмотренных посткоммунистических государства, имевшие в целом одинаковые исходные позиции, к 2002 году пришли к разным результатам в строительстве систем социального обеспечения, что проявилось в долях бюджетного финансирования, сочетании частно-государственных расходов, широте предоставления социальной помощи и информализации. Беларусь в основном сохранила государственную модель со средним уровнем финансирования соцобеспечения, Казахстан создал преимущественно либеральную модель, а Россия пришла к информализованному типу соцобеспечения (см. табл. 1).

Научные труды о влиянии политических факторов относительно полно объясняют появление различных моделей перестройки систем социального обеспечения в посткоммунистических государствах, где экономические трудности, с которыми сталкивается система социального обеспечения, значительно превосходят те, что существуют в странах индустриальной демократии. Мое исследование дополняет эти работы указанием на то, что необходимо больше внимания уделять государственным заинтересованным сторонам, особенно в странах, унаследовавших влиятельную бюрократию в сфере соцобеспечения. В основном в литературе по социальному обеспечению подчеркивается роль независимых социальных сил, чье воздействие осуществляется через представительные институты. В посткоммунистических странах, наоборот, необходимо учитывать влияние заинтересованной бюрократии, не зависящей от мнения представительных институтов. Социальные министерства, пенсионные фонды и другие заинтересованные стороны, распоряжающиеся государственными ресурсами соцобеспечения, имеют институциональные ин-

¹⁶ Cook L.J. Op. cit.

тересы, препятствующие сокращению расходов и приватизации. Они могут выступать за сохранение ассигнований и учреждений, но в основном озабочены тем, чтобы удержать централизованный административный контроль над финансированием и снабжением. Общественные интересы слабо представлены в ходе переговоров о социальных реформах, где элитам отведено приоритетное место, а многочисленные последствия этих перемен для общественных групп не принимаются во внимание. В социальной политике все меньшее место занимают социальные функции государства и все большее – конкуренция интересов вовлеченных государственных структур и руководителей.

В то же время мое исследование указывает на ограниченность формального подхода к анализу социальной политики. Сосредоточенность данной теории на официальных политических институтах и действующих сторонах не учитывает процессы коррупции и информализации, столь значимые в посткоммунистических государствах. В тех случаях, когда государство ослаблено, а экономический спад длителен, реальные события в социальном секторе могут оказаться не связанными с политическими интригами или рынками,

а определяться спонтанными и локальными процессами. Информализация и «теневые» процессы способствуют росту числа их приверженцев, которые сопротивляются дальнейшим реформам или государственному регулированию. Посткоммунистические государства, унаследовавшие широкую инфраструктуру социального обеспечения и ее персонал, особенно подвержены этим процессам. Однако рост неформальных секторов экономики в современных государствах предполагает существование аналогичных рисков и в более развитых областях, особенно там, где экономические трудности подрывают финансирование социального сектора. Мое исследование может оказаться важным для понимания политических процессов, связанных с социальным обеспечением во все увеличивающемся числе стран с полудемократическими и полуавторитарными режимами, возникших в результате третьей волны демократизации. В этих случаях анализ политики в области соцобеспечения должен быть направлен как на действия государственных заинтересованных сторон, так и на неформальные процессы.

Перевод с английского Якова Фоменко

*Посольство США.
Москва. 1944.
Секретно...
(Эпизоды
дипломатической
работы Джорджа
Кеннана в СССР)*

6 июля 1944 года, ровно в 15 часов 30 минут, в кабинет заведующего отделом американских стран С.К. Царапкина¹ в здании Народного комиссариата иностранных дел на Кузнецком мосту вошли советники посольства США Гамильтон и Кеннан². Встреча носила протокольный характер. Для Максвелла М. Гамильтона то был прощальный визит, он покидал СССР и представлял своего преемника – Джорджа Кеннана. Тот рассказал, что приходится племянником³ другому Джорджу Кеннану⁴, специалисту по телеграфной связи⁵, который в прошлом веке побывал в Сибири, исследовал

¹ Царапкин Семен Константинович (1906–1984) – на дипломатической работе с 1937 года; 27 июня 1944 года из отдела американских стран были вновь образованы два – отдел США (заведующий С.К. Царапкин) и отдел латиноамериканских стран, но С.К. Царапкин по-прежнему иногда подписывал бумаги как заведующий отделом американских стран.

² Кеннан Джордж Фрост (1904–2005) – американский дипломат, историк, международник. В 1934–1938 годах – первый секретарь, в 1944–1946 годах – советник посольства США в Москве. В 1952 году – посол США в СССР. Автор внешнеполитической «доктрины сдерживания», изложенной впервые в так называемой «длинной телеграмме» Кеннана в адрес государственного секретаря США (февраль 1946 года) и развитой позднее в известной статье «Истоки советского поведения», опубликованной за подписью «Мистер Х» в июльском номере «Форин афферс» в 1947 году (см. также: Батурич Ю.М. «Мистер Икс» оказался прав // Вестник Института Кеннана в России. 2005. Вып. 8. С. 7–8).

³ Точнее, внучатым племянником.

⁴ Кеннан Джордж (1845–1924) – американский журналист и путешественник. В период с 1865 по 1886 год четырежды был в России общей сложностью около пяти лет.

⁵ Сотрудник американской компании «Вестерн Юнион Телеграф» Дж. Кеннан был участником проекта строительства русско-американского телеграфа, линия которого должна была связать США и Россию через Берингов пролив. Проект был прекращен американцами в связи с завершением прокладки телеграфной линии Европа – США через Атлантику.

Юрий Михайлович Батурич,
доктор юридических наук, профессор
Московского государственного
университета им. М.В. Ломоносова,
Former Kennan Institute Research
Scholar

ее районы от Иркутска до Камчатки⁶, хорошо изучил русский язык и написал книгу о ссыльной системе в России⁷.

Советник Кеннан заметил, что когда он 11 лет назад приезжал в Советский Союз, то М.И. Калинин рассказал ему, насколько книга его дяди была популярной нелегальной литературой у русских революционеров того времени.

С.К. Царапкин записал в своем дневнике, что новый советник совершенно свободно говорит по-русски, охотно вступает в разговор, хотя по манере держаться поначалу кажется человеком сдержанным и сухим⁸.

Через три дня Гамильтон и Кеннан с таким же протокольным визитом посетили заместителя наркома иностранных дел С.А. Лозовского⁹. Разговор неспешно катился по накатанной колее. Гамильтон невзначай упомянул, что Кеннан приходится племянником Джорджу Кеннану, написавшему в 80-х годах прошлого века книгу «Сибирь и ссылка». Советник Кеннан на это заметил, что в разговоре с М.И. Калинин советский президент рассказал ему, с каким вниманием читалась и изучалась книга его дяди старшим поколением. С.А. Лозовский подтвердил: для тех, кто начал свою политическую жизнь в конце XIX или в начале XX столетия, эта книга, изданная за границей на русском языке, сыграла важную роль. Ее читали в подпольных кружках, показывая царскую политику по отношению к противникам царизма. Книга имела тем большее значение, что в ней содержались факты преследования и мирно настроенных людей, единственная «вина» кото-

рых заключалась в стремлении к просвещению народа¹⁰.

Прошло не так уж много времени, и Кеннану пришлось с головой окунуться в дипломатическую работу, не считаясь с временем суток. Так, 24 августа, за полночь, он позвонил заместителю заведующего отделом США Д.С. Чувахину в связи с только что переданным Лондонским радио сообщением о принятии Румынией советских условий выхода из войны. Чувахин ответил немедленно (он и не собирался еще уходить с работы), попросил Кеннана перезвонить и отправился на доклад к руководству. Кеннан перезвонил через 15 минут, заявив, что на сей раз обращается по поручению посла Гарримана¹¹. В ноябре, будучи временным поверенным в делах, Кеннан занимался уже условиями перемирия, которые должны быть предъявлены Венгрии¹².

Случались и весьма деликатные ситуации, которые необходимо было урегулировать. Как правило, они требовали безотлагательного решения, невзирая на время суток.

7 октября 1944 года около 22 часов Дж. Кеннан явился в НКВД, попросив о приеме заведующего отделом латиноамериканских стран К.А. Михайлова¹³, и изложил ему суть своего дела. Еще до вступления советских войск в Софию, сообщил Кеннан, там находилась американская миссия в составе девяти человек во главе с лейтенантом Харпером, выполнявшая разведывательные функции. Миссия Харпера работала в Болгарии по договоренности между начальником Управления стратегических служб (УСС)

⁶ Особую известность получило десятимесячное путешествие Дж. Кеннана по Сибири, предпринятое в 1885–1886 годах.

⁷ См.: *Кеннан Дж.* Сибирь и ссылка. Путевые заметки (1885–1886 гг.). В 2 т. Санкт-Петербург: Русско-балтийский информационный центр БЛИЦ, 1999.

⁸ См.: Архив внешней политики РФ (далее – АВП РФ), ф. 06, оп. 6, пап. № 46, д. № 610, л. 46.

⁹ Лозовский (Дридзо) Соломон Абрамович (1878–1952) – в 1939–1946 годах заместитель наркома иностранных дел; одновременно в 1941–1946 годах – заместитель начальника Совинформбюро.

¹⁰ См.: АВП РФ, ф. 0129, оп. 28, пап. № 154, д. № 5, л. 164.

¹¹ См.: АВП РФ, ф. 06, оп. 6, пап. № 46, д. № 610, л. 76.

¹² См.: АВП РФ, ф. 0129, оп. 28, пап. № 154, д. № 4, л. 152.

¹³ Михайлов Константин Александрович (1904–1985) – в 1937–1943 годах полпред (с 1941 – посол) СССР в Афганистане; в 1943–1944 годах – посол СССР в Иране. После разделения отдела американских стран иногда помогал коллегам на североамериканском направлении.

генералом У. Донованом¹⁴ и руководителем разведки НКВД П.М. Фитиным¹⁵.

Поначалу между Харпером и советским полковником Зайцевым, представителем штаба фронта, установились удовлетворительные отношения, но однажды Зайцев вызвал к себе Харпера и предложил миссии свернуть свою деятельность и покинуть Болгарию. Харпер вынужден был подчиниться, миссия выехала в Турцию и там ожидала разрешения вернуться в Болгарию.

Советский дипломат Михайлов был готов к разговору и сразу же заинтересовался у Кеннана, как объяснить заявление Харпера Зайцеву о том, что в его задачу входит сбор развединформации по Югославии. Кеннан от ответа уклонился, обещал сообщить об этом позже после просмотра всех материалов по данному делу у себя в посольстве и круто изменил ход беседы, заявив, что, когда к нему обратились американские корреспонденты, прознавшие, будто некая американская военная миссия выдворена советскими военными властями из Болгарии, он, Кеннан, ответил журналистам, что проблема уже урегулирована. Прощаясь, Кеннан просил все же разрешить группе Харпера в сокращенном составе вернуться в Болгарию¹⁶.

Обычно Дж. Кеннану, искусному дипломату, все удавалось. Но было одно дело, в котором он потерпел неудачу. Точнее, неудачу потерпела американская дипломатия, но на долю Кеннана пришлось завершающая часть переговоров, а потому и горечь поражения досталась ему. Долгое время причины той неудачи были скрыты, но сегодня уже опубликована фрагментарная информация, которая позволяет сделать вывод: то был не дипломатический проигрыш США,

а следствие одной совершенно секретной стратегической операции Советского Союза. Она проводилась с осени 1937 года, но ее особенности обернулись для американской дипломатии сложной переговорной задачей весной 1944 года.

Американский консул в Урумчи, административном центре северо-западной китайской провинции Синьцзян, Эдмунд О. Клабб (США открыли свое консульство там в 1943 году), наблюдая советскую активность в Синьцзяне, направил в Вашингтон доклад, в котором обосновывал свои предположения (на самом деле – ошибочные), что СССР начинает добычу урана в местных горах¹⁷.

В середине 1943 года в Китай прибыл американец Вальтер С. Лоудермилк, «представитель штаба, специалист по изучению почв». По рекомендации министра финансов правительства Центрального Китая доктора Кун Сянси он сразу же был назначен на пост советника Исполнительного Юаня¹⁸. Лоудермилк обязанности советника понимал широко: он выписал к себе еще восьмерых «экспертов» и отправился в экспедицию в Синьцзян. Лоудермилк проделал 10 тыс. км по северо-западным провинциям Китая и буквально исколесил Синьцзян. Официально в задачу экспедиции входило изучение почв и подбор удобрений для них, а также проблема сохранения влаги – вероятно, чрезвычайно важная для США тема в разгар мировой войны, поскольку сразу после возвращения в конце года в Чунцин из шестимесячного путешествия Лоудермилк был срочно вызван на доклад в США.

Вскоре наркоминдел В.М. Молотов получил ноту американского посольства, в которой посол У.А. Гарриман¹⁹ просил для нужд ВВС США перебросить из Пер-

¹⁴ Донован Уильям Джозеф (1883–1959) – генерал-майор, создатель и руководитель Управления стратегических служб – американской разведки во время Второй мировой войны.

¹⁵ Фитин Павел Михайлович (1907–1971) – в 1939–1946 годах начальник разведки НКВД-НКГБ СССР.

¹⁶ См.: АВП РФ, ф. 06, оп. 6, па. № 46, д. № 610, л. 96–97.

¹⁷ См.: Laird T. Into Tibet: The CIA's First Atomic Spy and his Secret Expedition to Lhasa. NY: Grove Press, 2002. P. 34.

¹⁸ См.: Архив МЭРТ РФ, ф.: Совиньторг, оп. 12924, д. № 145, л. 26.

¹⁹ Гарриман Уильям Аверелл (1891–1986) – в августе 1941 возглавил в ранге посла специальную миссию в Москву по оказанию помощи СССР; глава делегации США на Московской конференции 1941 года; член делегации США на Московской конференции 1943 года; посол США в СССР в 1943–1946 годах.

сидского залива через Ашхабад и Алма-Ату и далее через Синьцзян в Китай партией грузовиков. Для начала американцы планировали направить по предлагаемому маршруту исследовательскую партию в 50 человек персонала армии Соединенных Штатов на 32 грузовиках. Вслед за исследовательской партией было желательно направить по этому маршруту 450 грузовиков с обслуживающими командами. Ввиду деликатности внешнеполитической стороны данного мероприятия, подчеркивал посол Гарриман, он обратился с этим делом в НККИД, вместо того чтобы действовать через Генеральный штаб Красной Армии²⁰.

Действительно, советский Генеральный штаб вряд ли допустил бы иностранных военных в район проведения своей совершенно секретной стратегической операции, поэтому выход американцев с просьбой на Молотова, очень близкого к Сталину, был вполне объясним.

Интерес к синьцзянскому маршруту был проявлен и на высоком политическом уровне. Буквально через пять дней временный поверенный в делах Соединенных Штатов М.М. Гамильтон в письме на имя Молотова, сообщая о планируемой поездке вице-президента США Г.Э. Уоллеса²¹ через Сибирь в Китай и желательном маршруте, прямо информировал: «Вице-президент желает лететь из Алма-Аты в Урумчи и затем дальше в Китай»²².

Срочная нужда в 500 грузовиках для ВВС США в Китае была не очевидна.

Ситуация на материковом театре в Китае была достаточно спокойной. Операция по освобождению Бирмы, начатая, наконец, в начале 1944 года, протекала вяло. Успешные воздушные бои, когда американцы уничтожали 8 самолетов на один потерянный, создавали впечатле-

ние, что авиагруппа ВВС США в Китае является большим соединением, требующим значительного обеспечения. На самом деле, для 500 дополнительных грузовиков у военных летчиков США просто не нашлось бы достаточно задач. Более того, бригадный генерал ВВС США К.Л. Ченнолт полагал, что для эффективной поддержки сравнительно небольшого авиационного соединения достаточно линии воздушного снабжения между Индией и Китаем. Организация такой воздушной линии является детской игрой по сравнению с трудностями, которые пришлось бы преодолеть при организации автоперевозок через Советский Союз и Синьцзян. Количество грузов, которые можно перевозить по этой воздушной линии, полностью обеспечило бы действия авиагруппы.

После совещания заинтересованных ведомств первый заместитель наркома иностранных дел А.Я. Вышинский информировал американское посольство о невозможности удовлетворить пожелание Гарримана ввиду отсутствия между СССР и Китаем соглашения о транзитных перевозках грузов, а также из-за недостатка подвижного состава на железной дороге Ашхабад – Алма-Ата²³.

Тем временем вице-президент США Уоллес совершает свою поездку по Сибири и советской Средней Азии. 17 июля, накануне своего вылета из Алма-Аты в Урумчи, Уоллес направляет благодарственное письмо Сталину²⁴. Когда хлопоты с организацией визита вице-президента миновали, Гарриман вновь обратился с просьбой об автокараване к Молотову. Его надежды, однако, были сразу же развеяны А.Я. Вышинским: «Мне представляется этот вопрос сложным и трудным, дело идет о грузовиках не для Китая, а для США»²⁵.

²⁰ См.: АВП РФ, ф. 0129, оп. 28, пап. 154, д. № 2, л. 110.

²¹ Уоллес Генри Эгард – вице-президент США в 1941–1945 годах.

²² См.: АВП РФ, ф. 0129, оп. 28, пап. 154, д. № 2, л. 113.

²³ См.: АВП РФ, ф. 0129, оп. 28, пап. 154, д. № 1, л. 77.

²⁴ См.: АВП РФ, ф. 0129, оп. 28, пап. 154, д. № 3, л. 51.

²⁵ АВП РФ, ф. 0129, оп. 28, пап. 154, д. № 5, л. 175–176.

23 сентября 1944 года Гарриман вручил Сталину послание Рузвельта и Черчилля о результатах только что завершившейся квебекской конференции, указав на огромное желание президента приступить к планированию будущих военных операций на тихоокеанском театре. Во время беседы Гарриман попросил Сталина разрешить перебросить из Ирана в Китай через Алма-Ату 500 грузовиков для американских ВВС, действующих в Китае. Он пояснил, что силы США в Китае остро нуждаются в этих автомашинах для выполнения боевых задач, а единственным маршрутом доставки оказывается путь из Ирана через СССР.

Казалось, Сталин согласился. Такой вывод Гарриман сделал из того, что Сталин предложил для быстроты отправить в Китай американские грузовики, предназначенные для СССР, и позднее восполнить их новыми поставками из США. Но, по видимому, Сталин сделал свое предложение, имея в виду, что американские грузовики доставят советские военнослужащие, уже несколько лет перегонявшие караваны по секретному маршруту.

Американская сторона приняла встречное советское предложение, но рассчитывала провести караван своими силами. Если разрешить американцам проехать по советской территории до китайской границы, то волей-неволей придется направлять с американским караваном советских проводников, а этого советскому руководству не хотелось.

В одном из кабинетов здания НКВД К.А. Михайлов снял трубку телефона и, набрав номер посольства США, попросил соединить его с советником Джорджем Кеннаном:

– Мистер Кеннан, – попросил он, – не могли бы вы сообщить нам письменно, когда именно ваши военные намерены перебросить из Ирана 500 грузовиков, о которых недавно шла речь в беседе маршала Сталина с послом Гарриманом?

– Разумеется, я все выясню и немедленно пришлю меморандум по этому вопросу, – ответил Кеннан.

Через три дня 2-й секретарь американского посольства Пейдж сделал ответный звонок Михайлову и сообщил, что по вопросу об автокараване посольство запросило Вашингтон и по получении ответа поставит Наркоминдел в известность.

5 октября Кеннан и Пейдж посетили Михайлова и вручили ему меморандум:

«Вручено т. Михайлову К.А.

Пейджем при беседе 5.X.44 г.

(Перевод с английского)

МЕМОРАНДУМ

Сегодня утром генерал Дин получил сообщение о том, что генералу Конолли, командующему американскими войсками в Персидском заливе, поручена задача организации каравана из 500 грузовиков для доставки в Китай через Алма-Ата и Центральную Азию. Представитель командования Китайско-Бирманско-Индийского театра военных действий вылетел в штаб генерала Конолли с целью содействия последнему в разработке подробных мероприятий по перевозке.

Было бы чрезвычайно полезно, если бы генералу Каргину или какому-нибудь советскому должностному лицу в Тегеране было немедленно поручено разработать совместно с генералом Конолли подробные мероприятия в отношении транзита через советскую территорию. Предполагается, что грузовики проследуют своим ходом до Ашхабада, откуда они будут перевезены по железной дороге в Алма-Ата и оттуда пойдут своим ходом в Китай. Было бы желательно получить от советских властей возможно больше сведений о состоянии дорог и о наличии бензина и других предметов снабжения от Алма-Ата и далее.

Генералу Конолли поручено держать генерала Дина²⁶ в курсе всех мероприятий. Генерал Дин или его представитель будут всегда готовы обсудить вопрос о доставке, если это потребуется, с соответствующими должностными лицами Советского Правительства в Москве.

Перевел А. Федотов»²⁷

²⁶ Генерал Дин – глава американской военной миссии в Москве.

²⁷ АВП РФ, ф. 06, оп. 6, пап. 46, д. № 610, л. 89–90.

– Но вы так и не информировали нас о планируемых датах отправки автокаравана и его движении по маршруту, – заметил Михайлов, принимая меморандум. – Нам требуется это знать, чтобы соответствующие советские организации провели необходимую подготовительную работу. Но, во всяком случае, ваш меморандум будет доложен наркомку.

– Мы также доложим о вашем вопросе послу Гарриману и дадим ответ позже, – ответил Кеннан.

Судя по всему, Вашингтон переадресовал вопрос генералу Коннолли²⁸, а тот еще не произвел необходимых расчетов. Прошло две недели, но ясности в сроках у американцев не появилось.

17 октября 1944 года посол У.А. Гарриман направил В.М. Молотову ноту с просьбой информировать советские власти в Иране о разрешении Советского правительства на переброску 500 грузовиков, из числа предназначенных для Советского Союза, для передачи военным силам Соединенных Штатов в Китае. Американскому персоналу для этого требовались визы²⁹.

Гарриман подписал письмо и отбыл из Москвы, оставив временным поверенным в делах Дж. Кеннана. Между тем после разговора Гарримана со Сталиным советская сторона, проанализировав ситуацию, предложила внешне компромиссный вариант: советские водители доставят американские грузовики только до советско-китайской границы в Хоргосе, а далее их пусть принимают американцы, прибывшие туда по китайской территории. С этого момента Кеннану пришлось заниматься этой проблемой в полном объеме.

«Получено 26 октября 1944 г.

Секретно

(Перевод с английского)

**ПОСОЛЬСТВО
СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ**
Москва, 26 октября 1944 г.

Дорогой господин Молотов,

Я хочу выразить признательность моего Правительства за разрешение, полученное от Советского Правительства, о чем Вы сообщаете в Вашем письме от 23 октября. Это позволяет нам использовать для отправки в Китай пятьсот грузовиков, которые в настоящее время собраны для Советского Правительства в Иране.

В Вашем письме имеется, однако, одна фраза, которая, как я опасюсь, была неправильно понята. Эта фраза гласит: «В Хоргосе эти грузовики должны быть переданы американским командам для дальнейшей их перегонки по назначению».

Я понял эту фразу в том смысле, что Советское Правительство не берет на себя ответственность за перегонку в восточном направлении от Хоргоса. Однако генерал Семичастнов³⁰ сообщил сегодня генералу Сполдингу, что, согласно данной фразы, Советское Правительство возьмет на себя доставку этих грузовиков до Хоргоса, где должен быть американский персонал для перегонки их к месту назначения.

Нет никакой возможности доставить требуемый американский персонал в Хоргос, кроме как отправив его через Советский Союз. Речь идет примерно о 1100 человек. Такое количество не только не может быть выделено с китайского театра, но там не имеется транспортных средств для доставки этих людей в Хоргос, даже если бы такой персонал мог быть выделен.

Наш план заключается в том, чтобы американская команда сопровождала грузовики по всему маршруту, и она не вернется в Иран этим путем.

²⁸ Генерал Коннолли – командующий американскими войсками в Персидском заливе. В переводах американских документов, сделанных переводчиками НКВД на русский язык, встречаются различные написания фамилии – Конолли, Коннолли.

²⁹ См.: АВП РФ, ф. 0129, оп. 28, пап.154, д. № 4, л. 127.

³⁰ Представитель Наркомвнешторга.

Я хочу поэтому просить, чтобы был разрешен как проезд персонала, так и перегонка грузовиков, и чтобы соответствующие инструкции были даны советским властям.

*Искренне Ваш,
Джордж Ф. Кэннон³¹
Временный Поверенный в делах*

*Его Превосходительству
Господину В.М. Молотову
Народному Комиссару Иностранных дел
Москва*

Перевел В. Бережков»³²

По-видимому, Молотов лично посоветовался со Сталиным и 1 ноября 1944 года уже ответил Кеннану: «...Имею честь сообщить, что Советское Правительство, идя навстречу пожеланиям Американского Правительства, согласно разрешить 1100 американцам сопровождать 500 грузовиков, перевозимых по железной дороге из Ирана в Китай»³³.

С этого дня к делу подключился Генеральный штаб РККА. Американские военные, наконец, произвели необходимые расчеты, и Кеннан направил В.М. Молотову ноту:

*«Получено 15 ноября 1944 г.
Секретно*

(Перевод с английского)

*ПОСОЛЬСТВО
СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ
Москва, СССР, 15 ноября 1944 г.*

Дорогой г-н Молотов,

В связи с отправкой американских грузовиков нашим Военно-Воздушным силам в Китае выяснилось в результате переговоров между генералом Дином и Генеральным Штабом Красной Армии, что необходимо направить специальный караван в Ашхабад для организации склада снабжения, где караван грузовиков для

Китай мог бы быть полностью загружен перед отправкой из Ашхабада.

Желательно направить специальный караван в соответствии со следующим расписанием: он отправится из Тегерана 23 ноября; прибудет в Ашхабад 26 ноября; разгрузится в Ашхабаде 27 ноября; отправится из Ашхабада 28 ноября и возвратится в Тегеран 1 декабря.

Специальный караван будет состоять из 137 перевозочных единиц, в следующем составе: 124 дизельных грузовика, 2 транспорта тяжелого оружия пехоты, 7 виллисов, 1 грузовик 6x4 с прицепом, один грузовик на 2,5 тонны, 1 санитарная машина и 1 аварийный грузовик. Караван будет везти груз в 450 тонн, состоящий из 384 тонн газаolina в бочках, 54 тонн продуктов и 12 тонн смазки.

Персонал специального каравана будет состоять из 8 офицеров и 198 рядовых, из которых 7 офицеров и 184 рядовых вернутся в Тегеран, а один офицер и 14 рядовых останутся в Ашхабаде при складе снабжения и выедут с китайским караваном, когда последний отправится из Ашхабада.

Выражается просьба, чтобы вышеупомянутому специальному каравану был разрешен въезд на советскую территорию. Также выражается просьба, чтобы Советское Посольство в Тегеране получило разрешение и указание выдать групповые визы для въезда и выезда в Советский Союз и из Советского Союза для персонала, включенного в караван.

Ввиду скорой отправки каравана из Тегерана, я был бы благодарен, если бы это разрешение было предоставлено как можно скорее.

*Искренне Ваш,
Джордж Ф. Кеннон
Временный Поверенный в Делах*

*Его Превосходительству
Господину В.М. МОЛОТОВУ
Народному Комиссару Иностранных Дел
Москва*

Перевел Потрубач»³⁴

³¹ В переводах документов НКВД СССР на русский язык разные переводчики использовали различные транскрипции фамилии Кеннан – Кэннон, Кеннон и Кеннан.

³² АВП РФ, ф. 0129, оп. 28, пап. 154, д. № 4, л. 139.

³³ АВП РФ, ф. 0129, оп. 28, пап. 154, д. № 1, л. 166.

³⁴ АВП РФ, ф. 0129, оп. 28, пап. 154, д. № 4, л. 162–163.

В тот же день Дж. Ф. Кеннан направил В.М. Молотову еще одну просьбу – доставить американским самолетом через советскую территорию радиоустановку в Урумчи. Но Генеральный штаб РККА выступил против обоих планов США. Американцы быстро отступили ради главного – проводки конвоя через Синьцзян. Но советские визы в Тегеране все еще оставались проблемой.

«Получено 20 ноября 1944 г.

Секретно

(Перевод с английского)

ПОСОЛЬСТВО
СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ
Москва 20 ноября, 1944 г.

Дорогой г-н Молотов,

8-го ноября я писал Вам относительно виз для персонала, который будет сопровождать конвой грузовиков, переправляемый через Советский Союз нашим Военно-Воздушным силам в Китае. В моем письме я предлагал, чтобы этому персоналу было разрешено въехать и покинуть Россию по групповым визам таким же образом, как это было принято в отношении наших воздушных операций на русских базах.

Генерал Дин получил сообщение от генерала Конноли о том, что Советское Посольство в Тегеране еще не имеет указаний по этому вопросу. Генерал Конноли высказал предположение о том, что было бы желательно придерживаться системы групповых виз, но чтобы визы были выписаны для отдельных лиц. Основанием для этого его предложения послужило то, что конвой должен въехать в Россию двенадцатью группами, так как будет необходимо использовать это число поездов для их переброски по железной дороге. Однако по административным и организационным причинам генерал Конноли планирует, чтобы конвой покинул Россию тремя группами. Это означало бы, конечно, что визы, выданные для въезда группами,

не смогли бы быть использованы при выезде. Он также считает целесообразным, чтобы каждое лицо имело свою собственную визу, в связи с необходимостью возможных изменений в последнюю минуту в отношении персонала, из которого будут состоять группы.

Конвой отправляется из Тегерана 6 декабря. Поскольку подготовка виз связана со значительной административной работой, я был бы признателен, если бы соответствующие указания были как можно скорее направлены Советскому Посольству в Тегеране.

Искренне Ваш,
Джордж Ф. КЕННОН
Временный Поверенный в Делах

Его Превосходительству
В.М. МОЛОТОВУ
Народному Комиссару Иностранных дел
Москва

Перевел В. Бережков»³⁵

Между тем обстановка в Синьцзяне осложнилась. По поручению В.М. Молотова 25 ноября 1944 года С.К. Царапкин принял Кеннана и сделал ему устное заявление: в силу сложившейся в Синьцзяне обстановки «Советское правительство считает целесообразным отложить на некоторое время вышеуказанную операцию по переброске грузовиков в Китай»³⁶ и передал Кеннану отпечатанный текст заявления. На следующий день посольство США направило в НКВД запрос – следует ли американским властям понимать это заявление в том смысле, что советское правительство, со своей стороны, не считает возможным в настоящий момент приступить к осуществлению мероприятий по переброске грузовиков через советскую территорию. По поручению С.К. Царапкина его заместитель Д.С. Чувахин ответил: «Указанное заявление следует понимать

³⁵ Там же, л. 167.

³⁶ АВП РФ, ф. 06, оп. 6, пап. 46, л. № 610, л. 112.

³⁷ Там же. С. 119.

в этом смысле»³⁷. Американская сторона была весьма разочарована разъярением Наркоминдела³⁸.

Однако неудивительно, что Джорджу Кеннану не удалось справиться с поставленной ему задачей. Дело было вовсе не в визах.

В порядке советской помощи Китаю в последние месяцы 1937 года начались поставки артиллерийского, авиационного, автобронетанкового снаряжения, пулеметов и боеприпасов через вьетнамский порт Хайфан и далее по железной дороге. Этот маршрут действовал до оккупации Японией северных районов Индокитая и блокады морского побережья Китая. Почти полная утрата Китаем возможностей постоянных сношений с внешним миром отвели провинции Синьцзян первостепенное значение как одной из важнейших сухопутных связей страны с СССР и Европой. Поэтому с началом японо-китайской войны в 1937 году китайское руководство обратилось к Советскому Союзу с просьбой о помощи в создании транспортного маршрута через провинцию Синьцзян. Эта трасса должна была стать основным маршрутом переброски советского вооружения во внутренние районы Китая. Правительство СССР ответило согласием, и уже в октябре 1937 года китайские рабочие под руководством советских инженеров и техников начали прокладку автомобильной трассы, которая начиналась от станции Сары-Озек на Турксибе, затем проходила по территории СССР до поселка Хоргос, пограничного пункта с Китаем, и далее по территории провинции Синьцзян через Урумчи до Ланьчжоу. На строительстве были заняты несколько тысяч советских специалистов. Общая протяженность трассы составляла 2925 км.

В первый период основная часть советского контингента в Синьцзяне была занята обеспечением бесперебойной деятельности и охраной трассы. Для этого была создана особая войсковая часть, в распоряжении которой находилось 750 грузовых автомобилей, подчинявшаяся отделу спецзаданий Генштаба Красной Армии. Для перевозки грузов сформировали особую бригаду того же подчинения.

Общее руководство перевозкой военных грузов в Китай осуществлял оперативный штаб, находившийся в Алма-Ате. Переброска военных грузов автомашинами из Сары-Озек началась 17 октября 1937 года. После первого рейса на автотрассе были произведены дополнительные работы по расчистке и расширению перевалов, отремонтированы мосты. К середине ноября 1937 года, несмотря на сложные условия, весь маршрут был полностью освоен.

По просьбе китайской стороны в 1938 году трасса была продолжена до Сяньяна, ее общая протяженность составила 3750 км. Этот путь снабжения китайской армии оставался самым надежным и действовал до конца 1944 года в условиях абсолютной секретности, сохраненной, кстати, до нашего времени³⁹.

Понятно, что 500 грузовиков и более тысячи американских военных не только создали бы серьезные перебои в поставке оружия Китаю советскими караванами, но и привели бы к неминуемому рассекречиванию важной стратегической спецоперации. Вот почему Джорджу Кеннану так и не удалось дипломатическим путем обеспечить США проводку американского конвоя через Алма-Ату и Синьцзян.

³⁸ См.: там же.

³⁹ Среди немногочисленных публикаций об этой спецоперации см.: Градов Ю. Караван на перевале (неизвестная хроника 30-х годов) // Проблемы Дальнего Востока. 1990. № 2, 3, 4; Градов Ю. А машины шли и шли... (Еще один невидимый фронт) // Литературная газета. 2000. 6–12 сентября. № 6; Градов Ю. Шелковый путь и три монаха Китая. М.: Стратегия, 2004.

*Календарь событий осени – зимы
2007/2008 года*

Научно-исследовательский семинар

19 октября 2007 года, г. Петрозаводск

«Особенности российской модернизации»

**Асимметрии Республики Карелия:
особенности двойной периферии**

«Российское приграничье: тезисы о суверенитете», *Олег Реут*, директор семинара «Республика Карелия: маргинальность и модернизация»; «Репрезентации Республики Карелия в финском дискурсе “европейскости”», *Маркку Кангаспуро*, руководитель исследований, Александровский институт, Финский центр российских и восточно-европейских исследований (Хельсинки, Финляндия); «Неверное толкование знаков: социально-экономическое развитие Республики Карелия в контексте российского федерализма», *Дэвид Дюссо*, приглашенный исследователь, Александровский институт

ведущие – Илья Соломеш, Эмиль Паин

Совместно с Петрозаводским государственным университетом

Старовойтовские чтения

21 ноября 2007 года, г. Санкт-Петербург

**Кризис электоральной демократии:
миф или реальность**

«Модели взаимодействия власти и структур НКО: российский опыт», *Александр Сунгуров*, президент Санкт-Петербургского гуманитарно-политического центра «Стратегия»; «Эволюция электоральной политики в России: на пути к недемократической консолидации», *Владимир Гельман*, профессор факультета политических наук и социологии Европейского университета в Санкт-Петербурге; «Электоральная демократия: дилеммы постсоветского прочтения», *Алексей Крысенко*, доцент кафедры политологии Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина (Украина); «Выборы с Галиной Старовойтовой и без нее», *Гурген Бояджян*, представитель Фонда «Музей Г.В. Старовойтовой» в г. Ереване;

«Мифологическая реальность избирателя», *Мария Белоусова*, старший научный сотрудник Социологического института РАН (Санкт-Петербург); «Предвыборная кампания 2007: взгляд изнутри», *Ольга Цепилова*, старший научный сотрудник Социологического института РАН, заместитель председателя фракции «Зеленая Россия» в партии «Яблоко»

Совместно с Фондом «Музей Г.В. Старовойтовой»
и Санкт-Петербургским государственным университетом

Семинар

25 февраля 2008 года, г. Москва

От этнической нации к политической – возможно ли это в России?

Эмиль Паин, профессор ГУ – ВШЭ;
Лев Гудков, директор Аналитического центра Юрия Левады (Левада-Центр);
Владимир Малахов, ведущий научный сотрудник Института философии РАН

Ведущая – Татьяна Ворожейкина

Совместно с Музеем и общественным центром имени Андрея Сахарова и Левада-Центром

Совет Товарищества

Журавлева Виктория Ивановна

*к.и.н., доцент кафедры мировой политики и международных отношений
Российский государственный гуманитарный университет
г. Москва*

Ланин Борис Александрович

*д.филол.н., заведующий лабораторией литературы
Институт содержания и методов обучения
Российской академии образования
г. Москва*

Макарычев Андрей Станиславович

*д.и.н., профессор
Нижегородский лингвистический университет
г. Нижний Новгород*

Паин Эмиль Абрамович

*председатель, д.политич.н., профессор
Институт социологии РАН
Государственный университет – Высшая школа экономики
г. Москва*

Первова Ирина Леонидовна

*д.социол.н., профессор, факультет социологии
Санкт-Петербургский государственный университет
г. Санкт-Петербург*

История края как поле конструирования региональной идентичности

По мере все большего забвения единого для всех «Краткого курса истории ВКП(б)» историки, работающие на постсоветском пространстве, отваживаются на различные интерпретации своего прошлого. Новые истории уже вышли на первый план межгосударственных отношений, например, России и Украины. Государство постепенно возвращает себе контроль над содержанием школьных учебников в России. Однако есть область, в которой продолжается «живое творчество». Это историография российских регионов.

Каждая республика, край или область Российской Федерации на протяжении вот уже двух десятилетий пытается построить собственную идентичность. Это связано как с политической повесткой дня местных элит, так и с задачами патриотического воспитания, школьного преподавания и, наконец, развития туризма¹.

Наиболее четко это «строительство» можно проследить на примере историй родного края. Эта бурно развивающаяся отрасль исторической науки часто пользуется поддержкой местных властей (вспомним недавний случай с «обоснованным новыми открытиями» изменением даты основания Казани и празднованием ее 1000-летнего юбилея).

Темой семинара «История края как поле конструирования региональной идентичности», проведенного в Волгограде 11 апреля 2008 года при поддержке Института Кеннана, стало обсуждение того, каким образом пишутся учебники истории края, как эта местная история изучается и преподается в разных регионах России.

В семинаре приняли участие ученые из Волгограда, Москвы, Астрахани, Ростова-на-Дону, Краснодара, Элисты.

С основным докладом выступил главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН д.и.н. *В. Шнирельман*, проанализировавший версии локальной древней и средневековой истории и предложивший их классификацию. Вызывающим беспокойство фактом автор считает то, что в рассмотренных им версиях истории нет и намек на гражданскую идентичность, зато постоянно подчеркивается идентичность этническая.

Многие выступавшие сосредоточились на конструировании идентичности на Юге России, где наиболее острые вопросы сконцентрированы вокруг проблем казачества.

Заместитель директора Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е.Д. Фелицына к.и.н. *Д. Сень* рассказал о спорах вокруг конструирования этнической истории Западного Кавказа. Дискуссии здесь перетекают

¹ В 1990-е годы особое значение имело еще и конструирование местных «брендов», побуждавших покупателей тратить деньги на продукты местного производства, поддерживая производителей, скажем, водки с «локализованными» названиями. См.: *Петров Н. О регионализме и географическом кретинизме* [<http://www.polit.ru/lectures/2006/02/13/petrov.html>].

из проблем развития культуры в этническую идентичность и из науки в политику.

Доцент Волгоградского государственного университета (ВолГУ) и научный сотрудник Южного научного центра РАН к.и.н. *М. Рыблова* поделилась своим подходом к истории казачества. Участники очень заинтересовало ее наблюдение о попытках региональных властей изменить идентичность Волгоградской области. Позиционируемая обычно в русле военно-патриотической традиции, в последнее десятилетие область все чаще обозначается как «казачий регион», что, в свою очередь, связано с успехами так называемого «казачьего возрожденческого движения». Проблема, однако, заключается в неоднозначности и противоречивости этого движения – от возможных вариантов его развития будет зависеть не только образ региональной идентичности Волгоградской области, но и конкретная социально-политическая ситуация в регионе.

Профессор Северо-Кавказской академии государственной службы (Ростов-на-Дону) *С. Кислицын* развернул дискуссию вокруг сообщения *М. Рыбловой*, не согласившись с некоторыми его положениями. В самом деле, казачья идентичность сегодня остается одной из самых дебатированных тем на Юге страны. *Кислицын* рассказал о собственных учебниках истории казачества и о непростом опыте выстраивания отношений между учеными и современными лидерами казачества.

К.и.н. *В. Викторин* (Астрахань) в своем комментарии поделился опытом исследования южнорусской истории.

Д.и.н. *А. Цюрюмов* (Элиста) рассказал о противоречиях в построении истории края: с одной стороны, детям рассказывается история территории Нижнего Поволжья, с другой – история калмыков как западно-монгольских племен, откочевавших на эти земли в XVII веке. Как совместить историю территории

и историю этноса? Простых ответов на этот вопрос нет.

Профессор ВолГУ д.и.н. *А. Кубышкин* в интересном сообщении проанализировал личный опыт смены идентичности при переезде ученого из одного региона страны в другой.

Декан факультета истории и международных отношений ВолГУ д.и.н. *О. Редькина* рассказала, что история края в Волгограде строится прежде всего вокруг документальных публикаций, готовящихся местными краеведами. Кроме того, она сообщила о пожелании создания «истории Южного федерального округа», вызывая тем самым оживленные дебаты о конструировании истории территории, не имевшей собственной истории как единого целого. Вместе с тем это относится и к землям нынешней Волгоградской области, до революции относившимся к Саратовской и Астраханской губерниям и к Области Войска Донского.

Участники семинара пришли к выводу, что, в то время как власти пытаются установить канон всероссийской истории, в регионах продолжают очень интересные процессы по созданию собственной, региональной идентичности. Было обращено внимание на опасности, связанные с формированием региональной идентичности полностью на этнической основе. Более предпочтительной представляется гражданская идентичность.

Выступления участников настолько плодотворно дополняли друг друга, что собравшиеся единодушно предложили издать их под одной обложкой.

Иван Курилла,

*доктор исторических наук,
заведующий кафедрой зарубежной
истории и мировой политики
Волгоградского государственного
университета
Former Kennan Institute Regional
Exchange Scholar*

Академическая программа Фулбрайт-Кеннан

Программа Фулбрайт в Российской Федерации и Институт Кеннана Международного научного центра имени Вудро Вильсона при финансовой поддержке Бюро по образованию и культуре Государственного департамента США проводят открытый конкурс на получение грантов по программе Фулбрайт-Кеннан на проведение исследований в области гуманитарных и общественных наук

С оискателями могут стать преподаватели высших учебных заведений, сотрудники академических институтов и научных центров, проработавшие по специальности не менее двух лет после защиты кандидатской диссертации. Преимущество при отборе будет отдано лицам, исследования которых посвящены актуальным общественно-политическим вопросам, способствуют развитию науки и образования в странах бывшего Советского Союза, а также сближению мира науки и мира политики. Возрастных ограничений для претендентов нет.

По этой программе Институт Кеннана сможет принять шесть ученых из России на шесть месяцев. Победители конкурса должны проводить свои исследования в Институте Кеннана Международного центра имени Вудро Вильсона, Вашингтон, округ Колумбия.

Сроки заезда участников: сентябрь 2009 года и март 2010 года.

Участникам программы Фулбрайт-Кеннан предоставляются первоклассные условия для научной работы, компьютер и компьютерная поддержка, а также помощь в проведении исследования. Победителям конкурса будет предложено выступать с публичными лекциями по заявленной теме, участвовать в дискуссиях с представителями политических и научных кругов в рамках встреч, конференций и других мероприятий, организуемых Институтом Кеннана и Международным центром имени Вудро Вильсона.

Для участия в конкурсе необходимо заполнить стандартную форму заявки для Программы Фулбрайт, указав Институт Кеннана в качестве выбранного места проведения исследования. Документы принимаются только в офисе Программы Фулбрайт.

Крайний срок подачи заявок – 17 октября 2008 года.

Более подробную информацию можно получить по следующим адресам:

Программа Фулбрайт в РФ:

125009, Москва, Россия
ул. Тверская, 16/2, строение 3, офис 1
Институт международного образования
Тел.: (495) 935-8353; факс: (495) 937-5418
E-mail: fulbright@fulbright.ru
Web-страница: www.fulbright.ru

РОО «Кеннан»:

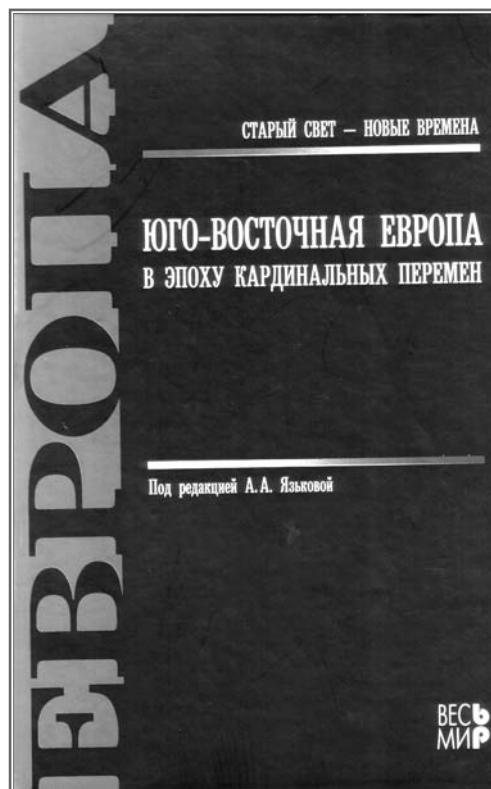
123001, Москва, Россия, а/я 90
Тел./факс: (495) 232-3496/97
E-mail: galya.kennan@gmail.com
Web-страница: www.kennan.ru

Кто развяжет «балканский узел»?

В Европе, пожалуй, нет другого такого региона с более драматической судьбой, чем Юго-Восточная Европа, известная как Балканы. «Пороховой погреб», «уязвимое подбрюшье» Европы, «балканский геополитический узел» – самые распространенные дефиниции на протяжении долгой истории этого края, особенно в XX веке и в наше время.

Экономическая и политическая обстановка в странах Юго-Восточной Европы, резко изменившаяся их внешнеполитическая ориентация определяются новой геополитической ситуацией в Европе, да и во всем мире, которая не может не влиять на них. Очень важно поэтому правильно оценить новые, подчас драматические события на Балканах с учетом важнейших направлений современной международной жизни. Именно этому посвящена очередная монография в серии «Старый Свет – новые времена», подготавливаемой Институтом Европы РАН. «Ключевым словом» монографии (не случайно вынесенным в ее заглавие) являются «кардинальные перемены». Это относится и к самому региону, и к европейской геополитической ситуации в связи с событиями на Балканах.

По мнению российских исследователей, современный мир переживает очередной этап масштабной трансформации международной системы. «Этот процесс начался после распада биполярного мира, ликвидации мировой системы социализма и приобретения хозяйственными рыночными порядками

Юго-Восточная Европа в эпоху кардинальных перемен.

Под редакцией А.А. Язьковой. М.: Весь мир, 2007. 352 с.

универсального характера. Главными элементами трансформации стали глобализация хозяйственных и общественных отношений, активизация трансграничных процессов и усиление многослойной взаимозависимости в политике и экономике, нарастание гибкости, противоречивости и неустойчивости международной системы в целом»¹.

В самом начале монографии вполне обоснованно отмечается: «Оценивая современную роль Балкан в системе международных отношений, нельзя не согласиться с тем, что речь идет о периферийной части Европы... Тем не менее парадокс заключается в том, что, обладая незначительными ресурсами и являясь больше объектом внешнего воз-

¹ Мир вокруг России // Мир перемен. 2007. № 3. С. 9.

действия, чем субъектом влияния, Балканы не раз приковывали и продолжают приковывать к себе внимание мирового сообщества и держать его в напряжении» (с. 9). Это проявлялось в годы блокового противостояния и особенно в период кардинальных перемен конца 80–90-х годов прошлого века. «На протяжении более чем полувека после окончания Второй мировой войны балканские страны и весь регион в целом прошли ряд этапов в своем внутреннем и международном развитии. На положение в регионе оказывали воздействие не только характерные для каждой из стран внутренние, но и более значительные, чем для какого-либо другого европейского региона, международные факторы. Почти все эти годы Балканы продолжали оставаться ареной противостояния мировых держав, чему способствовала сформировавшаяся в послевоенные годы уникальная структура региона» (с. 21).

Достаточно перечислить основные проблемы, которые рассмотрены в книге, чтобы стала ясной научная значимость исследования, проведенного большим авторским коллективом. Это цивилизационно-культурные и исторические особенности развития Юго-Восточной Европы, системные преобразования в балканских странах и (что привлекает особое внимание) Юго-Восточная Европа в современных международных отношениях.

Все эти и подчиненные им проблемы тесно взаимосвязаны. Нельзя, например, понять место и роль национализма в межэтнических и межгосударственных отношениях без рассмотрения сходных черт и противоречивости культурно-исторического развития балканских народов. Или выяснить этапы становления демократии и политические итоги «постсоциалистического» развития, не изучив сложные процессы экономического и социального развития стран балканского региона.

Нужно отдать должное авторам монографии, которые не только собрали

и обобщили большой документальный материал по теме их исследования, но и провели скрупулезный сравнительный анализ общих черт и особенностей развития каждой из балканских стран (не только «постсоциалистических», но и Греции и Кипра).

При этом в книге сделан аргументированный вывод, что «переход к рыночной экономике и многопартийной демократии в странах этого региона оказался более сложным, чем в других частях бывшего социалистического пространства» (с. 141).

Значительное место в книге уделено процессам интеграции стран Юго-Восточной Европы в НАТО и ЕС, проблеме Косово, а также роли России в современной геополитической ситуации на Балканах.

По существу это сложные и, увы, очень по-разному трактуемые проблемы все того же неразвязанного «балканского узла» в современных международных отношениях. В книге отмечается, что «вооруженные конфликты первой половины 90-х годов на территории экс-Югославии в той или иной мере затронули все страны Юго-Восточной Европы, превратив большинство из них в «прифронтовые государства». Поэтому начавшийся при посредничестве США и НАТО мирный процесс (Дейтонские соглашения по Боснии и Герцеговине, прекращение вооруженных столкновений в Косово и Македонии) вселил в них надежду на хотя бы относительную эффективность действий США и НАТО по «принуждению к миру», подтверждая, как им казалось, безусловную правильность избранного ими пути» (с. 278). И далее: «Процессы трансформации НАТО в регионе Юго-Восточной Европы проходят достаточно сложно, и балканские кризисы лишь с большой долей условности можно назвать «фактором ускорения модернизации альянса», как это утверждалось в Стратегической концепции. Не случайно поэтому стала необходимой активизация сотрудничества НАТО и ЕС

в этом сложном и взрывоопасном регионе» (с. 290).

«Албанская проблема» в Косово детально рассматривается в монографии. «Значение “албанской проблемы” уже в 90-х годах вышло далеко за пределы Косово и Югославии, превратившись, по образному выражению итальянского политолога Роберто Спано, в “бомбу с часовым механизмом” на Балканах. Напряженность между подавляющим большинством албанского населения и остальными этническими группами Косово, преимущественно сербами, вылилась в тяжелейший международный конфликт конца 90-х годов. Но она накапливалась и вышла на поверхность как результат длительного исторического пути и совместного проживания в этой части Балканского полуострова двух этнических групп – сербов и албанцев» (с. 131). Можно согласиться с выводом, что «вне зависимости от формального статуса края “косовская проблема” еще долго не будет закрыта, и нынешняя внутренняя ситуация в Косово подтверждает сложившиеся об этом крае представления как о “бомбе замедленного действия” на Балканах» (с. 136).

Место и роль стран Юго-Восточной Европы в современной международной жизни определяются в значительной степени состоянием российско-американских отношений. Полностью перейдя в сферу влияния Соединенных Штатов, почти все балканские государства ориентируются в основном на американскую политику в отношении России.

Зависимость внешней политики балканских стран от Соединенных Штатов предопределяет «взлеты» и «спады» в отношениях между ними и Россией. Болгарский исследователь Е. Гиндев, характеризуя развитие российско-болгарских отношений, отмечает, что они «зависят от температуры отношений между Москвой и Вашинг-

тоном»². Но эту зависимость можно распространить почти на все другие страны региона.

Разногласия между Россией и США, которые влияют на международные позиции стран Юго-Восточной Европы, касаются практически всех актуальных проблем мировой политики – от Косово до положения на Ближнем Востоке.

По мнению российских, да и западных аналитиков, годы «стабильной однополярности», то есть усиления позиций США в мировой политике, не привели после фактического распада системы европейской безопасности к созданию качественно новой системы обеспечения мира в Европе. Напротив, именно действия США, поддержанные другими странами НАТО, предопределили создание очага нестабильности в Юго-Восточной Европе. Дальнейшее развитие событий в этом регионе, провозглашение независимости Косово и отделение этого края от Сербии, создает предпосылки для новой вспышки противоборства, которая еще больше осложнит международную ситуацию в этой части Европы.

В XXI веке человечество вступило в этап нового передела мира. И хотя налицо явные черты, прежде всего научно-технологические, отличающие новый век от предыдущего, все же господствуют старые силовые методы военного воздействия на международные отношения. Наглядным проявлением этих методов стала политика США на Балканах. И это отмечается в монографии: «Американская стратегия “балканского урегулирования” носила откровенно силовой характер: сначала наносился бомбовый (ракетный) удар по “противнику” (которым были избраны сербы), затем под угрозой эскалации военных действий его принуждали пойти на политические уступки... Подобная нелегитимная практика не лучший способ действия, она подрывает авторитет ООН» (с. 17).

² Международни отношения. София. 2004. № 2. С. 105.

В политике Соединенных Штатов особое место занимают балканские государства. Стабилизация Балкан имеет большое значение для международной безопасности. Как отмечает болгарский исследователь М. Миланов, балканский регион все еще сталкивается с рядом рисков и вызовов, к которым можно отнести слабость государств в переходный период, нерешенные конфликты, неудовлетворительный уровень экономического развития. Не преодолены этнические и религиозные различия, которые после окончания холодной войны превращаются в основной источник противоречий в регионе.

Рассматривая американские геостратегические интересы на Балканах, М. Миланов подчеркивает: «Их следует воспринимать в нескольких плоскостях: ограничение российского влияния; обеспечение свободного доступа к нефтяным залежам Кавказско-Каспийского региона; оказание помощи союзным или дружественным режимам»³. США и Россию он рассматривает как геополитических конкурентов в отношении каспийских энергетических ресурсов и их транспортировки, в том числе на Балканах.

В последние годы наблюдается качественное изменение российской политики на Балканах, все более принимающей геостратегическую направленность. При этом выражаются не только интересы российской экономики, но и потребность защиты в контексте расширения НАТО и размещения установок системы американской противоракетной обороны на территории бывших союзников по Варшавскому договору.

Место и роль России на Балканах довольно детально освещены в книге, хотя и не учтены некоторые важные обстоятельства, например влияние российско-американских отношений. К тому же в рамках одной монографии по-разному оцениваются позиции России на Балканах.

Вот, например, чисто эмоциональный подход: «Новые реалии балканской политики, связанные с поиском принятия практических решений как на региональном, так и на международном уровне, ставят Россию перед необходимостью перехода на позиции прагматизма, не имеющего ничего общего ни с романтизмом, грозящим неисчислимыми конфликтами в поисках недостижимой “справедливости”, ни с примитивным практицизмом, видящим только сиюминутную выгоду. В XXI веке России необходим новый стратегический курс в Юго-Восточной Европе. Но для этого не годятся ни абстрактные идеи мыслителей XIX – начала XX века, ни упрощенные глобальные схемы современных западных политологов, ни механическое перенесение ситуации из прошлого в настоящее» (с. 322).

А через шесть страниц автор уже другой главой совсем иначе оценивает роль России: «Между тем и ЕС, и США, взявшие на себя роль едва ли не единственных вершителей судеб балканских государств, проводят в регионе курс, принципиально отличный от российского. Позиция России – отстаивание нерушимости границ, суверенитета и территориальной целостности государств региона. Политика ее западных партнеров далека от единого стандарта и общей логики в отношении однотипных ситуаций и не готова на деле признать равноправие народов и государств этой части Европы. Если в интересах России было бы создание на Балканах международно-правовых и политических прецедентов, выгодных ей на постсоветском пространстве, то ЕС и США склонны решать каждую проблему, руководствуясь разными принципами, исходя из собственных прагматических задач в каждом конкретном случае» (с. 328).

В российских исследованиях есть и более категоричная точка зрения. Ут-

³ Миланов М. Геостратегические интересы на Балканах. София, 2007. С. 4.

верждается, что после распада Советского Союза, как это ни покажется парадоксальным, вновь проявилась старая, времен XIX века, геополитическая константа. «После самоустранения России проявилась старая цель – взять под контроль Восточную Европу вместе с выходом к Балтийскому морю на севере и к Средиземному и Черному морям на юге – и опять Восточный вопрос: контроль над Средиземноморьем, Проливами, Черноморско-Каспийским регионом...»⁴

Так кто же развяжет «балканский узел»?

Вывод авторов монографии довольно пессимистичен: «националистическое наследие XX века еще не скоро будет окончательно преодолено в сознании нынешнего и будущего поко-

лений стран Юго-Восточной Европы» (с. 139).

И все же появляются симптомы того, что демократические процессы в странах Юго-Восточной Европы смогут привести к ликвидации наслоений прошлого, к нормализации взаимоотношений всех народов балканского региона. Если эти народы преодолеют воздействие внешних сил, которые добиваются решения здесь своих корыстных интересов, еще туже завязывая при этом «балканский узел». Так что «балканский узел» смогут развязать только сами балканские народы, если...

Игорь Орлик,

*доктор исторических наук, профессор,
главный научный сотрудник
Института экономики РАН*

---

⁴ Нарочницкая Н.А. Россия и русские в мировой истории. М., 2005. С. 476.

Новая книга о модернизации России

Еще десять лет назад казалось, что эпоха реформ в самом разгаре, что их курс, становясь все более нестабильным, все же остается подающим коррективку заинтересованными политическими и экономическими силами. Российская политика на современном этапе началась с провозглашения контрреформистских идей под общим лозунгом: «Хватит ставить эксперименты над народом!» И сегодня былые претензии на коррекцию курса кажутся иллюзорными. Эпоха политических и экономических реформ уступила место эпохе модернизации отдельных отраслей и сфер: новое оборудование, новые стандарты, новые удобства и услуги.

Ученые не были бы учеными, если бы относились к действительности доверчиво и просто и принимали ее такой, как она есть: на дворе холод контрреформ – лучше сиди дома, а выходишь – натяни шапку на уши и поменьше смотри по сторонам, а то нос отморозишь. Настоящие ученые хотят знать: откуда холода пришли, в чем их причина и специфика, ожидать ли еще большего похолодания или есть надежда на оттепель.

Семинар «Особенности российской модернизации», проводимый с 2004 года Товариществом выпускников Института Кеннана, и стал площадкой для обсуждения этих проблем. Доклады, прочитанные на семинаре, и отдельные статьи его участников были собраны в книгу «Российская модернизация: размышляя о самобытности», выпущенную Институтом Кеннана в издательстве «Три квадрата». Составителями сборника выступили руководители семинара Э. Паин и О. Волкогонова.

*Сборник статей. Под ред. Э.А. Паина
и О.Д. Волкогоновой.
М.: Три квадрата, 2008. 416 с.*

Все авторы – известные и уважаемые ученые, что избавляет меня от необходимости каждый раз повторять: «известный социолог» или «известный экономист» такой-то.

Вполне закономерно, что после сворачивания реформ у тех ученых, которые искренне верили в их необходимость, появилось желание осмыслить, что же произошло: поражение или отступление, взглянуть на недавнее прошлое в более широком контексте, более отстраненно, увидеть за отдельными событиями исторический процесс и понять его. Ведь в некоторых других странах реформы прошли, новое утвердилось и даже приносит плоды. Почему же у нас не так? Что этому помешало? Какие особенности современного состояния российского общества способствуют, а какие мешают процессам модернизации? Собственно, это и есть основная тема сборника. Отсюда же сильная историческая составляющая многих его

статей. Уклон сборника получился скорее теоретический. Даже авторы, работающие с конкретным материалом, склонны на его основе подтверждать теоретические построения или создавать свои концепции, уточняющие чужие построения.

Слово «модернизация» сегодня не самое популярное понятие в российском дискурсе. Как заметил В. Иноземцев, один из авторов книги, модернизация предполагает ученичество, а современная российская политическая элита, формирующая общественный дискурс, к позиции ученичества относится если и не враждебно, то недоуменно: чему и у кого учиться? У американцев? У британцев?

И в допутинский период «модернизация» не была в большом ходу. На начальном этапе современной истории России наиболее употребляемым было понятие «реформы», несущее в себе заявку на изменения и трансформацию. Модернизация – это инженерия и постепенные изменения, реформы – более глубокие и кардинальные изменения. Но даже и в этом значении слово «модернизация» плохо себя чувствует в современном русском языке.

Говоря о модернизации, мы всегда должны предполагать наличие субъекта изменений. Большинство авторов выражают довольно пессимистический взгляд на будущее российской модернизации и не видят в реальности социальных и политических сил, способных стать ее лидерами. Некоторые из авторов предлагают в качестве таковых провинциальных законодателей и бизнесменов. А вот описание социальных сил, сдерживающих модернизацию, – их мотивации, занимаемые социальные позиции, экономические, идейные, социальные интересы – дано подробно в нескольких статьях.

Тема модернизации толкуется учеными по-разному. Первое значение – общеупотребительное: приведение отсталого к современному виду, обновление. При этом обычно имеется в виду чисто

техническая, рационально-просветительская, инструментальная деятельность: новые знания, технологии, технические достижения. Второе значение включает в себя политическую и ценностно-духовную составляющие – политические реформы и институты демократии, утверждение прав и свобод личности. Некоторые исследователи убеждены, что первого не бывает без второго, что все институты развиваются в комплексе. Конечно, на длительную перспективу это верно, но авторитарные властители иногда успешно проводили модернизацию и решали свои локальные задачи, о чем свидетельствует, например, опыт советской модернизации.

Сборник предваряется вступительной статьей Э. Паина. Автор, определяя идеологическую позицию сборника, видит ее как срединную по отношению к двум, с его точки зрения, крайним мнениям. Одно – это известная теория «суверенной демократии» по В. Суркову: «Культура – это судьба. Нам Бог велел быть русскими...» Второе «крайнее мнение» – это «взгляды немалой части оппозиционно настроенных интеллектуалов из либерального лагеря, совершенно отрицающих специфически российский путь». Суть подобных воззрений выражена в словах политолога Д. Орешкина: «Разговоры об особом пути России – не более чем политическая спекуляция, направленная на консервацию интересов определенных групп».

«Большинство авторов этой книги, – по мнению Э. Паина, – не разделяют ни официальной доктрины... особого пути России, ни радикально либерального его отрицания». С их точки зрения, культура – это «не судьба, а социальная практика, включая и целенаправленные действия властей».

Российской публике знакома и идея экономического детерминизма – экономические интересы определяют и сознание, и политику, – и идея неизменных сущностных особенностей народа. Последнюю вот уже 250 лет успешно разрабатывают российские любители наци-

ональной типологии. Первая идея, известная еще в античности под именем «*Cui prodest?*» («Кому выгодно?»), является мощным аналитическим методом. Даже если это мнение и кажется «радикальным», его открыто высказывают несколько авторов статей, в частности В. Иноземцев, В. Кржевов и В. Шнирельман. Большинство остальных с той или иной степенью определенности также заявляют именно о корыстной природе антимодернизаторских настроений власти и элиты.

Вторая идея, об обреченности национальной специфике, такой поддержкой не пользуется, но несколько авторов, например А. Зудин и Н. Покровский, подчеркивают важность национальной специфики в процессах модернизации.

Идея же «середины», предложенная Э. Паиным, сегодня не пользуется большой популярностью, но она по-своему замечательна, и, видимо, за ней будущее. «Действия власти, во многом блокирующие освоение массами социально-политических новаций», не сознательно злонамеренны и не направлены именно на подавление некоторых «новаций», а ошибочны, обусловлены отчасти «своеобразием функционирования и ролью бюрократического аппарата», а отчасти непониманием элитой интересов страны. Это не своекорыстная злонамеренность (как утверждают экономические детерминисты) и не культурная детерминированность (нам Русский Бог иначе не велел), а ошибка. На ошибку можно указать, ошибку можно исправить. В своем известном интервью журналу «*Time*» В. Путин допускает возможность власти совершать ошибки. Эта плодотворная идея лежит в основе социальной инженерии – не надо ни революций, ни даже смены парламента, нужно указывать на ошибки, а власть будет их исправлять.

Первая часть сборника названа «Российская самобытность: в чем она?» Замечательно, что тот подход к действительности, который предпочли многие авторы: ярко выраженная историчность

мышления, сильный уклон в детерминированность исторического процесса, пристрастие к теоретическим построениям, концептуализации, обобщениям, – сам по себе является «самобытной» особенностью российского интеллектуального ландшафта.

Открывается первая часть статьей Э. Паина «Особенности российской модернизации и их историческая природа», посвященной определению специфики, причин отставания, предпосылок для модернизации, формированию ее субъектов, «движителей» – «политической нации» (народа, осознавшего свои интересы и активно их отстаивающего) и элиты, главным образом в лице экономического среднего класса, миллионеров, людей, которым «есть что терять».

Статья О. Волгогоновой – это попытка понять модернизацию как индивидуальное, рациональное, экономическое поведение. А поскольку русский дискурс и российская история демонстрируют преобладание явно не индивидуальной модели поведения, не рационально-экономического поведения и высокую ценность государственного «объединяющего» начала, то и модернизация, по мысли автора, почти обречена идти по авторитарно-политическому руслу.

Смысл статьи В. Кржевова отражен в ее названии: «Циклы российской модернизации: всевластие бюрократии как причина незавершенности реформ». Начиная с модернизационного «проекта» Петра I бюрократия имеет свои корыстные интересы в том, чтобы реформы не доводились до конца. Особо отмечает автор активно идущую смычку современной бюрократии и Русской православной церкви, что также имеет свою предысторию, и усиление авторитаризма.

А. Рябов видит основную причину «срыва модернизации» в неспособности общества выдвинуть социальную силу – субъекта модернизации, который мог бы противостоять «правлящей элите», заинтересованной в поддержании *status*

quo. Исследователь предполагает, что будущий модернизационный импульс придет из среды провинциального бизнеса и будет порожден «плюрализацией» и конкуренцией внутри элиты.

А. Зудин в статье «Традиционализация и укоренение политических инноваций» полагает, что отмечаемая всеми авторами «традиционализация» общественных представлений – неоднородное явление, несущее в себе элементы политических инноваций. «Невосприимчивость» идеи разделения власти не сопровождается поддержкой идеи «пожизненного президентства». В частности, в процессе оживления в общественном сознании «образа врага» автор видит (бессознательную?) реакцию общества на очевидную неспособность быстро сравняться с этим самым «врагом» по уровню жизни и демократических свобод.

Вторая часть книги «Отраслевые ракурсы российской модернизации» открывается статьей А. Вишневецкого о «демографической модернизации» – проблеме смены парадигм поведения при воспроизводстве семьи. Основным фактором этой смены является резкое уменьшение детской смертности. Если 200 лет назад она достигала 25–30%, то сегодня даже в наших крайне неблагоприятных условиях составляет около 10 на тысячу новорожденных. Автору кажется, что проблема депопуляции России – это часть общего для всего развитого мира процесса уменьшения рождаемости.

Статья В. Иноземцева «О невозможности модернизации России» – одна из лучших в сборнике. Начав ее с резких замечаний в отношении российских интеллектуалов, занятых теоретическими построениями «общефилософских концепций», «далеких от жизни», автор тут же обращается к теоретической концепции развития знаний, поправляя при этом Сен-Симона, делает терминологический экскурс в значение слова «модернизация». Переходя к сути проблемы, В. Иноземцев предлагает несколько

характеристик успешной модернизации: смиренное приятие роли ученика, внешнее принуждение и открытость миру, отказ от идеи узко специализированной экономики, максимальное развитие человеческого потенциала и «предельное высвобождение творческой активности». Ни одно из этих условий, с точки зрения автора, сегодня не выполняется. Элита занимается самоуспокоительным «мифотворчеством»: мы обещаем через несколько лет произвести 15% всех самолетов, верим в американский заговор погубить Россию и объясняем Европе, что церковь принесла миру эпоху Просвещения. Поэтому и шансов на модернизацию в современной России мало.

Социологи Л. Гудков и Б. Дубин в статье «Представления о модернизации российской элиты» решают некоторые теоретические вопросы модернизации. Например, почему в истории России все попытки «модернизации сверху» не доводились до конца. Во второй части они рассматривают собственно заявленную тему. Выводы, к которым приходят авторы, являются «приговором российской элите», снимающей с себя «функции определения и обсуждения целей развития, задач государства», «собственно политических вопросов». И в этом элита солидарна с обществом. Она вполне поддерживает нынешнее положение вещей, а к отдельным недоброжелательным ее представителям, «московским интеллектуалам» (экономистам, политологам, писателям, обозревателям и журналистам), вряд ли собираются прислушиваться «властные верхи».

Емкая и точная статья В. Шнирельмана «Время цивилизации: цивилизационный подход как национальная идея» посвящена исследованию популярной идеи цивилизации в современных российских спорах о развитии. Статья замечательна тем, что автор не впадает в общетеоретические споры о сущности цивилизации, не уточняет западных авторов, не предлагает свою теоретическую концепцию, не начинает свои пост-

роения с рассказов о «протомодернизации Петра», а дает широкий и вместе с тем детальный обзор взглядов и мнений российских идеологов, общественных деятелей и ученых относительно «русской цивилизации» и ее исторических путей. Автор подчеркивает идею исключительности, присущую всякой, этнической или национальной, цивилизационной теории, когда даже самые узкие этноцентричные цивилизационные теории приводят к утверждению первородности своей «державотворящей нации».

О. Малинова обсуждает тему дискуссии славянофилов и западников в 1840–1850-х годах, анализирует языковые формы, в которые вылилась эта полемика, формирование основных дискурсивных оппозиций («мы» и «другие») и некоторые следы этой дискуссии, сохранившиеся в российском политическом дискурсе до настоящего времени.

Статья Х. Балзера «Россия и Китай в глобальной экономике» посвящена разным стратегиям развития, модернизации, которые продемонстрировали эти две страны в последние десятилетия. При очевидно более благоприятных для России начальных условиях модернизации Китай быстро вырвался вперед, и сегодня именно эта страна, а не Россия, является лидером и бенефициантом модернизации. Причины этого автор видит в «открытости миру», «широкой международной интеграции» Китая, в то время как россияне «яростно сопротивляются» и верят, что «Запад мало чему может их научить». Еще одна причина – в Китае свободная конкуренция регионов способствовала их развитию, а в России сначала вольница, а затем строгое вертикальное подчинение – нет. Третья причина – утечка мозгов из России и политика поощрения возвращения обученных на Западе специалистов в Китае. Четвертая – коррупция, которая в Китае не столь тотальна и качественно другая, чем в России: в Китае коррупционеры

«обеспечивали производство общественных благ и поддерживали инвестиции», а в России – были заняты «перераспределением» общественного богатства.

Д. Драгунский в статье с загадочным названием «Состояние кроссморна» утешает нас и другие общества, непохожие (технологически или/и культурно) на развитые западные страны. С точки зрения автора, «евроатлантические» деятели стараются «загнать более 6 миллиардов людей», землян, на маленькую «афинскую агору – площадь для народных собраний». Усилия эти напрасны, поскольку все люди и культуры – разные, и просто надо дать всем жить в рамках их культур и обычаев или, как шутит автор, разрешить каннибалам время от времени съедать кого-то из своих соплеменников в качестве священной жертвы. С ее, жертвы, согласия, разумеется.

Размышления о модернизации сегодня – это в основном разного рода объяснения того, «почему у нас не получилось и, видимо, получится не скоро». Т.е., говоря языком студенчества, – если и не сплошной негатив, то депрессуха. Ярким пятном позитива является статья Н. Покровского с энергично публицистическим названием «Горячее дыхание глобализации», в которой автор описывает современные концепции глобализации. (На одну из них – «миросистемную модель И. Валлерстайна» (с «ядром, полупериферией и периферией» исторического процесса) – ссылаются несколько авторов настоящего сборника.) Автор дает краткую характеристику разных концепций и выделяет некоторые «черты глобализации»: всеохватность; глобальное vs. локальное; множественность культурных гибридов; «минимализация (в идеале – упразднение) национально-государственного фактора»; «новая концепция рациональности», которую автор понимает как «свободу выражения многообразия». Глобальный мир становится все более виртуализованным: реклама за-

слоняет собой товар, виртуальная аудитория заменяет университет.

В России, с точки зрения автора, активно «реализуется большинство глобалистических тенденций», она «выступает в качестве своеобразного “испытательного полигона”, на котором апробируются те тенденции, которые лишь в будущем полностью проявят себя в глобальном пространстве». Н. Покровский озабочен необходимостью «консервации культурных ценностей и архивирования культурного наследия... прежде всего в качестве “хранилищ” живых ценностей». Автор пишет, что до него «в отечественной литературе не высказывалась идея относительно “испытательного” и экспериментального характера современной российской культуры под углом зрения современных глобалистских подходов». А ведь «при таком повороте угла зрения Россия предстает не как отсталая и почти “вараварская” периферия высококультурного Запада, но как социум, в котором имеет место предвосхищающее развитие глобальных тенденций...»

Как говорится, с революцией, предвосхитившей мировое развитие человечества, не удалось, с реформами, великими и историческими, пока не пошло, с модернизацией как-то не во всем получается, зато на глобализации мы отыгрались: предвосхищаем, ставим эксперименты, превратили страну в полигон. Глобализация горячо дышит нам в затылок. Эй, держись на повороте!

Статья *Е. Головахи* и *Н. Паниной* «Основные этапы и тенденции трансформации украинского общества: от перестройки до парламентского кризиса 2007 года» российскому читателю будет интересна прежде всего своими ностальгическими нотками. Авторы анализируют логику и специфику этапов институциональных, социально-структурных и социально-психологических преобразований Украины в последние два десятилетия.

Четвертая часть сборника «Россия региональная» представлена тремя ста-

тьями. В первой *А. Макарычев* на солидной теоретической базе приходит к выводу о «деполитизации» российской политики в целом и политики в отношении регионов в частности. Состоит она в том, что региональные политики, которых выбирали и которые вели свои собственные политические игры, сменились назначенцами из центра. Автор замечает, что на новом этапе в России восторжествовала идея инструментального управления, сменившая более или менее живую составительную политику, но не присоединяется к многочисленным российским экспертам, поддерживающим «деполитизацию». *А. Макарычев* указывает на опасность «нестабильности» такой политической системы. Стоит отметить, что большинство привлекаемых им западных авторов писало о деполитизации на основе критики западных политических реалий. Слабое, но утешение.

А. Дахин в статье «Региональное измерение политико-административных реформ в России 2004–2008 годов» на примере Нижегородской области показывает, как преломляется в регионе политика «ручного управления» (вертикаль власти). На уровне публичной политики региональная власть пытается решать проблемы управления с помощью «пропаганды регионального патриотизма и единства ветвей власти. ...Губернатор стремится сосредоточить в своих руках полномочия по управлению всеми значимыми ресурсами региона». Если решаемые властью задачи оказываются сколько-нибудь масштабными, то система управления дает «технологические» сбои, и в результате часто бывают провалы. Автор выделяет четыре компонента властного ресурса российской номенклатуры: структуры личного доверия с центром в лице В. Путина, службы госбезопасности, связь с РПЦ, связь и контроль над экономическими структурами. Четыре модели обеспечения региональной лояльности, приводимые автором, базируются на общем принципе: лидер региона

должен быть полностью контролируемым. Как заметил Д. Медведев: «Все остальное: образование, собственная команда и даже опыт – очень важны, но вторичны». Центральная власть либо просто «доверяет» регионалу, либо доверяет, потому что «не имеет альтернативы». Последний вариант – Чеченская Республика – скорее исключение, так как у центра есть альтернативы в лице местных кадров или пришлых «варягов».

Последняя статья сборника принадлежит *Н. Мухарямову* – «Республика Татарстан: вызовы модернизации в исламском контексте». Речь в ней идет о том, как Татарстан успешно решал и решает проблемы модернизации в экономике, культуре, духовной сфере и, конечно, в политике (как в отношениях внутри республики и с федеральным центром, так и в позиционировании себя на международной арене). Умеренный патернализм президента республики, возрождение ислама, но не в ущерб другим религиям и исключение радикальных его элементов, идентификация республики как «синтеза цивилизаций», умелое позиционирование в отношениях с центром, успешное развитие экономики – черты современного Татарстана. Автор критически оценивает замечания и «планы» современных евразийцев, касающиеся отношений центра и Татарстана, в частности политику на противопоставление Башкирии и Татарстана. Приводятся многочисленные похвалы и положительные оценки внутренней политики республики, звучавшие из уст россий-

ских и европейских лидеров, европейских и американских исследователей.

Мы уже отмечали выше, что многие статьи сборника носят теоретический характер, именно так он и задумывался. И в этом его интерес: осмотреться, преломить западные теории на нашей действительности.

Логичным следующим этапом исследования процессов модернизации стало бы изучение конкретных проблем, отраслей и сфер жизни. Каковы результаты последних 17 лет развития страны: от изменения структуры производства и потребления, транспортной системы, количества и протяженности дорог с твердым покрытием до изменений в качестве жизни, доступе к информации, ее количестве и качестве, уровня бюрократизации, степени и качества политического участия. Кажутся заслуживающими более глубокого внимания такие проблемы, как анализ модернизационных сил и потенциалов. Было бы интересно рассмотреть их не исключительно как властные вектора, но как стремление к удовлетворению потребностей разных слоев населения, идущие снизу и поддерживаемые или не поддерживаемые властью. Безусловно, отдельного исследования заслуживает и роль языка в модернизационных процессах.

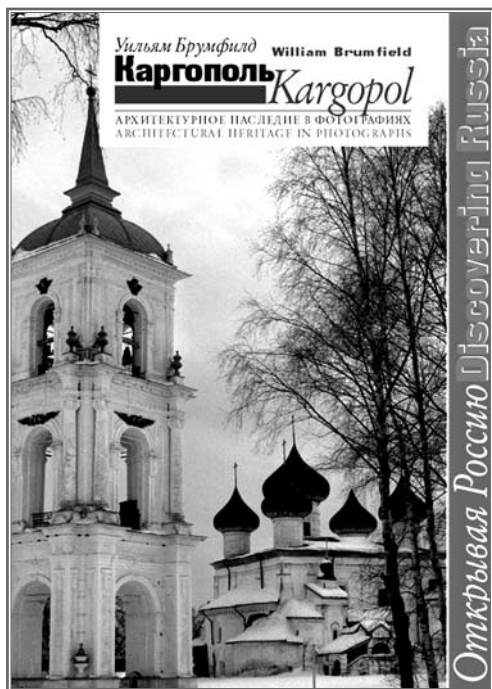
Александр Алтунян,
*кандидат филологических наук,
заместитель декана факультета
журналистики Международного
университета в Москве,
Former Kennan Institute Regional
Exchange Scholar*

Вышли из печати

Альбом «Каргополь» издан московским издательством «Три квадрата» при поддержке Института Кеннана. Он посвящен архитектурному наследию одного из старейших городов Русского Севера. Это авторский фотоальбом Уильяма Брумфилда – одного из лучших западных знатоков русского зодчества, профессора славистики университета Тулейн (Новый Орлеан, США), почетного члена Российской академии архитектуры и Академии художеств. В книгу вошли цветные и черно-белые фотографии архитектурных и исторических объектов в самом Каргополе и близлежащем селе Саунино, сделанные автором во время его многочисленных путешествий по России. Негативы представленных отпечатков находятся в Национальной галерее искусств в Вашингтоне.

Издание включает в себя авторский текст на русском и английском языках, в котором содержится обзор истории города с описанием некоторых его окрестностей; в начале книги помещен фрагмент карты Московии Гийома Делиля с изображением Каргополя, выпущенной в Париже в 1706 году.

Это шестой выпуск серии «Открывая Россию», посвященной не слишком известным уголкам России и их архитектурной истории, успешно начатой альбомами «Тотьма», «Иркутск», «Тобольск», «Соликамск» и «Чердынь». Издание предназначено как для специалистов, так и для людей, интересующихся краеведением, архитектурой и фотографией. Мы надеемся, что благодаря этому двуязычному изданию жители не

Уильям Брумфилд. Каргополь.
Архитектурное наследие в фотографиях
(серия «Открывая Россию, выпуск 6»). М.:
Три квадрата, 2007. 88 с., 71 илл.

только России, но и США смогут лучше познакомиться с сокровищами российского культурного наследия.

Издание можно приобрести в книжных магазинах или заказать по адресу:
Москва 125319, ул. Усиевича 9,
Редакция, Издательство
«Три квадрата»
Тел. (495) 151-6781,
факс (495) 151-0272
Эл. почта: info@triquadrata.ru

Summaries

Vladimir Gel'man

Evolution of Electoral Policy in Russia: On the Path to Non-democratic Consolidation?

The 2007 Gosduma elections and the 2008 Presidential elections marked the completion of a transformation of electoral policy that had begun in 1989 during the elections of deputies to the Congress of USSR Peoples Deputies, and were a clear demonstration of the move toward non-democratic consolidation of the political regime. The outcome of the elections was known to be predetermined, and voting served merely as a mechanism for legalizing the decisions taken by the ruling groups. Consolidation of the political regime in Russia achieved on this basis could lead not only to a strengthening of the status-quo that has emerged in the arrangement of political powers, irrespective of changes in voters' preferences, but also to diminishing the role of such institutions as political parties (except that of the «party of power») and the legislature at all levels of power.

Was this outcome of the transformation of electoral policy in Russia caused solely by the dislocation of political powers or was it a consequence of the overall logic of development of the Russian political regime? What is the place of free, but unfair elections in the theoretical and comparative context of electoral policy, and what will happen to elections in Russia in the future? The author searches for answers to all these questions.

Maria Belousova

Mythological Reality of a Voter

Why do voters participate in elections today? Sociological surveys show that a majority of the population is aware of the predictability of elections results, has doubts about the integrity of vote counting, and does not regard elections as a means by which people can influence the actions of governmental bodies.

According to the author, participation in elections is a sort of tradition that has been observed for decades. By performing the electoral ritual people support the myth of a stable and recognizable world. Voting ritual allows a person to regard himself as an actor, if unable to influence, then at least to be involved in the social creative process. Collective approval of the myth acts as a form of agreement and solidarity. Holding regular elections is an essential element in the image of a stable country, both for the world community and for Russian society. The elections themselves are nothing but a ritual, aimed at maintaining the myth.

Vladimir Malakhov

Why Russia Lacks «Multicultural Research»

According to the Constitution, the Russian Federation is a «multinational country». However, the issue of cultural diversity of Russian society is hardly ever discussed in public and remains marginal in academic debates. According to Vladimir Malakhov, this can be explained by the unhealed trauma caused by the collapse of the state, the consequences of the Soviet government's ethnic policy, and the specific details of identity policy pursued by Russian elites in recent years.

The author believes that over the long term it is inevitable that the issue of cultural pluralism will be recognized and studied. This process will be fostered in the first place by the migration inflow of people belonging to cultures different from that of the receiving community. Secondly, as globalization processes gain strength, the demand for diversity becomes more pressing. Modern information technologies and global interest in diversity promote the

formation of transnational identity communities (including those based on ethnic and/or confessional unity). Under such circumstances continuation of the «Orthodox-Imperial» policy of identity pursued today by Russian elites will become counterproductive.

Olga Vendina

Cultural Diversity and «Secondary» Effects of Ethno-cultural Policy in Moscow

Over the past 15 years the Moscow authorities have tried to develop a policy aimed at harmonizing national relations that would take into account the ethno-cultural diversity that exists within the capital's population. The author illustrates the inconsistency of such a policy, which combines discriminatory methods with measures directed at strengthening ethno-cultural institutions and tolerance. Ethnic culture as an entity is regarded in a positive sense, but is separated in practice from its carriers. This happens at all levels of society. The positive processes of accumulating diversity capital that can be observed today are the result of self-organization by the population rather than state policy, and the practical adaptation of foreign cultures happens not in school or through the educational system, but in everyday life and through increasing ethnic self-representation.

According to Olga Vendina, city policy should focus on creating a single, unified system for socializing younger generations and broadening their access to social elevators; strengthening Moscow identity as a basis for social community; revealing the divergence and cohesion of roots that nourish different cultures; and demonstrating the mutual complementarity of cultures.

Tatyana Ivanova

Afghans in Moscow: Potential for Integration

The author provides readers with the results of research on the potential for integration of Afghan refugees living in Moscow. According to the data collected, the general level of integration of Afghan refugees into the Russian social environment is quite high. The main obstacle to normalization of Russian Afghans' everyday life is the uncertainty of their civil status. The author argues that introducing a state program to legalize their status could significantly alleviate the problem of the Afghans' illegal presence in Russia; this would be based on de jure recognition of their long residence in Russia and would take into account the needs of both older and younger generations of Afghan refugees and of people seeking refuge.

Viktor Shnirelman

Identity, Culture and History: Provincial Aspect

The author considers various versions of history that exist in different regions of Russia. Russians are not satisfied with an all-Russian identity, and in a number of cases they are prepared to reject this identity altogether. People living in various regions and localities are looking for specific, local identities, and this finds expression in the distinctive interpretations of local ancient or medieval histories being produced in these places. Many are permeated with ethnic flavor, which forces people to regard their history from a purely ethnic point of view. The emphasis is placed on ethnic nature, or language, or a metaphorical expression of a «native» or «pre-native land», or on culture, or on territorial unity, or on some global mission of the local people.

Different regional versions of historical development and their representations are politically and ethno-politically loaded. They are exploited by policies of symbolism, and used in the symbolic exploration of time and space. Such local histories make no mention of civil identity, whereas ethnic Russian identity is constantly stressed.

From Ethnic to Political Nation - Is It Possible in Russia?

Discussion Proceedings (with the participation of Emil Pain, Lev Gudkov, and Vladimir Malakhov)

Comments Made by the Editor-in-Chief of the Journal

In the course of discussion two vectors of interpreting the meaning of the ethnic component in formation of a civil, political nation emerged. The first: does the transition from ethnic to political nation seem realistic, in the sense that a political nation could be formed on the basis of a pre-existing ethnic consolidation? All the participants unanimously rejected such an interpretation. Pain, who had posed the question, confessed that it had been an intellectual provocation and said that in his opinion «the transition from one type of nation to the other is impossible».

The second vector: is it necessary to regard ethnicity «solely as an enemy,» as the modern Russian liberal community does, or rather as a feasible «reserve for building civil solidarity»? The participants' disagreement on this issue proved that the field under consideration is much more ambiguous and complicated than it appears at first sight.

Linda J. Cook

Politics, Privatization, and Informalization in Post-Soviet Welfare State Reform

Linda Cook devotes her article to the specifics of social reforms in post-communist states, using as an example three states: Russia, Belarus, and Kazakhstan. Proceeding from approximately the same starting position, by 2002 the three states showed different results in building welfare systems: Belarus retained a predominantly statist model with moderate levels of financial welfare; Kazakhstan created a predominantly liberal model; and Russia stood closer to informalized type. The author argues that an important part of the explanation lies in domestic politics, that is, in which actors were able to influence decisions to cut, preserve or re-shape programs and entitlements across major areas of the welfare state.

Cook comes to the conclusion that when analyzing social policy in post-communist states one must recognize the influence of a strong bureaucratic welfare inheritance. In addition it is important to pay attention not only to formal political institutions and actors, but also to corruption and informalization processes. Especially where states are weak and recessions prolonged, actual developments in social sectors may become disconnected from both politics and markets, and determined by spontaneous and localized processes.

Yuri Baturin

The US Embassy. Moscow. 1944. Top Secret...

(Episodes in George Kennan's Diplomatic Mission in the USSR)

The author uses archival data to reconstruct some episodes from the diplomatic mission of George F. Kennan. This skillful diplomat almost always succeeded in achieving his goals. But there was one case in which he failed. For a long time the reasons for his failure remained secret, but recently published information proves that it was hardly Kennan's diplomatic defeat, but rather a consequence of a secret Soviet strategic operation. This operation began in the autumn of 1937 but became a serious problem for American diplomats during negotiations in the spring of 1944.

ПРИГЛАШАЕМ АВТОРОВ К СОТРУДНИЧЕСТВУ

*Предполагаемые темы четырнадцатого выпуска
«Вестника» (осень 2008):*

- ***Стратегическое развитие российского общества на среднесрочную и долгосрочную перспективу***
- ***Влияние сложившихся в нем норм и ценностей на модернизацию страны***
- ***Соответствие политического процесса потребностям общественного развития***

*Редакция будет признательна авторам,
которые пришлют статьи по этой проблематике
до 1 сентября 2008 года.*

По этим темам принимаются материалы объемом не более 40 тыс. знаков (с пробелами) в электронной версии формата Word for Windows. Комплект статьи включает справку об авторе, в которой указывается фамилия, имя и отчество, место работы, ученая степень, ученое звание, адрес, телефон, факс, адрес электронной почты. Автор должен указать источники всех приводимых в статье цитат, цифр и иной информации. Аббревиатуры поясняются. Ссылки должны быть оформлены в соответствии с государственным стандартом и расположены в конце текста в порядке следования. Примеры:

1. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Academia-Центр, 1995. С. 281.
2. *Шахов М.О.* Проблемы взаимоотношений старообрядчества с современным миром // Старообрядчество. История. Культура. Современность. М., 1998. С. 10.
3. *Hamilton G.H.* The Art and Architecture of Russia. Baltimore: Penguin Books, 1975. P. 180–182; *Brumfield W.C.* Gold in Azur: One Thousand Years of Russian Architecture. Boston: David R. Godine, 1983. P. 227–333.
4. *Найман А.* Русская поэма: четыре опыта // Октябрь. 1996. № 8. С. 131.

Решение об опубликовании материалов принимается редколлегией.

Редакция оставляет за собой право на литературную правку
и изменение заглавия статей.

ВЕСТНИК ИНСТИТУТА КЕННАНА В РОССИИ

№ 13 / 2008

Адрес редакции: Москва, ул. Волхонка 14, комн. 527,
РОО «Содействие сотрудничеству Института им. Дж. Кеннана с учеными
в области социальных и гуманитарных наук»

Адрес для корреспонденции: 123001, Москва, а/я 90
Тел./факс: (495) 232-34-96 Электронный адрес: kennan@kennan.ru

Сдано в набор ... Подписано в печать ... Формат ... Объем ... п.л.
Тираж 750 экз. Печать ... Заказ № ...
Отпечатано в типографии «Инсайт Полиграфик»
Мичуринский проспект 1, офис 104-Б
Эл. почта: info@insight.ru